

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ГИБЕЛЬ И БЕССМЕРТИЕ ВАСИЛЯ СТУСА
- ДИАЛЕКТИКА ВЛАСТИ
- ПЯТЬ ЛЕТ "СОЛИДАРНОСТИ"
- КОГДА ЖЕ НАСТУПИТ ТУЧНЫЙ ГОД?
- СОВЕТСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
- ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ РАИСЫ ЛЕРТ
- СТРЕЛЬБА В ЧЕРНОМОРСКОЙ ЗДРАВНИЦЕ
- ПАЛАЧ УХОДИТ НА ПЕНСИЮ
- В АЛБАНИИ БЕЗ ПЕРЕМЕН
- КАГАНОВИЧ И ЕМУ ПОДОБНЫЕ
- ГВИНЕЯ ПОСЛЕ СОЦИАЛИЗМА
- ДЕТИ АФРИКАНСКОЙ ПРИРОДЫ
- ТАМ, ГДЕ ЗЕМНОЙ РАЙ
- ПУШКИН — СЛАВЯНОФИЛ И ЗАПАДНИК

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), Р.Шапиро (Иерусалим), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов), в США, Канаде и Израиле – 35 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 45 ам. долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера – 6 нем.марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам. долл.) Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник	1
Дым отечества	14
Вести из СССР	16
<i>В.Меникер.</i> Советский экономический человек существует	23
<i>М.Лемхин.</i> Стыдно ли много зарабатывать?	25
Между прочим	27
<i>М.Рейман.</i> Агент в Политбюро. Окончание	28
Из газет: 50 лет назад	38
<i>Р.Лерт.</i> Правда о "Поисках"	39
<i>И.Брежна.</i> Великий баобаб	61
<i>Ж.Тьелуа.</i> Окаянный континент	73
<i>Т.Шаберт.</i> Анатомия власти	77
Из газет: 60 лет назад	82
<i>Г.Померанц.</i> Жажда добра	83

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.

Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99; telex 5218017 unbt.

Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).

Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

В последнее время разведывательные службы западных стран во многом осложнили жизнь собственным правительствам. Еще не утих шум, вызванный раскрытием секретных агентов, подсаженных восточногерманской разведкой в ФРГ, как начались неприятности для французского правительства. Они были вызваны взрывом в новозеландском порту Окленд судна "Рэйнбоу Уорриор", принадлежавшего пацифистско-экологической организации "Гринпис". Судно должно было выйти в район атолла Муруороа, к югу от острова Таити — к месту французских ядерных испытаний для демонстрации протеста.

После того, как в печати появились обвинения, что взрыв осуществлен агентами французской секретной службы, для расследования инцидента был назначен Бернар Трико, в прошлом — начальник секретариата де Голля, ныне — член наиболее уважаемого административного органа страны — Государственного совета.

Документ, подготовленный Б.Трико, ничего не объяснил, а лишь запутал дело. Работа сделана добросовестно, но пользы от нее никакой. Итог ее таков: на основании проведенных бесед и анализа официальных документов нельзя утверждать, что правительство или секретная служба были замешаны в инцидент. Ничего не сказано, и никто не обвинен.

Можно ли было ожидать, что член Государственного совета начнет отбивать хлеб у Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро? Разумеется, кабинетной юридической работы с документами было недостаточно, чтобы заявить по адресу секретной службы: не виновна. Все равно остается

классический вопрос: кто совершил преступление и кому оно было выгодно? Саботажники, взорвавшие мину на "Рэйнбоу Уорриор", в результате чего погиб один из членов экипажа — португальский фотограф, оставили так много следов, которые вели к французской секретной службе, что это могло бы свидетельствовать или о полной профессиональной непригодности или же — о прямом намерении дискредитировать Францию. Известно, что французское военное командование знало о планах судна пацифистов и могло воспрепятствовать им, не прибегая к услугам специальной группы, тренированной для проведения подводных взрывов. Неизбежно возникает мысль о провокации. Почему не попытаться поиграть на враждебности к Франции в этом районе Тихого океана, где усилились требования объявить район безъядерной зоной и прекратить французское присутствие в "заморских департаментах"?

Не только демократические правительства испытывают трудности со своими секретными службами. Президенту Чили Пиночету пришлось уволить одного из членов правящей хунты — начальника карабинеров генерала Сезара Мендосу. Мендоса отличался особой жестокостью в действиях против оппозиции. Со времени переворота 1973 г. он был правой рукой Пиночета и одним из членов высшего военного командования. Однако, когда после происшествия, ставшего в Чили обыденным, — обнаружения трупов трех противников хунты — начались демонстрации протеста, невиданные с 1983 г., Мендосой пришлось пожертвовать. Тогда же бы-

ли арестованы 14 офицеров полиции и нижних чинов, а в августе наступила очередь 15 полковников. Затем были перемещены пять генералов и 19 офицеров. Были уволены в отставку генерал-полковник и 29 офицеров-карабинеров. Немедленно распространились слухи о том, что чистки на самом деле были вызваны раскрытием заговора против Пиночета. Слухам помогало то обстоятельство, что диктатура в Чили неприятна Вашингтону. Она заслужила печальную привилегию быть упомянутой Рейганом среди последних диктатур Латинской Америки. Так или иначе, некоторое личное удовлетворение противники хунты получили. Это поощрило оппозицию к более открытым действиям в поисках демократической альтернативы. Оппозицию составляют правые – христианские демократы, социал-демократы и социалисты. Коммунисты, которые признают насилие как способ свержения нынешнего правительства, в оппозиционную коалицию не вошли. Впрочем, для оппозиции гораздо важнее поддержка, которую они получили от архиепископа столицы Чили – Сантьяго.

В Великобритании возникли противоречия другого рода. Это было столкновение крайних и умеренных на ежегодном съезде Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), происходившем в курортном городке Блэкпул на севере страны. БКТ является по существу профсоюзной монополией Великобритании. Традиционно БКТ связан с лейбористской партией, которая последние полвека правит страной попеременно с консерваторами. Часть делегатов съезда выступила с предложением создать свою собственную политическую партию, независимую от лейбористов. Члены БКТ, голосующие за консерваторов, не хотят, чтобы их профсоюзные взносы шли на поддержку их политического противника.

В начале своей долгой истории профсоюзы добивались улучшения условий труда путем забастовок на отдельных предприятиях или переговоров с правительством, но почти всегда – с позиции слабости. Возникла необходимость в создании собственного политического представительства, каким и стала лейбористская партия. В нее входили, кроме профсоюзов, и другие организации, а также отдельные лица, но именно профсоюзы были основным источником денег и людских резервов для партии. Любой политик, добивавшийся поста лидера партии, а затем – и поста премьер-министра в правительстве,

мог рассчитывать на достижение этих целей только через профсоюзный аппарат.

Может показаться, что тут есть некоторая аналогия с Советским Союзом, где профсоюзы действуют как "приводные ремни" партии, которая – по Ленину – является боевым авангардом пролетариата. Однако разница в том, что лейбористская партия – не единственная в Великобритании, а сами "приводные ремни" значительно отличаются друг от друга своей направленностью.

Это отчетливо проявилось в Блэкпуле. Среди "экстремистов" вновь оказался Артур Скаржилл, руководитель профсоюза шахтеров. Несмотря на свое недавнее поражение, он чувствует себя крепко. Он сумел добиться резолюции, согласно которой лейбористское правительство – когда оно вернется к власти – выплатит компенсацию за фонды и денежные средства, изъятые по суду у профсоюза после проигранной стачки 1984 г. На другом краю политического спектра находится – второй по численности (1 млн. членов) профсоюз инженеров. Вместе с профсоюзами работников электронной промышленности, связи и водопроводчиками (380 тыс. чел.) он образует умеренное крыло БКТ. Именно из-за них и возник кризис. Премьер-министр М.Тэтчер, которую давно обвиняют в желании подорвать мощь профсоюзов, предложила, чтобы решения об объявлении забастовок принимались с участием всех заинтересованных рабочих, а не только профсоюзным руководством. Чтобы это стало возможным, правительство готово даже оплачивать расходы на голосование по почте.

Правление БКТ ответило отказом. Однако профсоюз инженеров высказался за такие консультации. Правление ответило ультиматумом: изменение позиции профсоюза или приостановка его членства в БКТ. Решение отложено до ноября.

Все это происходит не в самое удачное для лейбористов время. Опросы, проведенные в связи с приближающимися парламентскими выборами показывают: у лейбористов есть все шансы их выиграть. Кризис же в БКТ ставит эти надежды под вопрос. Лидер лейбористской партии Нейл Киннок это понимает; он неоднократно пытался вмешаться в ход съезда в Блэкпуле. В результате не было принято необратимых решений. Однако нельзя откладывать разрешение наболевших вопросов до бесконечности. ●

Г. Ферон

ЧТО НОВОГО В АЛБАНИИ?

Ничего. Начало правления нового генсека Албанской партии труда Рамиза Улия, избранного вместо покойного Энвера Ходжи (см. Страна и мир, № 4, 1985) составляет решительный контраст с деятельностью другого "новичка" — М. Горбачева. Если последний начал с решительной персональной перетряски руководства на всех уровнях, то для Р. Улия главное, по-видимому, — ничего не менять. Единственная персональная перестановка — это назначение на пост первого секретаря столичного комитета партии Пиро Конди — человека, считающегося "твердокаменным" даже по албанской мерке.

Р. Улию не обвинишь в том, что он полон новых идей. Он продолжает настойчиво повторять, что является верным продолжателем дела Ходжи. Свою большую речь, произнесенную в Тиране 26 августа, он практически целиком посвятил теме преемственности. Единственные проблески перемен можно наблюдать во внешней политике, но и здесь Р. Улия лишь продолжает дело Ходжи — робкие изменения в этой области начались еще при его жизни.

Речь не идет об изменении отношения Албании к гигантам — к СССР и США. Перемены касаются лишь европейских стран, в первую очередь, географически близких: Греции, Турции, Италии. Р. Улия неоднократно подчеркивает желание установить с ними "добрососедские отношения", что означает, в первую очередь, развитие торговых и культурных связей. А недавно Р. Улия публично упомянул о том, что начаты переговоры о восстановлении дипломатических отношений с Великобританией.

Пока состоялись два раунда секретных переговоров между обеими странами: один до смерти Ходжи, другой — после. Переговоры проходили в Париже. Великобритания готова восстановить дипломатические отношения без каких-либо предварительных условий. Но, как пояснил в конце августа Р. Улия, обмен послами не может быть произведен, пока Албании не будут возвращены 2,5 тонны золота, в свое время захваченного в Албании нацистами, а сейчас хранящегося в банках Англии и США.

Ответственность за судьбу этого золота лежит не на одной Англии, но на трехсторонней комиссии, членами которой являются также США и Франция. Для возврата золота их согласие необходимо. Дополнительная трудность состоит в том, что пока так и не удалось установить, какая часть этого золота принадлежит Албании (сама Албания утверждает, что практически все). Кроме того Англия не намерена возвращать никакого золота, пока Албания не заплатит 840 тыс. фунтов — сумму, установленную Международным судом в Гааге, в качестве компенсации за взрыв двух английских эсминцев в 1946 г. в проливе Корфу, за пределами албанских территориальных вод. Албания отрицает, что она причастна к этому делу. Возможным выходом из тупика будет согласие Англии на новое расследование "инцидента Корфу". ●

НЕДОСТАТОЧНО ПРОЛЕТАРСКАЯ БОЛГАРИЯ

Дерево советско-болгарской дружбы надо поливать и уваживать — такой урок агротехники преподал М. Горбачев своему верному союзнику Т. Живкову во время его последнего визита в Москву в июне этого года. Как видно из интервью советского посла в Софии Леонида Грекова, опубликованного в болгарском еженедельнике "Поглед", дерево и в самом деле нуждается в уходе.

Суровой критике подверг посол качество болгарских товаров, которые экспортируются в СССР. Видимо, посол имел в виду болгарские овощи и фрукты и кошмарные сигареты, идущие в СССР без традиционной примеси вирджинских сортов табака. Впрочем, посол (человек справедливый) смягчил свою критику

тем, что заявил: советские товары, поставляемые в Болгарию, не лучше.

Особо суровой критике советский посол подверг болгарских рабочих за то, что они "недостаточно пролетаризировались". Посол обличает: "Рабочие нередко имеют дома в деревне. Там они занимаются сельскохозяйственными работами; вот почему, возвращаясь на заводы, они чувствуют себя как на отдыхе." Болгарская промышленность, по словам посла, оснащена дорогостоящим оборудованием, которое используется лишь на 10–15%. Речь может идти только о советских машинах – СССР держит в своих руках 60% болгарского внешнеторгового оборота, а собственное производство капитального оборудования в Болгарии еще не слишком развито.

Посол коснулся также энергетической программы балканского союзника. В стране уже построена густая сеть гидро-, тепло- и атомных электростанций, – заявил посол журналу, – но оказалось, что построить электростанции было легче, чем эксплуатировать.

Выступления советских послов в печати стран-союзниц со столь резкими критическими замечаниями обычно указывают на напряженность в отношениях, как это бывало в случаях с Польшей и Чехословакией (румынская печать таких вольностей не допустила бы). В случае с Болгарией это не так – болгарское руководство даже в рамках советского блока выделяется своим угодничеством. Возможно, конечно, что посол проявил личную инициативу. Но все же более вероятно, что он действовал в рамках официально допущенной всеобщей критической кампании.

Критика, правда, выглядит довольно неуклюже: и по-русски и по-болгарски упрек в недостаточной пролетаризации может быть истолкован как призыв к дальнейшему обнищанию. Что касается оборудования, как уже сказано, в основном, советского, – хорошо бы сначала убедиться, что дело не в его низком качестве. Болгарская же энергосистема построена болгарскими не по собственной инициативе, а в рамках планов СЭВ, руководимого Советским Союзом.

Впрочем, это уже придирки. ●

СОЦИАЛИЗМ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

В Югославии опубликована книга "Социализм и частное предприятие". Автор ее, Чедо Грбич, до своего ухода на пенсию – судья в Загребе, считает, что частный сектор югославской экономики мог бы сделать значительно больше, чем в настоящее время, для решения проблем безработицы в стране и для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Ч.Грбич отмечает, что в настоящее время 200 тыс. частных предпринимателей в Югославии держат примерно 100 тыс. работников. Расширение частного сектора помогло бы найти занятие для миллиона югославских безработных (при 22,9 млн. населения страны), а также для граждан, возвращающихся с работы за границей, так как сейчас многие европейские страны из-за собственной безработицы сокращают наем иностранной рабочей силы. Снятие существующего предела в 10 га для размера частного крестьянского хозяйства помогло бы созданию крупных и более производительных ферм (свыше четырех пятых обрабатываемых земель в стране принадлежит частному сектору).

Книга Грбича была распродана в течение месяца. Однако орган СКЮ газета "Борба" обрушилась на автора, обвинив его в стремлении к реставрации капитализма. "Борба" не ограничилась печатными нападками, а организовала также конференцию, на которой книга подверглась суровой критике. Однако все это не запугало не только Грбича, но и юридический журнал "Наша законитост", предоставивший Грбичу свои страницы для ответа. Ответ был достаточно суровым: Грбич сравнил отрицателей частного сектора с маоистами периода "культурной революции". Однако, как указывает Грбич, если китайцы ныне отошли от маоистских заблуждений, то югославские догматики не изменились. Действительно, уже не раз отмечалось, что после смерти Тито просоветские силы в партийном аппарате стали высказываться более открыто, и натиск на демократические завоевания усилился.

Пока теоретики спорят, жизнь берет свое. Государственный банк в Любляне (Словения) открыл специальный отдел по кредитованию частных предприятий. Ослаблены ограничения

на взятие земли в аренду. Однако сопротивление частным предприятиям в Югославии по-прежнему еще очень велико. ●

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

В конце августа исполнилось пять лет со дня подписания соглашений между правительственными комиссиями и объединенными забастовочными комитетами в Щецине и Гданьске. Утром 31 августа 1980 г. я, стараясь перекричать возбужденный гул голосов собравшихся в зале, диктовал комитетской машинистке последние пункты гданьского соглашения. Время торопило: участники переговоров, делегаты бастующих, толпы рабочих на верфях, вся Польша, и, пожалуй, весь мир, — все ждали, чем закончатся дела в Гданьске. Представители правительства предлагали отработать окончательный вариант соглашения где-нибудь у них — в воеводском комитете партии или в городском управлении. Но мы не согласились. Дело было не в символах, хотя факт, что историческое соглашение печатается в гуле стачки, сам по себе был символичен. Важнее всего было доверие. Мы не хотели, чтобы под видом шрифтовки стили была искажена хоть одна мысль с таким трудом достигнутого соглашения. Мы поставили на своем: документ будет переписан здесь, где он сложился, слово в слово в соответствии с договоренностью, со всеми шероховатостями стили, типичными для компромисса. Гладко пишутся акты о безоговорочной капитуляции. Конечно, в Гданьске выиграла рабочая, но ни одна из сторон не выиграла и не проиграла всего.

Потом наступил великий момент подписания соглашения, овации Валенсе и Ягельскому, об-

щее пение национального гимна — словом, тот краткий момент идиллии, когда поляки узрели возможность национального единства. Мы действительно жаждали его. Военный переворот пытались оправдать тем, что наступила анархия. Да, гражданские структуры государства заколебались. Но не потому, что движение "Солидарности" было народным бунтом против государства, не потому, что его движущей силой была якобы свойственная полякам страсть к своеволию. Государство заколебалось потому, что оно не могло удовлетворить всеобщему желанию иметь такую власть, с которой можно было бы жить в согласии. То, что в "Солидарности" представлялось коммунистам анархией, на самом деле было стремлением к упорядочению, урегулированию отношений между властью и гражданами. Для коммунистов это был бунт 36-миллионной "массы", которая вдруг начала противиться тому, чтобы ее мяли как пластилин, которая попыталась задать вопрос: "По какому праву мы должны быть руководимой вами "массой"? Тогда, 31 августа, казалось, что подписанные соглашения покончат с этим идиотическим разделением ролей в польском государстве. Казалось, что власти признают общепринятые в наше время права граждан, и в ответ на это будут пользоваться уважением, которого достойны власти государства. Когда вечером миллионы людей ловили сообщения из Гданьска, надежда на то, что наконец, не будет "нас" и "их", достигла апогея. У всех было чувство облегчения и большого счастья: конфликт окончен. То был прекрасный день — то, что казалось недостижимым, вдруг стало возможным.

Прошло полтора года, и ночью, по-предательски, страну вновь опутали цепями, вчерашних партнеров по переговорам посадили за решетку, некоторых — убили. Власть потирала руки, радуясь, что все прошло гладко. В 1982 г., во вторую годовщину Августа, по стране прокатилась волна стихийных демонстраций, подавленных милицией. Прошли многочисленные аресты. И в нынешнем году, как и во все предшествующие годовщины, власти привели милицию в состояние готовности. Однако столкновения не произошло. Главной формой манифестаций по случаю юбилея стали мессы, отслуженные по всей Польше. В среднем участвовали в них по 10 тыс. человек — в Варшаве, Гданьске,

Вроцлаве, Щецине, Познани, Лодзи и Кракове. Люди шли со знаменами, транспарантами, всеми известными символами "Солидарности". Кроме того, в Варшаве и Кракове радио "Солидарности" передало выступления Буюка и Куроня. Передачи транслировались громкоговорителями с крыш домов, окружающих костелы, где проходили молебны по случаю годовщины. Толпа с удовольствием наблюдала за лихорадочными попытками милиции найти и уничтожить радиоборудование. Все это продолжалось достаточно долго, чтобы выступления удалось повторить по нескольку раз. В канун юбилея Лех Валенса в сопровождении около тысячи человек возложил венок к памятнику рабочим, погибшим от пуль правительственных войск в декабре 1970 г. Он закончил церемонию краткой речью, в заключение которой обратился к Ярузельскому: "Генерал, мы никогда не забудем августа!" В тот же день руководитель "Солидарности" передал западным журналистам сокращенный перевод доклада на английском языке о положении страны, составленного экспертами "Солидарности". В докладе рассматриваются отдельные сферы общественной жизни Польши и высказывается мнение, что почти во всех областях качество жизни в стране по-прежнему ухудшается.

Юбилейные события показывают: в кругах оппозиции побеждает мнение о том, что демонстрации и массовые стачки уже не могут быть основной формой сопротивления властям, так как общество меньше откликается на них. Оно уже не верит, что такими небезопасными методами можно что-нибудь изменить. Слова Валенсы, что сегодня забастовка и улицы не могут быть путями борьбы, — это вывод из фактов, благоприятных с точки зрения оппозиции. Задача нынешнего дня и в ближайшей перспективе — укрепление и развитие существующих форм независимой общественной жизни. Речь идет о независимой прессе, о книгах, радио, телевидении, науке, культуре, просвещении. Речь идет о том, чтобы проникать в официальные учреждения и оттуда влиять на принимаемые ими решения. Оппозиция признала, что в ходе переворота 13 декабря 1981 г. власти выиграли открытое противостояние, однако признание это пришло со стороны движения, сумевшего в невиданной в истории коммунизма степени организовать общество в независимые структуры. Лучше нор-

мализация с сильной оппозицией, чем короткий фейерверк, в котором движение может сгореть, как это произошло в Чехословакии.

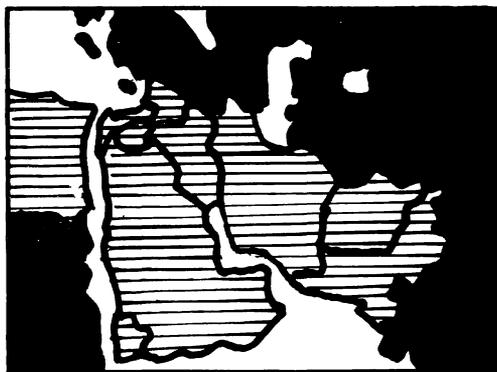
Это не означает, что "Солидарность" и вся оппозиция отказываются от всех форм прямого давления на власти. Пример — призыв Временной координационной комиссии "Солидарности" (ВКК) к бойкоту октябрьских выборов в сейм. ВКК уполномочила Конрада Белиньского, находящегося в подполье члена регионального исполкома "Солидарности" в Варшаве, организовать наблюдение за явкой на выборы. Подобную кампанию "Солидарность" уже проводила в июле в связи с выборами в местные советы. В еженедельнике "Тыгодник Мазовше" опубликована инструкция для уполномоченных на местах относительно методов измерения явки на выборы, чтобы складывая местные показатели получить, в конечном счете, итоги для всей страны. Инструкция разработана социологами "Солидарности" на основе новейших статистических методов и уже имеющегося опыта. Анализ экспертов "Солидарности" показал, что доля избирателей, не явившихся на голосование на июльских выборах была вдвое больше, чем по официальным данным.

* * *

В праздник Успения Богородицы, 15 августа, на Ясной Гуре в Ченстохове собрались свыше 200 тыс. паломников со всей Польши. За последние 40 лет эти ежегодные собрания в важнейшей религиозной святыне страны приобрели также характер протеста против политической действительности. С 1982 г. национальный аспект праздника стал проявляться еще сильнее, все ошутимее становилась демонстрация приверженности к идеям "Солидарности". Из-за протестов властей епископат разработал в нынешнем году новый порядок паломничества, целью которого было, в частности, несколько ограничить использование символов "Солидарности". Несмотря на это, над головами пилигримов развевалось немало профсоюзных флагов. Собравшиеся не раз прерывали бурными аплодисментами выступление примаса Польши кардинала Глемпа, который с необычайной остротой обрушился на атеистические доктрины, в особенности — на марксизм. "Одним из движений, исключаящих Бога, — сказал примас, — является марксизм. Его опора — не сила мысли, а

мысль о силе. Марксизм, принятый некоторыми политическими образованиями в качестве государственного мировоззрения, занимает там почти такое же место, какое некогда занимали привилегированные вероисповедания... В публикациях соседних стран можно увидеть утверждения, что верующий человек менее производительен, что он не может строить социализма с верой. Можно также прочесть, что институты, ответственные за распространение атеизма, получают выговоры за то, что своих целей они не достигают." Примаас говорил также о попытках замены религиозных обрядов светскими, напоминая, что подобные попытки предпринимал Гитлер, выдумав германскую религию." В Польше, — продолжал кардинал, — вследствие силы религии власти, не отказываясь от своей конечной цели, которой является уничтожение веры, на время отложили ее, пытаясь сейчас сосуществовать с церковью; однако они не дают верующим возможности полноправного участия в общественной жизни иначе, как ценой отречения от веры или только тайного ее исповедания." ●

В.Кучинский

ИРАН: БОГ И МАММОНА

Долгий спор о том, что это, собственно, такое — "исламская экономика", достиг особой остроты в вопросе об увеличении налогообложения. В пользу этой меры высказывается правительство, однако оно вступает в резкое сопротивление многих исламских ортодоксов, занимающих ответственные посты.

Суть проблемы состоит в том, что многие ортодоксальные мусульмане считают, что единственный законный налог — это добровольная десятина, выплачиваемая мечети. Они противятся уплате подоходного налога, сохранившегося еще с шахских времен, который в настоящее время составляет 20% всех поступлений в правительственную казну. Однако видные государственные деятели — такие, как президент Али Хаменеи и премьер-министр Хуссейн Мусави, настаивают, что налоговые поступления правительства должны быть сохранены, особенно сейчас, когда в результате ирано-иракской войны доходы от нефти резко сократились.

Ряд ведущих религиозных лидеров выступали и выступают на их стороне. Так, аятолла Бехешти, лидер правящей Исламской республиканской партии, убитый в 1981 г., указывал, что Коран подчеркивает необходимость оборонительной системы, состоящей из постоянной армии и конницы, размещенных вдоль границ. Так как требования обороны с тех пор претерпели изменения, должны измениться и методы сбора средств для них. На этом основании в январе правительство удалось провести через парламент новый закон о налогодобложении.

Консервативные религиозные лидеры возражают, что такого рода логика подрывает авторитет мечети. Старейший иранский религиозный деятель, Великий аятолла Голпаягани, направил аятолле Хомейни протест, указывая, что люди перестали платить мечети десятину, ибо им приходится отдавать слишком много денег государству. Консерваторы имеют решающий голос в Наблюдательном совете, который вправе наложить вето на законы, принимаемые парламентом. Сейчас совет как раз рассматривает закон о налогах.

Спор идет также и об относительной важности общественного и частного секторов в иранской экономике. Правительство и парламент в целом высказываются в пользу общественного сектора. "Базари", крупные торговцы, контролирующие частный сектор, имеют своих защитников в лице ряда консерваторов в парламенте и в лице Наблюдательного совета.

Совет до сих пор блокировал все наиболее важные экономические меры, одобренные парламентом, на том основании, что они противоречат предписаниям ислама, например, нарушают свя-

щенное право частной собственности. Земельная реформа (по которой земля может быть передана от крупных землевладельцев крестьянам), закон о труде (легализующий забастовки), закон о национализации торговли (лишающий предпринимателей права на импорт и экспорт) путешествовали несколько раз из парламента в Совет, и решение так и не было принято. Такая неопределенность парализует экономику. Крупные фермеры, например, опасаются, что в любой момент земля у них может быть отобрана в пользу крестьян, и не хотят вкладывать средства в мелиорацию земель.

В прошлом году аятолла Хомейни выступил с публичным заявлением, в котором твердо принял сторону "базари". По его указанию, в январе парламент принял закон (ныне рассматриваемый Наблюдательным советом), которым поощряются частные предприниматели, в частности для них облегчается возможность получения

земель и кредитов.

Так как такова была воля Хомейни, правительство должно было поддержать законопроект. Однако прагматики, такие, как спикер парламента Хашеми Рафсанджани, и радикалы, такие, как президент и премьер-министр, обеспокоены односторонним предпочтением, оказываемым частному сектору. "Базари" имеют деньги и политическое влияние, но революция была осуществлена с опорой на рабочий класс южного Тегерана, который в целом сейчас живет куда хуже, чем при шахе. Здравомыслящие политики обеспокоены растущим недовольством этой группы населения: в ноябре, например, во время футбольного матча зрители открыто выкрикивали антихомейнистские лозунги — вещь, дотоле неслыханная. Режим не может себе позволить потерять поддержку тех, кто привел его к власти.

ПРОБЛЕМЫ ШРИ ЛАНКИ

Из индийского протектората Бутан пришло сообщение, что на проходящих там переговорах между правительством республики Шри Ланка и лидерами тамильских сепаратистов, правительство вновь отвергло требования последних о предоставлении тамилам автономии и ряда дополнительных прав для тамильского национального меньшинства. Шри Ланка (до 1972 г. — Цейлон) получила независимость от британской короны еще в 1948 г. Страну населяют около 15 млн. человек, из них — примерно 12 млн. сингалов, свыше 2 млн. тамиллов, а остальное приходится на малые народы. В числе последних

— потомки первых завоевателей — голландцев и португальцев, смешавшиеся с местными народами (они носят необычное название бюргеры), остатки древнейшего негроидного населения — ведды, потомки арабских иммигрантов — мавры.

В последние годы особенно ожесточенный и кровавый характер приобрели национальные противоречия на острове, и в первую очередь — между двумя крупнейшими народами — тамилами и сингалами. Тамилы требуют для себя автономии. Эту борьбу поддерживают многочисленные соплеменники тамиллов за пределами острова. Основная часть их (свыше 35 млн. чел.) проживает в индийских штатах Тамилнад (до 1969 г. — Мадрас) и Андхра-Прадеш. Между этими штатами и районами обитания тамиллов на острове пролегает лишь неширокий (менее 60 км) Полкский пролив. Сами тамилы Шри Ланки делятся на две неравные по численности и уровню жизни группы ланкийских (север и восток острова) и более зажиточных индийских тамиллов (центральный район). Сложность этнической и политической ситуации усугубляется также близостью мавров к тамилам (мавры употребляют тамильский язык), и неравноправием индийских тамиллов, большинство которых не являются гражданами Шри Ланки.

По соглашению, заключенному между Индией и Шри Ланкой, в Индию должны быть репатри-

ированы свыше полумиллиона тамиллов. Однако, у обеих стран одинаковые трудности – высокий естественный прирост населения, и как результат, – безработица и нехватка продовольствия. Все же жизнь на острове лучше, чем в Индии, и индийские тамилы считают высылку несправедливой. Их ланкийские соплеменники поддерживают требование индийских тамиллов о предоставлении им гражданства, и соответственно, избирательных прав, что может существенно увеличить политический вес их общины. Индийские тамилы получают поддержку также от собратьев в Индии, причем поддержка эта весьма существенна: она включает снаряжение и инструктаж для вооруженных акций. У тамиллов Индии, правда, мотивы иные: репатриация (или депортация, – это как посмотреть) цейлонских тамиллов лишь прибавит проблем в Тамилнаде и без того перенаселенном, а иметь зарубежную базу всегда неплохо (собственные тяжбы тамиллов Индии с центральным правительством в Дели также нередко переходят в военные действия).

Сильны на острове и религиозные распри между придерживающимися господствующей религии – буддизма – сингалами (около 70%), индуистами-тамилами (17%), мусульманами и христианами (по 7% каждые).

Ко всем противоречиям, раздирающим страну, добавляются и причудливые зигзаги в политике ее правящих кругов. В цейлонской политике соперничают два главных сингальских клана, Бандаранаике и Джаявардене. Они сменяются у власти на острове с 1956 г. Соломон Бандаранаике (премьер-министр с 1956 г., убит в 1959 г. разочарованным в его политике буддийским монахом) и его вдова Сиримаво (первая в мире женщина – глава правительства, премьер-министр в 1960-65 и 1970-77 гг.) избрали левый и просоветский курс. Партия свободы (ПС), возглавляемая супругами Бандаранаике, нередко блокировалась с коммунистами, которые участвовали и в последнем правительстве этой партии.

Однако компартия в то время не подобрала ключа для проникновения в ряды тамильских националистов – большинство политбюро КП составляет бюргерская интеллигенция преклонного возраста. Среди тамиллов приобрели популярность более радикальные деятели, причем их левое крыло склонялось скорее к прокитайской

ориентации. Часть членов прокитайской фракции КП перешла вскоре в партию Народно-освободительный фронт (НОФ), которую возглавил Р.Виджерви, в прошлом студент университета им.Лумумбы в Москве. НОФ вырос в крупнейший в мире центр троцкизма и стал базой для превращения Шри Ланки в одно из прибежищ троцкистского интернационала и его съездов. Сама партия добилась некоторой поддержки среди беднейших крестьян-сингалов, однако ее главной ударной силой стали студенты и выпускники многочисленных вузов (в том числе и иностранных), не нашедшие работы на родине.

5–6 апреля 1971 г. отряды НОФ численностью по 25-30 бойцов атаковали 90 полицейских участков на юге и в центре острова, захватили оружие и боеприпасы, установили контроль над двумя городами и нарушили систему связи по всей стране. Армия, сначала застигнутая врасплох, перехватила инициативу, и к концу апреля восстание было подавлено. НОФ был запрещен, а его лидеры заключены на длительные сроки в тюрьму. В 1977 г., когда ПС потерпела поражение на выборах и к власти пришла правая Объединенная национальная партия (ОНП) во главе с Джунуисом Джаявардене, именно "правые" по иронии судьбы амнистировали левых радикалов. НОФ провозгласил отказ от троцкистской идеологии и насильственных действий, но чувство мести, видимо, победить труднее: его люди считают ответственными за неудачное покушение на г-жу Бандаранаике в августе 1981 г.

Тамильские организации какое-то время блокировались с ПС, но в конечном счете, порвали и с ней, и с ОНП. Движение тамиллов также раскололо на умеренные и радикальные группы. Среди последних выделяются "Тигры революции", ставящие своей целью создание тамильского государства Илам на севере острова. Они оперируют левомарксистской фразеологией. На их счету также нападения на полицейских и покушения на умеренных тамильских лидеров. В 1982 г. пятеро "тигров" были арестованы в Мадрасе за участие в перестрелке на улицах города.

В столь мутной воде пытается активно ловить рыбку компартия, окончательно перешедшая на промосковские позиции. В последнее время коммунисты под руководством генсека К.П.Силвы и председателя партии Питера Кейнемана

существенно усилили свои позиции в тамильских сепаратистских кругах. В политбюро КП введен тамильский лидер А.Вайдьялингам.

Советская пропаганда воздерживается от оценок политической ситуации в Шри Ланке. С одной стороны, поддерживать тамилы на острове вроде бы выгодно, с другой стороны, опасно вызывать гнев правительств Шри Ланки и Индии. Традиционная союзница, г-жа Бандаранаике, мало перспективна: и левые круги сингалов, и тамилы отошли от нее даже дальше, чем от нынешнего правителя Д.Джаявардене. Последний проводит открыто прозападную политику, но при этом тщательно соблюдает принцип неприсоединения к блокам. Остается восхвалять эту политику и ждать исхода переговоров с тамилы.

Географически остров Шри Ланка расположен на важных морских путях между Европой, Ближним Востоком, Индостаном и Юго-Восточной Азией. Все советские суда, идущие из портов Европейской части СССР в порты Дальнего Востока, неизменно посещают Коломбо для заправки и снабжения. Нетрудно понять, сколь важным может оказаться этот путь как дополнение к стратегически необходимой, но уязвимой в военном отношении Транссибирской магистрали и даже БАМу. Важен остров и как потенциальное место расположения баз ВМС в Индийском океане – пока у Советского Союза такие базы есть лишь на принадлежащей Южному Йемену Сокотре. Немалое вожеление вызывают и естественные богатства страны: полезные ископаемые (в частности титан, одно из крупнейших месторождений в мире), каучук. Говоря о Цейлоне, нельзя не упомянуть и о чае, но не он определяет интерес Советского Союза к этой экзотической стране. ●

ЛЮДОЕД НА ПЕНСИИ

2 сентября радио "Красных кхмеров" объявило, что отныне в рядах повстанческой армии, воюющей против вьетнамских войск, которые оккупировали Кампучию (Камбоджу), вводится пенсионный возраст. Первым, кого отправили "на пенсию", оказался командующий этой армией Пол Пот.

Пол Пот – личность уникальная. Будь Кампучия покрупнее и не будь она расположена "на краю мира", имя его наверняка ставили бы в один ряд с именами Гитлера и Сталина. Это в

Пол Пот в дни своей славы.
Марш "красных кхмеров"

бытность его премьер-министром в 1976–1978 гг., в период властвования в стране "Красных кхмеров", было уничтожено около полутора миллионов человек – в стране с населением в 7 миллионов. Груды черепов до сих пор находят по всей стране – фотографии их, обошедшие всю мировую печать, как две капли воды похожи на верещагинский "Апофеоз войны". Но это была война со своим собственным народом.

Пол Пот был свергнут в начале 1979 г. в результате победоносного вторжения в Кампучию вьетнамских войск. В стране было установлено поддерживаемое вьетнамцами марионеточное правительство. Пол Пот был судим заочно и приговорен к смертной казни. Однако вторжение вьетнамцев неожиданно сослужило Пол Поту хорошую службу, почти обелив его "доброе имя" в глазах соплеменников: Пол Пот возглавил сопротивление иностранным оккупантам (психологически нечто похожее произошло со Сталиным во время войны).

Символически уступив пост главы партии "Красных кхмеров" своему соратнику Кхиеу Самфану, Пол Пот стал главнокомандующим повстанческой армии. Под его началом сражались силы трех группировок, объединившихся ради сопротивления вьетнамцам: самих "Красных кхмеров", сторонников принца Нородома Сианука и Кхмерского народного фронта национального освобождения, возглавляемого Сон Саном. Партнеры Пол Пота, даже тесно сотрудничая с ним, не раз открыто выражали свое отвращение к нему лично и к его "кликке". Но тем не менее с ним не порывали.

Хуже было то, что за пределами Кампучии, во всем мире заслуги Пол Пота как руководителя "народной борьбы" не могли перевесить памяти о его людоедском прошлом. Вьетнам катего-

рически отказывался даже начинать переговоры о выводе своей 160-тысячной армии, пока Пол Пот не отстранен от власти. "Неприсоединившиеся" страны не очень охотно соглашались оказать поддержку повстанцам, руководимым Пол Потом. Китай, главная сила, поддерживающая антивьетнамское сопротивление в Кампучии, тоже испытывал некое неудобство, имея дело с Пол Потом. По-видимому, сейчас руководство Дэн Сяопина решило покончить с этим и потребовало отправить бывшего диктатора на покой.

Но Пол Пот уходит не совсем. Он остается в качестве старшего военного советника повстанцев. Его место занимает бывший министр обороны Сон Сан, который ответственен за варварское разрушение Пном Пеня во время осады его "красными кхмерами" в 1975 г. Так что мало кто верит, что уход Пол Пота приведет к радикальным переменам. Даже его вынужденный союзник принц Нородом Сианук назвал сообщение об уходе Пол Пота на пенсию фарсом "На пенсии или нет, — сказал Сианук, — он все равно останется их вождем". ●

ВАЖНО СУНУТЬ НОГУ В ДВЕРЬ

Небольшое островное государство Кирибати в центральной Полинезии (о-ва Гилберта, о-ва Феникс, о-ва Лайн и о. Банаба), находящееся в 5 тысячах километров к востоку от Новой Гвинеи и в 2700 км к юго-западу от Гавайских островов, начало переговоры о заключении соглашения с Советским Союзом. Советский Союз добивается права на ловлю тунца в территориальных водах Кирибати, строительства на островах предприятий по переработке рыбы, базы для ремонта судов, заправки горючим и т. п.

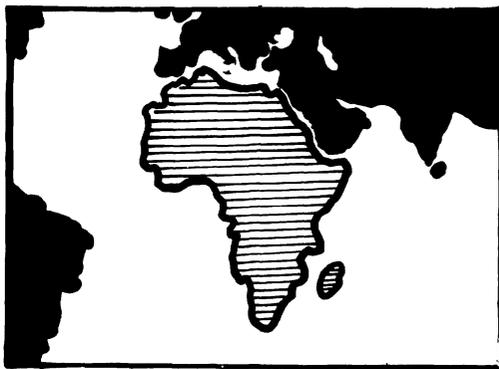
В обмен СССР готов платить ежегодно примерно 2,7 миллиона долларов — это составит около 15% всего бюджета мини-государства.

Представители СССР и Кирибати уже вели переговоры в австралийском городе Сиднее и согласились вскоре встретиться снова в Сингапуре.

Соседнее с Кирибати мини-государство Тувалу с интересом следит за происходящим и готово, в случае успеха переговоров, предложить Советскому Союзу свои услуги.

Западные державы с беспокойством следят за ходом переговоров. Если соглашение будет заключено, Советский Союз получит доступ в

район мира, где ранее его присутствие было нулевым. Хотя пока речь идет только об экономическом соглашении, но контроль над 15% бюджета государства легко может привести к установлению сильного политического влияния. ●

И КОНГО УСТАЕТ ОТ СОЦИАЛИЗМА

Еще одна страна "Африканского социализма" — Конго (Браззавиль) начинает поворачивать назад, к Западу. Причина все та же — экономические трудности.

Правобережное Конго уже долгие годы находится под управлением марксистско-ленинской Конголезской рабочей партии. Эта небольшая страна с населением всего 1,8 млн. человек экономически почти полностью зависит от экспорта нефти. Ежегодно экспорт нефти приносил Конго около 500 миллионов долларов. Почти 90% нефти покупали США и потребляла Калифорния: низкое содержание серы в конголезской нефти отвечало строгим ограничениям на качество горючего, которое ввел этот штат, стараясь уменьшить загрязнение окружающей среды.

Долгое время нефтяной рынок был очень оживленным. В 1981—1983 гг. ежегодная добыча нефти в Конго увеличивалась на 10% в год. Нефтяной бум разбудил Браззавиль, сонливость которого вошла в поговорку еще с колониальных времен. Вдоль браззавильских бульваров стали как грибы расти здания отелей и многоэтажных офисов. Браззавиль явно хотел соперничать с расположенной через реку куда более крупной и развитой Киншасой, столицей левобережного Конго (Заир).

Бум кончился, как только на нефтяном рынке

начались трудности. Даже по самым оптимистическим оценкам в ближайшие годы рост производства нефти в правобережном Конго не превысит 1%. Президент Конго Дени Сассу-Нгессо не может не считаться с изменившейся ситуацией. Сейчас он разрабатывает планы, как быстро перестроить одностороннюю экономику страны. Планируется развитие сети железных дорог и шоссе во внутренние районы, чтобы получить доступ к местам, где имеются залежи полезных ископаемых и произрастают ценные породы деревьев.

Все это, разумеется, требует капиталовложений и технической помощи, чего Советский Союз, постоянный покровитель и идейный наставник, обеспечить не в состоянии. Приходится поворачиваться к Западу. Президент Сассу-Нгессо уже восстановил добрые отношения с бывшей метрополией, Францией. Вслед за этим были возобновлены дипломатические отношения с Великобританией, улучшились связи с США. Подряды на строительство шоссе и железных дорог предоставлены французским, бельгийским, английским и американским компаниям.

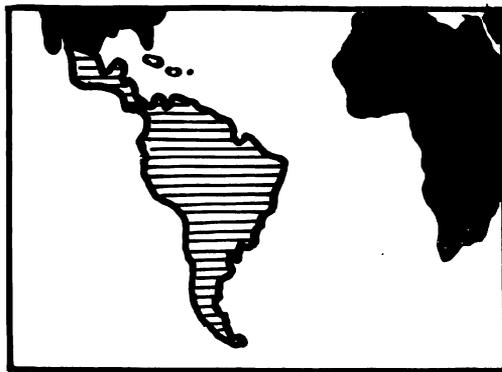
Президент вместе с группой министров умеренного крыла разработал проект, который должен облегчить сотрудничество Конго с Международным банком реконструкции и развития и с Международным валютным фондом (МВФ). Проект предусматривает, в частности, замораживание зарплат на 3 года, резкое сокращение правительственных расходов, продажу в частное владение некоторых правительственных монополий. Один западный дипломат прокомментировал только что опубликованный проект следующим образом: "В нем есть все, чего требует МВФ, кроме самого упоминания МВФ".

И не зря. МВФ в течение долгого времени рассматривался "твердокаменными" в правящей партии как "бастион империализма". Один из них, секретарь политбюро Камиль Бонгу угрожающе заявил: "Мы должны руководствоваться собственными экономическими реалиями, а не приказами МВФ. Политика МВФ ведет к беспорядкам".

Всего этого не может не учитывать президент Сассу-Нгессо. Ведь он не может не помнить, что два его предшественника были свергнуты "твердокаменными" марксистами именно за "ревизионизм". Сам он пришел к власти пять лет назад именно на волне "борьбы против ре-

визионизма". Сейчас суровая экономическая реальность толкает к тому же и его самого.

Трудно сказать, удастся ли президенту преодолеть сопротивление "твердокаменных" в Политбюро. Но, во всяком случае, он не одинок, у него есть много союзников. Как сказал один из его министров (тоже член Политбюро): "Мы не слишком красные". ●

ПАРАГВАЙ ПЕРЕД УХОДОМ СТРЕСНЕРА

Парагвай — наряду с Кубой, Никарагуа и Чили — одна из последних диктатур Латинской Америки. О правых режимах, подобных парагвайскому, хорошо сказал один из его противников: "Режимы такого типа — настоящие фабрики по изготовлению коммунистов. Они дают коммунистам все необходимые лозунги." нынешний президент Парагвая, правящий вот уже более 30 лет, 72-летний Стреснер, выходец из семьи немецких колонистов, захватил власть в стране после военного переворота 1954 г. Переворот этот продолжил старую традицию "пронунсиаменто" (военных переворотов) и установления жестоких деспотических режимов в Парагвае, характерную, впрочем, для всей истории Латинской Америки после завоевания независимости в начале прошлого века.

Небольшая южноамериканская страна Парагвай, площадью примерно в 400 тыс. км², с населением 3-3,5 млн. чел. перенесла в прошлом авторитарные режимы Франсиско Лопесов, испытала самые кровопролитные войны в истории Южной Америки. В войне 1864—70 гг. она потеряла половину территории, отошедшей к соседям — Аргентине, Бразилии и Боливии. В те годы четыре пятых населения погибло как в ходе воен-

ных действий, так и от болезней, голода и "чисток", которые проводил тогдашний диктатор Лопес-младший. Уже в нынешнем веке, в 1932—1935 гг. в так называемой Чацкой войне с Боливией из-за нефтеносного района Чако-Бореаль с обеих сторон погибло 250 тыс. человек.

Придя к власти, Стреснер установил не самый жестокий, по парагвайским меркам, режим. Однако все признаки диктатуры налицо: вечное военное положение, изгнание и аресты оппозиционеров, система тайной и явной слежки, цензура и контроль над средствами информации. В середине 70-х гг., в период обострения террора в стране насчитывалось свыше тысячи политзаключенных, ныне — около 50 (в процентном отношении — сейчас столько же, сколько и в СССР). В их числе Хериберто Алегре, мужественный защитник крестьянства.

Режим Стреснера отличает от других типичных латиноамериканских диктатур роль правящей партии, главой которой является президент. Членство в партии "Колорадо" — что означает "Красные" — является необходимым условием для вступления в вооруженные силы или полицию, для занятия правительственного поста, даже для получения должности учителя и медсестры. Неудивительно, что в этой партии состоит более трети населения страны (1,2 миллиона). В каждом городке, в каждой деревушке есть местная партиячейка и сеть партактивистов.

Но Стреснер понимает также и роль военных, как опоры своего режима. Если немногочисленные "диссиденты" подавляются железной рукой, то более чем 100 парагвайских генералов и высших офицеров действуют совершенно безнаказанно, занимаясь контрабандой, насаждая коррупцию, используя все средства для личного обогащения.

Режим всячески сопротивляется всякому давлению на него, направленному на либерализацию. В декабре 1983 г. лидерам "Народного движения Колорадо" было разрешено вернуться домой после 25-летнего изгнания в Аргентину — из страха, что они смогут договориться о поддержке с новым демократическим правительством в этой стране. Однако возвращение не принесло им свободы. Они находятся под непрерывным

наблюдением, куда бы они ни двинулись, их сопровождают полицейские на мотоциклах. Другие оппозиционеры — лидер радикально-либеральной партии Доминго Лайно и лидер христианских демократов Альфонсо Реск — по-прежнему находятся в изгнании.

Хозяйство страны почти не изменилось с тех пор, как Грэм Грин описал его в романе "Путешествия с тетушкой": слабая промышленность и процветающая контрабанда. Впрочем, в стране нет голода, существует развитая система дорог и речных магистралей, важная и для самого Парагвая, и для его соседей. Неплохие перспективы обещает сооружение трех больших ГЭС: "Итайпу", мощностью 12,6 млн. квт (строится совместно с Бразилией при помощи кредитов и оборудования США), и строящихся совместно с Аргентиной "Корпус" (4 млн. квт) и "Ясирета-Апиле" (3,6 млн. квт). Большая часть электроэнергии будет продаваться соседним странам. Однако хотя "Великие стройки" Парагвая еще не окончены, сметная стоимость строительства уже превышена втрое (а затраты намечены гигантские — свыше 6 млрд. долларов).

Будущее диктатуры Стреснера не совсем ясно из-за глубокого раскола внутри его собственной партии. "Семи президентских сроков достаточно. В 1988 г. Стреснер должен уйти и дать возможность безболезненного перехода к новому режиму", — считает один из лидеров "традиционалистской" фракции внутри "Колорадо". В качестве возможного наследника генерала называют председателя верховного суда Л.М.Арганья. За продолжение диктатуры — "внутренняя партия" президента, возглавляемая его личным секретарем Марио Бенитесом. Он хочет не только выдвинуть кандидатуру Стреснера на 8-й срок (в 1987 г.), но и официально назначить его преемника (возможно, командующего Первым армейским корпусом генерала Родригеса). Упоминают и сына президента, 42-летнего Густаво, майора ВВС, но Стреснер еще не делал никаких попыток выдвинуть "кронпринца". Так или иначе, внешнее давление и внутренние перемены не оставляют больших надежд на сохранение стреснеровской диктатуры на длительный срок.

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета КПСС

VOX POPULI*

№ 242 (74499)

Цена 4 коп.

Обзор писем в советской газете — жанр своеобразный. Как правило, "обозреваются" письма двух типов: а) дребезжащие от восторга — по поводу продовольственной программы, близящегося праздника и вообще любого мероприятия партии и правительства, и б) негодующие — в ответ на происки империалистов, гегемонистов, сионистов, душманов и прочих поджигателей войны. Но обзор, помещенный в одном из июньских номеров "Правды" ("А в народе говорят..."), — в некотором смысле приятная неожиданность. Перед нами не заученное пропагандистское кудахтанье, а отзвуки реальной жизни. Интересно, о чем говорят в народе?

Конечно, и тут — этикет прежде всего; на первом месте вопросы, поднятые партией: об укреплении порядка и дисциплины. "Чутко уловив страстную ноту, прозвучавшую на апрельском Пленуме ЦК КПСС, сердцем восприняв глубокую заинтересованность партии в откровенном обсуждении наиболее острых проблем" и т.д., авторы писем горячо поддерживают и предлагают.

"Однако..." — вот тут все и начинается. "Однако, — замечает автор обзора, — хватает в почте и, так сказать, "яростных недоумений". Вот, скажем, письмо молодого рабочего, студента-заочника из Саратова. "С детского сада нас учат только хорошему. Но откуда же берется плохое?... Почему мы растем и параллельно катимся вниз?"

Тут интересен не только сам вопрос, но и повод, который вынудил рабочего обратиться в редакцию. Оказывается, в институте все столы разрисованы, исписаны подобными вопросами и... более или менее конкретными ответами. Просто стыдно смотреть! А на Доске Почета неизвестный злоумышленник дорисовал какой-то передовой студентке усы, а самое главное — на многих фотографиях выколоты глаза.

Да, времена меняются. Не те пошли времена. Поглядели бы мы лет этак двадцать пять тому назад на этого умника. Славные органы быстренько вправили бы ему мозги. А теперь что, мелкое хулиганство? Истинно сказано: катимся вниз.

О чем еще толкуют в народе? Странно сказать: о том, что молчим. Предпочитаем не рыпаться, ибо правдолюб, — автор обзора цитирует другое письмо, — "и травят, и шельмуют, и с работы выжить могут!" Вот так, даже с работы. Что же рекомендует автор борцам за правду? Держаться, несмотря ни на что! Вот, к примеру, молодой помощник машиниста М.Леднев обнаружил припрятанный в магазине дефицит. Дело, разумеется, неслыханное. Стал звонить в колокола, обращался и в милицию, и в ОБХСС, и в горком комсомола, и в горисполком, и в прокуратуру. И что же? Верите ли, никто его нигде не поддержал. Везде говорили одно и то же: а тебе-то что? Тебе больше всех надо?

Странное письмо, одобренное еще более странными комментариями. Журналист не рассказывает нам, чем же в конце концов завершилась история с настырным помощником машиниста. Живет ли он все еще в родном городе. И как поживают ответственные товарищи, которых он хотел лишиться законных привилегий и желанного дефицита. "Крепко пахнет ветром очищения от рутины", — будто бы говорят сейчас, если верить автору обзора, в народе. Верить ли? Очень уж смахивает народ, который так говорит, на этих самых ответственных товарищей. ●

* Глас народа

Черноморская Здравница

МУСЫСЫ КУРМЪЛ ГЪСЕТЪ ЧЪРНОМОРСКОГО КЪРЪЙОМЪ КЪССЪ ВЪ ГЪРЪДЕКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХЪ ДЕПУТАТОВЪ, СОЧИНСКОГО ГОРЪЙОМЪ КЪССЪ ВЪ ГОРЪДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

НЕ ДОЕДИМ, НО ВЫСТРЕЛИМ

Для нас важнейшей из наук является допризывная военная подготовка, а она пока не на уровне — таков смысл письма читателей сочинской газеты "Черноморская здравница" — родителей учеников местной школы № 20. Письмо опубликовано в номере от 20 июня 1985 г. Видимо, все остальное — обучение языкам, математике и прочей биологии поставлено в школе на должную высоту. Единственная причина беспокойства — это жалобы детей, что они в "в течение двух лет обучения военному делу ни разу не стреляли из малокалиберной винтовки и ни разу не сдавали никаких нормативов по стрельбе. Спрашивается, как юноши пойдут на службу в армию, ни разу не держав в руках винтовку?" Газетная публикация озаглавлена "В "молоко" или в "яблочко"? Непродуманное название, невольно напоминающее о дефицитных для советских детей продуктах. Впрочем, сочинских родителей и газету детский рацион не волнует. Их главная забота — уменьшить расходы армии, переложив их на систему просвещения.

Не пора ли объявить мораторий на милитаризацию школы и повседневной жизни в СССР? ●

Газета выходит с марта 1917 года

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

"КАК БУДТО ПРИШЕЛ К СОЦИАЛИЗМУ В ГОСТИ..."

Помните ли вы стихотворение нашего лучшего, талантливейшего поэта о том, как литейщик Иван Козырев вселялся в новую квартиру? "Как будто пришел к социализму в гости — от удовольствия захватывает дых..." Аналогичный сюжет разработал в статье "Известий" от 14 июля журналист Э. Пархомовский. Когда-то люди приходили в гости к социализму. Теперь социализм является "в гости" к нам.

Выглядит это примерно так. Рабочий завода "Азовсталь" в городе Жданов, Евгений Колодий жил в "аварийном частном доме", проще говоря, в развалюхе и оттуда надеялся переселиться в более или менее нормальную квартиру. Но оказалось (по каким-то законам), что прежде чем получить ордер на квартиру, требуется довести прежнее жилище до окончательно нежилого состояния.

С помощью товарищей по цеху Колодий проломил крышу, разрушил печь, выломал двери и выбил окна. Вещи были вытащены, к удовольствию прохожих, на улицу. Оглядев плоды своей работы, утирая трудовой пот, Колодий отправился за ордером. Не тут-то было. Закон, как выяснилось, имеет некоторое специальное толкование: в райисполкоме Колодию разъяснили, что получить новое жилье может лишь тот, кто в буквальном смысле сидит на улице. Дом нужно было снести до основания, обломки свезти на свалку. Тогда, дескать, поговорим.

Несчастный Колодий выполнил и это требование. Ликвидировать остатки своей хижины он, правда, не смог, но остался в самом деле на улице, с семьей и скарбом. Здесь, пожалуй, будет уместно вернуться снова от правды к поэзии. Поселившись в новой квартире, герой Маяковского воскликнул: "Очень правильная эта наша Советская власть!" Что восклицал, сидя на тротуаре, Колодий, неизвестно, но восстановить ход его размышлений нетрудно. Мы знаем, что сказал в сходных обстоятельствах герой анекдота, маляр, на которого приятель опрокинул ведро с краской: "Вася, ты не прав". К несчастью, Советская власть, в отличие от Васи, всегда права. ●

ВЕСТИ ИЗ СССР

Трудно с истиной на Западе. Вопреки великому сталинскому афоризму "о фактах не спорят", средства массовой информации спорят даже о фактах. Что касается истолкования фактов, то тут просто голова идет кругом. Одна газета пишет о преступлениях террористов, другая уверяет, что никакие они не террористы, а жертвы общества...

В Советском Союзе несравненно проще: вся печать — от "Правды" до районной газеты — знает истину доподлинно. Она, эта истина, вечна, хотя иногда и подвержена влиянию времени и обстоятельств. В период ракетного кризиса, когда Хрущев в последний момент согласился убрать ракеты с Кубы, "Известия" сообщили об этом на первой странице. Однако на третьей газете еще продолжала отстаивать генеральную линию: никаких советских ракет на Острове Свободы нет, все это (включая фотографии ракет) — гнусные происки американского империализма.

С начала войны в Афганистане линия советской печати была вполне определенной. Ничего особенного в этой стране не происходит. Народ, возглавляемый родной (афганской) коммунистической партией, успешно строит социализм. Советские специалисты оказывают ему бескорыстную братскую помощь. Встречаются, правда, трудности. Отдельные отщепенцы — недобитые феодалы и просто уголовные элементы, направляемые и финансируемые американскими империалистами, китайскими гегемонистами и сионистскими кругами (в Афганистане, по разным данным, — от 40 до 80 евреев) — изредка устраивают провокации. Но доблестная афганская армия, при поддержке всего народа и содействия ограниченного контингента советских войск, наносит им сокрушительные удары. Еще неделя, от силы месяц — и эти зловерные элементы будут полностью уничтожены или сдадутся сами, осознав бесполезность борьбы...

И вдруг... Началось, кажется, с "Комсомольской правды". На одной из встреч сотрудников редакции с читателями из зала пришла записка: "В "Комсомольской правде" редко публикуются репортажи о службе наших воинов в Афганистане. А нам хотелось бы знать об этом как можно больше."

Странная записка, не правда ли? Известно, что советские газеты, в том числе и родная "Комсомолка", сообщают своим читателям ровно столько, сколько им надлежит знать. Однако ответственный сотрудник редакции записку тут же одобрил, выразив "общее мнение": "Конечно, таких материалов должно быть больше."

Ясно, что это действительно было общее мнение, поскольку все центральные газеты — с поразительной синхронностью — принялись исправлять досадную ошибку. Одна газета напечатала огромный репортаж "Хост в огне" (иронический парафраз "хвост в огне") тут неуместен, ибо в огне не только хвост), другая — сообщение о боях в ряде провинций Афганистана, третья — информацию о судах над душманами, четвертая — рассуждения об этих самых душманах...

Дело, однако, не столько в количестве, сколько в качестве. Отличительная особенность всех этих материалов — показ масштабов того, что происходит в Афганистане. Выяснилось, например, что даже над Кабулом советские самолеты взлетают под прикрытием огня вертолетов — иначе сбивают, что "Хост подвергся хорошо отрежиссированному мощному нападению... с участием душманских орд", что "подразделения афганских вооруженных сил... явно недооценили противника."

Из других публикаций мы узнаем, что бои развернулись в доброй половине провинций Афганистана, что суды над "отщепенцами" проходят по всей стране, что, наконец, сами эти "отщепенцы" — вовсе не однородны. Кроме "уголовных элементов", есть среди них и "борцы за

свободу". Правда, нам тут же разъясняют, что эти борцы "люто ненавидят свободу", но сути это уже не меняет. Легко догадаться, что речь идет о свободе по-советски, а это такое блюдо, которое по вкусу далеко не каждому.

Что же все-таки произошло? В западной печати появились сообщения о том, что новый советский вождь, понимая, что война в Афганистане бессмысленна, предпочел бы покончить с этой историей, но, конечно, деликатно, без шума и скандала. Если так, то неожиданную перемену тона советской печати можно рассматривать как подготовку общественного мнения к новому развитию событий. Дескать, мы стремились помочь афганскому народу, сделать как лучше, а если он еще не созрел для социализма... В общем, не вышло — и не надо, не очень и хотелось.

Честно говоря, в такое развитие событий верится с трудом: благоразумие и здравый смысл никогда не были доминантой советской политики.

Гораздо вероятнее другое. Бои в Афганистане идут с декабря 1979 г., потери советских войск растут, а конца войне не видно (помните у Кишлинга: "Город Кабул на реке Кабул. Город Кабул — черная слава"). В этих условиях у граждан, свято верящих пропаганде, начинают закрадываться сомнения: а так ли непобедима советская армия, если на протяжении шести лет (дольше чем длилась Великая Отечественная...) она не в состоянии справиться с кучкой отщепенцев?

Допустим, оружие душманам поставляют империалисты, допустим, они же посылают инструкторов. Ну, а кто же воюет этим оружием и кого инструкторы обучают: только феодалов и уголовников? Для одной небольшой страны что-то их многовато...

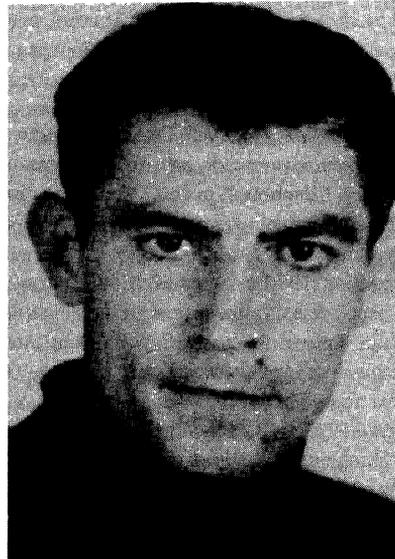
Итак, произошло то, что в сущности, должно было произойти. Один пропагандный стереотип ("отдельные отщепенцы") столкнулся с другим ("непобедимая Советская армия"). Такое столкновение взаимоисключающих установок в психологии называется ошибкой и может привести к тяжким последствиям для психики, а главное — для стереотипов. Кажется, там, наверху, это поняли и решили, что одним стереотипом, второстепенным, придется пожертвовать. Разумеется, советская армия непобедима, просто в Афганистане она столкнулась с многочисленным, сильным и упорным противником. Этим и объясняется длительность и напряженность борьбы. Остается сделать последний шаг и назвать этого противника по имени: афганский народ. ●

ГИБЕЛЬ ВАСИЛИЯ СТУСА

Умер Василь Стус — правозащитник, член Украинской Хельсинкской группы, Поэт милостью Божьей и советский политзаключенный. Умер в лагере особого режима в Пермской области. Том самом, где погибли в прошлом году Олекса Тихий, Валерий Марченко, Юрий Литвинов.

Гибель Василя Стуса — это сегодня самая большая, самая страшная рана украинской поэзии, украинской культуры. Стус как-то сказал: "Не по душе мне общественная деятельность, политика. Но что делать, если вокруг уничтожают честных людей..." В октябре 1980 г. киевский суд вынес Стусу приговор: пятнадцать лет неволи. А до этого было еще первое заключение, первая ссылка. Таким образом, на двадцать три года неволи был обречен один из самых замечательных украинских поэтов. Выдержал он только тринадцать.

12 октября 1980 г. в своем письме в защиту Василя Стуса академик А. Сахаров писал: "Так жизнь человека ломается до остатка — как расплата за элементарную порядочность и неконформизм, за верность своим убеждениям, своему "я". Приговор Стусу — позор советской репрессивной системы. Василь Стус — поэт. Неужели страна, в которой уже погибли или были подвергнуты репрессиям и преследо-

ваниям многие ее поэты, нуждается в новой жертве, в новом позоре?" Бывший солагерник Василя Стуса писатель М.Хейфец сказал недавно: "Я уверен, что сегодняшнее поколение украинцев останется в истории, украшенное Стусом. И потомки будут завидовать тем, кто жил рядом с ним в семидесятые-восьмидесятые годы. Имя Стуса с любовью и поклонением будут повторять в будущем дети и внуки сегодняшних украинцев."

Василь Семенович Стус родился в 1938 г. на Винничине. Окончил Донецкий пединститут. Работал шахтером, преподавателем, газетчиком. Печатаť стихи начал в 1959 г. В середине шестидесятых годов на Украине возникло движение за возрождение национальной культуры, единственной силы, способной спасти жизнь народа от насильственного подавления имперской псевдокультурой, идеологией тоталитаризма. В этом движении – движении шестидесятников – активное участие принял и Василь Стус. КГБ запретил печатать стихи Стуса. Его поэтический сборник "Зимние деревья" вычеркнули из плана издательства. Стуса исключили из аспирантуры. Больше у него уже не было постоянной работы.

13 января 1972 г. КГБ арестовал Василя Стуса.

Мороком горло огорне –
Ані тобі продихнуть.
Здрастуй, бідо моя чорна,
Здрастуй, страсна моя путь.

1972 год. Год тотального украинского погрома. Били по живому, до крови. Аресты, аресты... Казалось, им не будет конца. По Центральному телевидению украинские песни пел Дмитрий Гнатюк, украинский гопак отплясывали танцевальные коллективы, Андрей Сова в Москве читал по-украински юморески, ресторанные певцы захлебывались "Червоной рутей". Под этот стилизованный эстрадный аккомпанемент уничтожали культуру народа.

7 сентября 1972 г. киевский суд вынес Василю Стусу первый приговор. Что же инкриминировали советские судьи Стусу? Написание стихов и литературоведческих статей, в частности, статьи о поэте Павло Тычине.

Осенью 1975 г. Василь Стус послал из концлагеря заявления "Я обвиняю!" "Я обвиняю КГБ как организацию открыто шовинистическую и антиукраинскую, потому что она сделала мой народ и безязыким, и безголосым, – писал Стус. – ... Украинские процессы 1972–1973 го-

дов велись по аналогии со сфабрикованными процессами тридцатых годов и проводились при помощи все той же ежовско-бериевской методики. ... Судебные процессы 1972–1973 годов на Украине – это суды над человеческой мыслью, над самим процессом мышления, суды над гуманизмом, над проявлениями сыновней любви к своему народу. Поколение молодой украинской интеллигенции, которое сделали поколением политических заключенных, было воспитано на идеях гуманизма, справедливости, свободы. В этом вся его вина, весь его "злой умысел".

В тяжелых лагерных условиях у Стуса резко ухудшилось состояние здоровья. Язвенная болезнь прогрессировала. Начались желудочные кровотечения. Один из солагерников Василя вспоминал: "Стусу стало плохо второго августа. Я потому так точно запомнил дату, что в тот день радио передавало церемонию подписания в Хельсинки Акта 35 стран Европы и Америки о правах человека. Торжественный голос Левитана по лагерному радио: "... соблюдать права человека в полном объеме..." – а у нас посреди барака лежит окровавленный Стус – кругом кровь, и Василь умирает..." В конце 1975 года Стуса оперировали (удалили большую часть желудка) и сразу же лишили послеоперационной диеты. В 1976 г. у Василя конфисковали около 600 его стихотворений – все, что он написал в лагере: более 300 оригинальных стихотворений и столько же переводов – из Гете, Рильке, Киплингера.

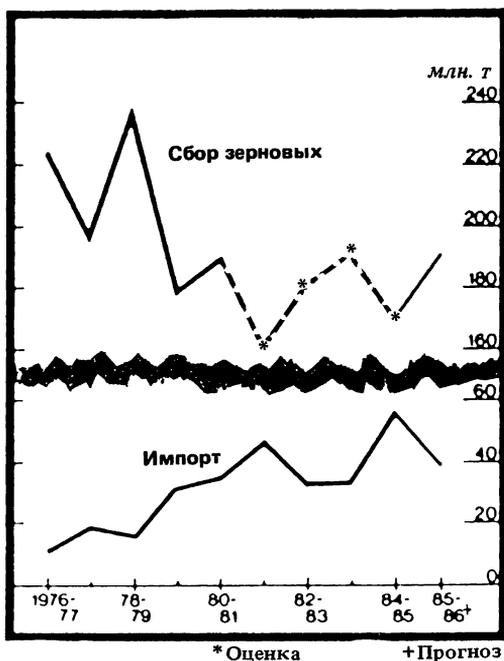
В конце августа 1979 года Василь Стус вернулся в Киев из далекой магаданской ссылки. А в сентябре вступил в Украинскую Хельсинкскую группу, зная, что этот шаг означает для него новый арест, новое заключение, новые муки. В своей лагерной тетради Стус писал: "Психологически я понимал, что тюремные ворота уже открылись для меня, что на днях они закроются за мной – и закроются надолго. Но что я мог поделать? За границу украинцев не выпускают, да и не очень хотелось в эту заграницу: кто же здесь, на Большой Украине станет гласом возмущения и протеста? Это уже судьба, а судьбу не выбирают. Стало быть, ее принимают – какая уж она ни есть. А если не принимают, тогда она силой выбирает нас. 14 мая 1980 года кагебисты пришли на работу. Ночью увезли в КГБ..."

И – снова лагерь. На этот раз – лагерь особо-

Остается — ввозить. Из приводимого графика видно, что колебания в сборе зерновых немедленно отражаются на динамике импорта: одна кривая является зеркальным отражением другой. Впрочем, налицо прогресс по сравнению со сталинской эпохой: хлеб теперь ввозят, стараясь не допустить голода, а не вывозят из голодающей страны, как раньше.

Теперь секретарь по сельскому хозяйству пошел на повышение. Однако и в новом качестве генсека ему едва ли удастся найти государственный рецепт. Так что мало надежды на то, что за семью тощими годами последует хоть один тучный.

Сменив другого неудачника, Полянского, Горбачев не внес ничего нового в систему ведения сельского хозяйства страны. По-прежнему в костер колхозно-совхозной бесхозяйственности бросали огромные средства. По-прежнему экспериментировали с разнообразными "подрядами" по принципу ленинской школы танцев: шаг вперед, два — назад. Видимо, с приемлемыми для строя идеями негусто, а неприемлемую, но для всех очевидную — ликвидацию колхозной системы — самый динамичный секретарь не смеет выдвинуть. ●

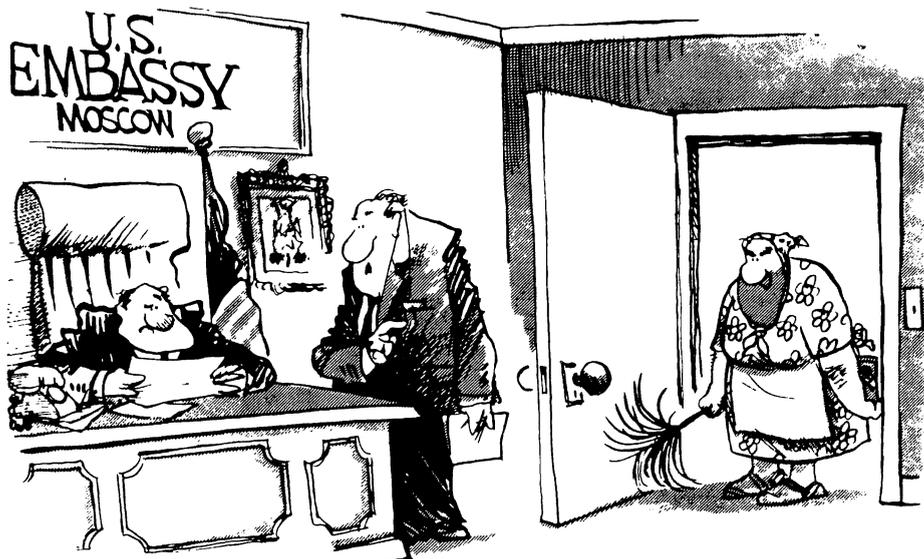
БОЛЬШАЯ ХИМИЯ БОЛЬШОГО БРАТА

Последние четверть века КГБ беспрерывно попадает на грубой работе в здании посольства США на ул. Чайковского в Москве. В 1960 г., когда американцы впервые применили приборы для обнаружения подслушивающих устройств, оказалось, что в клюв деревянного орла, украшавшего печать дипломатического представительства, вставлен мини-микрофон — выдумка, которой нельзя отказать в остроумии. В 1964 г. в результате прочесывания здания посольства нашли целую партию микрофонов — всего 40. Возможно, что не очень совершенная техника обнаружения оставила многие микрофоны найденными. Позднее закладка микрофонов и их обнаружение превратились для обеих сторон в рутинное занятие, пожалуй, даже с элементами игры.

В 1978 г. после пожара в здании посольства под крышей была найдена замаскированная антенна, связанная с электронным оборудованием, спрятанным под зданием посольства. В конце 70-х гг. США протестовали против того, что здание посольства, в результате непрекращающихся попыток перехвата посольских сообщений, облучается микроволнами, вредными для здоровья. Об операции КГБ по "прослушиванию" электрических пишущих машинок посольства мы уже сообщали в № 4 журнала за этот год.

Только что разразился новый скандал. Выяснилось, что сотрудников посольства стали "метить" химически. Специальное вещество наносилось на дверные ручки квартир, рулевые колеса автомобилей, стулья и т.п. С этих предметов "метка" переходила на самих дипломатов, что позволяло следить за их передвижениями, а также на людей, вступавших с ними в контакт (так например, советский гражданин, пришедший на квартиру сотрудника посольства, или севший к нему в машину, буквально становился меченым). Применяемое вещество — нитрофенилпентадеин, или сокращенно НППД — легко связывается с белковыми молекулами, например, кожи рук, с шерстью, хлопком и т.п. Оно практически несмываемо. Его легко обнаружить лабораторными тестами.

Представитель госдепартамента, сообщивший об этом, сказал, что опыление американских дипломатов периодически производилось еще с середины 70-х гг., но было прекращено в 1982 г.

Сэр, уборщица пришла пыль выгирать!

Сейчас оно возобновилось, причем с очень большой интенсивностью. Но не только это заставило госдепартамент пойти, наконец, на открытый скандал. НППД оказалось мутагенным, а значит в принципе, канцерогенным веществом, то есть здоровье дипломатов ставилось под прямую угрозу.

Как же проникают славные чекисты в посольство? Главный канал для этого — так называемый Отдел по обслуживанию дипломатического корпуса МИД, поставляющий посольствам уборщиц, шоферов, поваров, низший технический персонал и т.п. В настоящее время 211 советских граждан (в штатском) обслуживают американское посольство в Москве, консульство в Ленинграде, а также корреспондентов американской прессы, филиалы американских банков и фирм, открытые в Москве в период детанта, делегации, прибывающие из США в СССР вне рамок Интуриста.

Теперь, когда скандал зашел далеко, Госдепартамент намерен запросить у Конгресса для замены советских "специалистов по обслуживанию" 18 млн. долларов. Это во много раз больше, чем приходится сейчас выплачивать советским служащим (300 тыс. долларов ежегодно). Разница объясняется тем, что американская уборщица ценит себя выше, чем ценит советскую уборщицу ее родное правительство. Американке

надо оплачивать квартиру, поездку домой в Штаты, медицинскую страховку, пенсионный фонд и многое другое. Не говоря уже о том, что сама зарплата американской уборщицы выше.

Впрочем, "уборщицы" в посольстве США наверняка получали свои деньги по иной таксе — и за иные, секретные услуги. Неясно только, получали ли они надбавку за вредность, когда им пришлось начать работать с канцерогенами. ●

РЕФОРМЫ И ОКРИКИ

Наконец-то советский читатель смог узнать, что в Китае идут экономические реформы. Понадобилось четыре года и смена трех генеральных секретарей, чтобы советская печать решилась на какой-то отклик. И отклик этот скорее похож на окрик. Сделать это поручили обозревателю "Известий" С.Агафонову (в номере от 8 августа).

Положению советского обозревателя не позавидуешь. С одной стороны, сейчас политика обеих стран явно направлена на сглаживание конфликтных ситуаций между ними. Новое руководство и в Китае, и в Советском Союзе дают понять миру и друг другу, что главное для них — вывести собственную экономику из тушового состояния. В таких обстоятельствах советской печати не следовало бы раздражать Пекин. С дру-

гой стороны, китайские реформы столь радикальны и столь "чреватые" капитализмом, что в случае успеха, Китай может стать источником опасной заразы и для других "стран социализма". А перестройка экономики может обернуться перестройкой системы. Необходимо послать сигнал тревоги нынешним и будущим реформаторам (может быть, даже своим собственным, если такие объявятся).

Беспокойство советского обозревателя проявляется в полутонах, выражения он употребляет умеренные, от грубой брани воздерживается. Критик предпочитает прибегать к умолчаниям, подтасовкам, намекам. Если об успехах народного хозяйства где-нибудь в Польше, где рост колеблется между нулем и отрицательными величинами, в советской прессе трубят фанфары, то о показателях китайской экономики, где после 1981 г. промышленное производство росло в среднем за год на 9%, сельскохозяйственное – на 10% с лишним, а национальный доход – на 8% и более, С.Агафонов пишет, что эти цифры всего лишь "свидетельствуют о заметном оживлении". Чтобы сгладить впечатление читателя от таких темпов, намного превышающих советские, обозреватель приводит абсолютные показатели выпуска продукции ряда важнейших (с точки зрения советской экономической доктрины) отраслей – чугуна, стали, проката, электроэнергии. Сразу становится ясно, что здесь Китаю еще далеко до СССР. Но по черной металлургии Советский Союз обогнал уже и Америку, что вовсе не спасло его экономику от краха. Китайское хозяйство, имеющее перед собой 50 лет опыта советского планирования, вовсе не обязано развиваться по пути гонки черной металлургии.

Чтобы еще более снизить эффект, производимый китайскими показателями, обозреватель упоминает о том, что исходный уровень экономики КНР был невысоким. Почему-то, правда, это действительно существенное обстоятельство упускается из виду, когда советская печать приводит данные о развитии советского хозяйства, сравнивая его показатели с 1922, а не с 1916 г. (ведь даже 1913 г., с которым иногда производятся сравнения, не был высшей точкой развития экономики дореволюционной России). Тем более низкий исходный уровень не упоминается при восторженных описаниях эконо-

номического развития восточных республик СССР, где показатели роста исчисляются, по этой причине, в сотни и тысячи процентов.

Впрочем "высокие темпы роста" китайской экономики, отрицать которые трудно, советского комментатора не радуют, ибо к ним "экономика страны не готова" (к сталинской "индустриализации" крестьянская Россия конечно же была подготовлена вполне!). Обсуждая проблемы Китая, С.Агафонов начинает говорить языком типичного западного экономиста. Сыплются выражения: "диспропорции в хозяйственной структуре", "перегрев экономики", "кризисная ситуация", "отставание инфраструктуры". Упоминается о бюджетном дефиците в 5 миллиардов юаней, но не указывается, что общая сумма бюджета – свыше 150 миллиардов. Отмечается снижение валютных запасов на 10%, (что совсем немного), но умалчивается, что внешний долг Китая, несмотря на полученные им крупные кредиты, вдвое меньше внешней задолженности СССР.

Главное, на что упирает в своей критике С.Агафонов, это "опасность выхода ситуации из-под контроля". Имеется в виду, естественно, контроль тех, кто и раньше стоял у руля, – партийно-бюрократического аппарата. Тут-то и зарыта собака!

При всех трудностях реформ в Китае (а эти трудности вполне реальны), их благотворный характер несомненен. Скрыть этого не удастся даже при откровенно недобожелательном освещении. Так, С.Агафонов пишет: "Все меньше появляется статей о крестьянских дворах с баснословными доходами и все больше о том, что рост благосостояния – процесс длительный и неравномерный". Искушенный советский читатель с удовлетворением отметит для себя и то, что все-таки есть крестьянские дворы с высокими доходами, и то, что об этом не распространяются: значит, пишут по делу. Такое мнение подтверждает и дальнейшее высказывание обозревателя: "Примечательна недавняя публикация агентства Синьхуа, посвященная бедным семьям. В ней содержится призыв рассматривать помощь бедным семьям как помощь при стихийных бедствиях." Реакция нормального человека на такое сообщение может быть только благожелательной: побольше бы таких призывов, а не понуканий к выполнению и перевыполнению. ●

ВТОРАЯ ЭКОНОМИКА НА СТРАНИЦАХ "ЛИТГАЗЕТЫ"

СОВЕТСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК СУЩЕСТВУЕТ...

Не так давно, через полвека после сплошной коллективизации советская пресса обнаружила, что "семейный подряд", то есть попросту обычное крестьянское хозяйство эффективнее колхозно-совхозной системы. А теперь мы стали свидетелями еще одного открытия — в России есть экономический человек. Это существо, у которого есть экономические интересы, которое оценивает не только стоимость, но и полезность, которое вообще ходит на рынок. Статьи Анатолия Злобина и Бориса Фаина в номере "Литературной газеты" от 31 июля 1985 г. интересны тем, что в них открыто признается: так называемая вторая экономика неизбежна и даже в какой-то мере желательна. Авторы с почти нескрываемым восхищением описывают предприимчивость, выдумку и напористость частных предпринимателей, особенно привлекательные в сравнении с заскорузлой системой государственного производства и обслуживания.

Трудно, конечно, советским публицистам в советской газете сделать отсюда естественные выводы. Анатолий Злобин просто осуждает своих героев за пользование государственной материальной базой, а Борис Фаин в который раз предлагает законодательно-охранительные меры, а также кооперирование "левых" промыслов. Стоит напомнить, что после ленинского декрета о кооперации 1920 г. русская кооперация, некогда самая развитая в мире и высоко эффективная, превратилась в придаток государственной экономической машины, который почти невозможно отличить от государственного сектора. Правда, считается, что воровать там легче.

По поводу воровства мечет громы и молнии Анатолий Злобин. Но в его речах обнаруживается новая нота. Так, описан случай с неким рабочим Фроловым, взявшим с завода горелку для личных нужд. Рабочего привлекают к товарищескому суду.

"Председатель товарищеского суда с жаром осуждал Фролова, требуя признания вины и сурового наказания.

- Этак ты и двигатель можешь украсть. И весь завод!
- А чей завод? — огрызнулся Фролов. — Кому он принадлежит?
- Завод есть общенародная собственность, но тебе он не принадлежит.
- Выходит, я не народ?
- Ты есть частица народа.
- А горелка частица завода, вот я ее и взял.

Диспут по политэкономии грозил затянуться, при этом, сами видите, протекал он на низшем теоретическом уровне: твое — это мое, но мое — не твое.

Фролову объявили общественное порицание и потребовали возвращения горелки. А расходились мы понурые. Червь сомнения оставался."

Продолжая тему о воровстве, А.Злобин приводит отличный образец советского народного творчества:

**Ты здесь хозяин, а не гость,
Тащи отсюда каждый гвоздь.**

Грустные размышления относительно этой народной мудрости приводят А.Злобина к выводу: "... Проблема не только в том, чтобы выловить жуликов. Надо "выловить" явление — найти его социальные корни и обезвредить их, делая это во имя социальной справедливости."

Явление это вылавливать не нужно, оно уже более двухсот лет как названо и описано. Речь идет о феномене отчуждения. Не кто иной, как Маркс, внес большой вклад в анализ этого явления в экономической жизни. В период некоторого оживления философской науки в СССР интересные работы на эту тему написали советские философы Ю. Давыдов и А. Огурцов. Однако с тех пор не только работы советских философов, но и соответствующие труды самого Маркса стараются не слишком популяризировать: возникают уж очень печальные параллели.

Вот как определяет это понятие последнее издание Большой советской энциклопедии:

“ОТЧУЖДЕНИЕ, объективный социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему... Отчуждение выражается в господстве овеществленного труда над трудом живым, в превращении личности в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих социальных групп и классов, в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктом труда... Отчуждение получает и определенное психологическое выражение в сознании индивида (разрыв между ожиданиями, желаниями человека и нормами, предписываемыми антагонистическим социальным порядком, восприятие этих норм как чуждых и враждебных личности, чувство изоляции, одиночества, разрушение норм поведения и т.п.)”

Подставьте в это определение вместо частной — государственную (или “общенародную”, что одно и то же) собственность, включите в число “господствующих социальных групп” партийную и прочую советскую бюрократию. Тогда становится ясным, что отчуждение столь же присуще социалистическому обществу советского образца.

Разумеется, оно существует в капиталистическом обществе. Есть, однако, два серьезных различия между отчуждением при капитализме и при советском социализме. До появления государственного сектора, создания системы социального обеспечения, формирования крупных фирм капиталистическое хозяйство развитых стран прошло долгие годы опыта мелкого и среднего частного хозяйствования. Это был период становления экономической морали, дисциплины труда, разработки форм отношений между предпринимателями и работающими по найму. Это была незаменимая “школа капитализма”. В СССР эта школа была закрыта с окончанием НЭПа и проведением сплошной коллективизации, то есть с уничтожением дозволенной частно-предпринимательской деятельности. В результате экономическая мораль, уважение к собственности и труду оказались попросту разрушенными.

Важно помнить и о второй особенности капиталистического отчуждения. При капитализме существование отчуждения не скрывается. Общество открыто признает, что явление это вредно и для наемных работников, и для предпринимателей, ибо оно снижает экономическую мораль, а значит, и прибыли, и прочность рабочего места. В конечном счете оно ведет к снижению национального продукта. На ослабление и снятие отчуждения работает целая армия людей — экономисты, социологи, психологи, профсоюзные активисты, специалисты по трудовым отношениям в области управления и кадров. Разработаны многочисленные методы участия наемных работников в управлении фирмами и прибылях, способы укрепления рабочих коллективов, формы общения между руководителями и подчиненными. Главное — сор выносятся из избы.

Иногда и в советской литературе говорится об этих достаточно мучительных поисках. Однако отношение к ним пренебрежительное и осуждающее. Осуждение чаще всего выражается формулами: “поиски путей увеличения прибылей”, “филантропия”, “поиски классового мира”. Остается неясным, почему дурно стремиться к увеличению прибыли, чем плоха благотворительность и чем классовый мир хуже классовой борьбы

(если, конечно, не считать, что последняя нужна для дестабилизации демократических режимов).

Осуждая частных предпринимателей, Анатолий Злобин упускает из виду простые экономические соображения. Он описывает некоего "репетитора Игоря", который через отца своего ученика достал автобус и проводил на нем "левые" ночные экскурсии по Ленинграду. Экскурсии проходили на высоком уровне. Но автор возмущается: "Игорю автобус ничего не стоил. "Икарус" пришел прямо из государственного гаража, был помыт и убран. Баки заправлены горючим. Если в автобусе что-то сломается, "Икарус" будет отремонтирован в государственной мастерской." Писатель, наверное, хорошо понимает, что автобус не для того сделан, чтобы стоять в гараже, обмываться, убираться, заправляться горючим и ремонтироваться. Он должен работать максимум часов. Как и в случае с горелкой Фролова, деятельность Игоря приводила к снижению простоя оборудования. С точки зрения экономики — это благо. Доход, полученный Игорем, — частный, но его труд при нормальном экономическом анализе рассматривался бы как вклад в увеличение национального продукта (сфера услуг). Не говоря уже о том, что заработанные деньги Игорь истратит в рамках все той же государственной торговли.

Беда второй экономики в Советском Союзе состоит в том, что она находится под двойным ограничением — законодательным и экономическим. О законодательных ограничениях уже неоднократно говорилось. Об экономических ограничениях интересные данные приводит Борис Фаин. Главное ограничение — подоходный налог. Подоходные налоги взимаются во всех странах мира. Но из статьи Фаина мы узнаем, что налог на ежемесячный доход в сумме 1200 рублей (доход, по советским стандартам фантастический, вшестеро превышающий среднюю зарплату, хотя по западным меркам довольно скромный — около 900 долларов) составляет 290 рублей, то есть четверть всей суммы. Немного на Западе стран, где уровень налога на столь малый доход так высок. И при этом граждане демократических государств и их представители могут реально контролировать расходование государством изъятых у них налоговых сумм. А может ли это рабочий Фролов? ●

Вадим Меникер

СТЫДНО ЛИ МНОГО ЗАРАБАТЫВАТЬ?

В "Литературной газете" от 21 августа 1985 г. напечатана подборка материалов под броской шапкой "Стыдно ли много зарабатывать?"

Подборка эта состоит из трех писем читателей, комментария доктора юридических наук профессора И.Гальперина и обычного в подобных случаях редакционного комментария, подводящего итоги. Подборка эта наглядно демонстрирует, что если здравый смысл в советской экономике и восторгается, то не сразу, и не сейчас, и не при участии свободной советской прессы. Автор одного из писем киевлянин Ф.Микитенко ратует за здравый смысл.

Ф.Микитенко рассказывает историю, как группа сезонных рабочих, так называемых "шабашников", построила быстро и хорошо целый сельскохозяйственный комплекс. "Потом приехала ревизия — и что бы вы думали? Потребовала эти постройки... снести. Потому что возведены они незаконно! Рабочих потребовали найти, заставить их вернуть деньги. И возбудить против них уголовное дело..."

Ф.Микитенко — явно человек с нормальными, а не вывернутыми мозгами. Поэтому он недоумевает: "... Может ли закон находиться в столь разительном противоречии со здравым смыслом?" И резюмирует: "Люди работали честно, с рассвета до темна, постро-

или то, что жизненно необходимо колхозу, а значит, всему обществу. Заработали (именно заработали, а не нахапали) деньги. Что же тут плохого? Да, деньги были большими, но кто сказал, что честно заработанные деньги должны быть маленькими?... Мне кажется, пора отказаться от того, чтобы определять законность дохода исключительно его размером. Стыдно ли зарабатывать много? Нет, если это действительно заработок, то стыдиться тут нечего. Большой доход не равнозначен нетрудовому доходу."

Однако, письмо Ф.Микитенко, здоровое, правильное сказать — здоровое, обрاملено двумя другими письмами, выдержанными совсем в ином духе.

Некто из Алма-Аты по фамилии Омаров пишет: "Мне говорят: "Ну и что же, что у него маленький заработок? Пока не пойман, он не вор." А по моему разумению, таких и ловить не надо: их "ловит" элементарная арифметика, которую все мы проходили в начальной школе. Сложите зарплату его и его семьи за несколько лет, вычтите расходы на жизнь (пускай, самые скромные) и ответ, как на последней странице задачника: перед вами вор."

Читатель из Алма-Аты вовсе не ретроград, он даже демонстрирует определенную осведомленность в жизни Запада: "Я знаю, — пишет он, — что в некоторых странах человек обязан сам подавать декларацию о своих доходах." Но товарища Омарова интересует, разумеется, не то, почему секретарь ЦК разъезжает на лимузине. Секретарю положено, и не следует спрашивать отчета у старших по званию товарищей. Но нужно и у нас ввести налоговые декларации — "не для всех, конечно, а для тех, кто при скромном заработке покупает машины и дачи. Пускай отчитается перед обществом откуда у него такие средства." Просто и понятно. Раньше еще говорили так: "на основе революционного правосознания."

Еще один суровый читатель, москвич Г.Ильчевский, возмущается, как это можно, чтобы на улицах, около гастронома, какие-то бабки торговали "леденцами, всякими там... "петушками".

"Я задавал такие вопросы покупателям. "Ведь вы же поддерживаете стяжателей", — сказал я. А услышал в ответ нечто странное: мне, дескать, все равно, где и у кого покупать, лишь бы купить, то, что мне нравится. "А вы любопытствовали, — спросил я, — какой доход получают эти "ловкачи"?" Когда я назвал примерную, явно заниженную сумму, мои собеседники призадумались.

Об этом надо говорить вслух, громко и нелецеприятно. Нельзя позволить, чтобы безнаказанно существовал культ наживы. Разные "коробейники" и "шабашники" современного образца — неужели они думают об общественном благе, продавая "нужный" товар, строя "нужные" объекты, делая "нужный" ремонт и т.д.? Они думают только о своем тугом кошельке. И это, конечно, безнравственно."

Автора письма даже не интересует тот простой факт, что этих "петушков" в магазине просто нет. Деньги, с точки зрения этого человека, платят не за труд, и вообще не труд определяет положение человека в обществе. Он даже не пытается убедить нас, что, например, леденцы эти скверного вкуса или что "шабашники", делая ремонт, работают плохо.

Он не о такой ерунде ведет речь. Кто им п о з в о л и л? Почему они получают больше, чем раз и навсегда определило им н а ч а л ь с т в о?

"Совместимо ли это с нравственными устоями нашего общества?" — восклицает Г.Ильчевский.

Ну, хорошо, письма письмами, это как бы глас народный, а что говорят умные люди, знающие, что правильно и куда всем нам стремиться?

Профессор, доктор юридических наук, в соответствии с духом нового руководства, естественно, пропагандирует гибкость, прогресс и перемены к лучшему.

"Всех ли, кто обслуживает население в частном порядке, надо числить по разряду "леваков"? — вопрошает И.Гальперин. И отвечает сам себе — нет. Обществу нужен их

труд. Но вот, незадача, "оплата труда в частном порядке оказывается значительно выше той, которая причиталась бы согласно государственным расценкам."

Казалось бы, из этого следует, что рыночные отношения внесли коррективы в расценки, придуманные чиновниками.

Нет, для профессора из этого следует вот что: "Чувству справедливости это явно противоречит!"

Как, спросите вы, почему чувству справедливости противоречит справедливая оплата труда?

"Еще бы! — продолжает доктор наук. — Квалифицированному специалисту нелегко согласиться с вынужденной подчас необходимостью заплатить за день работы по побелке потолка в три-четыре раза больше того, чем он заработал за тот же день у станка, кульмана или операционного стола".

Если так рассуждать, действительно, чувству справедливости такое положение противоречит. Конструктор, стоящий за кульманом, получает зарплату по расценкам явно заниженным (государственным), а расплачивается с рабочими, побелившими ему потолок, по реальным (рыночным) ценам. Профессор прав — конструктору плохо...

Значит, решит читатель, новые веяния действительно зашли далеко, Значит, все же здравый смысл взял верх. Значит нужно просто установить реальные расценки для конструктора (и десятков миллионов других людей); как сделал это рынок для труда маляра.

Если бы так!

Значит, — наставляет профессор, — нужно уничтожить эту несправедливость, "нужно нивелировать "сверхдоходы". То есть — обложить их сверхналогом. Конструктор, конечно, заплатит маляру, но пусть он не расстраивается: государство у маляра излишек отберет — и все придет в норму. Вот так!

К сожалению, такие "реформы" мы уже видели. И не раз...

Редакция "Литгазеты", прислушавшись к гласу народа, резюмирует:

"На поставленный в письме читателя вопрос "Стыдно ли зарабатывать много?" есть, казалось бы, простой и ясный ответ: если честно, то не стыдно. Однако, как видим, выясняется, что таким простым ответом никак уж не обойдешься." Здесь нечего комментировать. Только пожать плечами. ●

Михаил Лемхин

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Советская пропаганда стремится "продать" Западу образ М.Горбачева как нормального живого человека, не похожего на стандартных "свиноголовых тупиц" (частный отзыв Г.Трумэна о членах советской делегации в Потсдаме). Горбачев прилежно старается работать на этот образ. Однако что хорошо для Запада, не годится для внутреннего потребления. Эту аксиому четко проиллюстрировала публикация в советской печати 2 сентября интервью Горбачева, данного им американскому журналу "Time". В английской версии интервью М.Горбачев рассказывает о некоем Иване Ивановиче, министре финансов РСФСР, который от старости дремал на заседаниях правительства республики, а когда его толкали в бок, бормотал сквозь сон: "Денег нет, денег нет". За этим рассказом угадывается партийный бонза И.И.Фадеев, просидевший на своем посту 23 года (1950—1973). В советской версии этого живописного рассказа нет. Нет в ней и похвалы Хрущеву и Кеннеди, нашедшим компромиссное (как считает Горбачев) решение Карибского кризиса. Наконец, Горбачев не побоялся обратиться к Всевышнему, выразив уверенность, что тот "не откажется дать нам достаточно мудрости, чтобы найти пути улучшения отношений между двумя великими народами Земли, народами, от которых зависит само существование цивилизации". Правда, опубликовать этот немарксистский пассаж в советской прессе смелости все же не хватило.

АГЕНТ В ПОЛИТБЮРО

К истории советской политики в 1932–1933 гг.

“Тактический маневр пока в целом удался...”

Общая линия партийной политики вновь обсуждалась на Политбюро 10 июля 1932 г. (Инф. 227 от 23 июля 1932 г.). С программной речью выступил Молотов. “Стойко” не сообщает, в каком отношении эта речь находилась к работе комиссии, созданной Политбюро после доклада Бухарина; можно, однако, предполагать, что Молотов оперался на ее результаты. После обычной порции общих фраз он сказал следующее: “В узком кругу вождей партии нет необходимости затушевывать того факта, что пятилетка не выполнена в надлежащем и необходимом объеме и что это подрывает всю хозяйственную структуру страны... Партия вынуждена идти по исключительно опасному пути постепенного отступления по всему хозяйственному фронту. Она придерживается при этом принципа: сохранить политическую власть даже ценой хозяйственных уступок и послаблений... Можно сказать, что этот тактический маневр пока в целом удался... Хотя решены еще далеко не все трудности, наиболее тяжелый момент нами успешно пройден... Опасность крестьянских восстаний и массового восстания в частях Красной Армии можно считать преодоленной...” В качестве предстоящих задач Молотов говорил о том, что необходимо лично заинтересовать каждого гражданина СССР в успехе социалистического строительства, обеспечив ему соответствующее вознаграждение за труд и ликвидировав повсеместно обезличку и уравниловку. Кроме того, согласно Молотову, “должен быть постепенно создан простор для самой широкой личной инициативы...”

Поскольку речь Молотова рассматривалась как директивная, Политбюро не приняло никакого особого решения. Интересно, однако, что вопрос об общей линии партийной политики, очевидно, не был исчерпан речью Молотова и через неделю, т.е. 17 июля 1932 г. он вновь был поставлен на Политбюро (Инф. 229 от 27 июля 1932 г.). Основным докладчиком теперь был уже не Молотов, а Киров. (Молотов и Каганович находились в эти дни на Украине). Новым и важным обстоятельством при этом было, по утверждению “Стойко”, то, что информацию о новом курсе партийной политики, изложенную Кировым, предполагалось вынести за пределы узкого круга руководящих политиков в Москве и распространить также и на периферии.

Содержание доклада Кирова “Стойко” в своих информациях не передал; в них содержится лишь резолюция Политбюро, принятая по этому докладу. В области внешней политики резолюция рекомендовала ориентироваться на заключение пактов о ненападении; перед советской дипломатией ставилась задача последовательно избегать всех поводов для конфликта. В то же время необходимо было руководствоваться тезисом: чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим. Внешнеторговым органам рекомендовалось стремиться к увеличению объема внешней торговли до

Окончание. Начало в № 8, 1985 г.

Все выделенное жирным шрифтом соответствует подчеркнутому в тексте документов. Подчеркнутое автором статьи оговаривается особо.

уровня 1931 г. (в 1932 г. он значительно упал) и с этой целью предоставить исключительные льготы и преимущества тем государствам, которые в больших размерах кредитуют торговлю с СССР.

Что касается внутренней жизни страны, то в резолюции говорилось о необходимости осуществления новой хозяйственной политики, базирующейся на пересмотре пятилетки в сторону удовлетворения товарного голода, подъема покупательной способности населения, а также увеличения емкости внутреннего рынка. Партийные органы должны были ориентироваться на широкое развитие личной инициативы "на всех участках промышленного строительства, сельского хозяйства, торговли и транспорта". Рекомендовалось также ослабить "применение насилия в отношении беспартийных элементов".

Казалось, таким образом, что наметился ощутимый поворот в сторону восстановления НЭПа. Тенденция эта, однако, оказалась недолговечной. 3 августа 1932 г. на Политбюро был вновь поставлен доклад Молотова. Это было вызвано дальнейшим резким ухудшением внутреннего положения в СССР, сильнейшим недовольством рабочих, падением производительности труда, усилением крестьянских волнений, выплывавшихся, по сообщениям "Стойко", в ряде районов СССР в кровавые столкновения.

В своем докладе Молотов заявил: "Внутреннее положение СССР становится ... вновь катастрофическим..." Сильно ухудшается снабжение, намечается резкое падение производства в добывающей промышленности, особенно в добыче угля и выплавке металлов. "Мы стоим действительно перед призраком голода, и к тому же в иначе богатых хлебом районах..."

Молотов продолжал, что уступки крестьянству с полной очевидностью оказались недостаточными, и это понимают все ответственные партийные работники. Если бы положение не было столь напряженным, то секретариат партии предложил бы Политбюро уже подготовленные решения, предусматривающие право частных лиц создавать предприятия с количеством рабочих до 50 человек, а также дальнейшее расширение сферы свободной торговли. "Но в настоящее время необходимо мысли о таких уступках несколько отложить, чтобы не показать слабости перед лицом стихийного давления масс..." Рабочие крайне недовольны, а крестьяне перешли к открытому сопротивлению властям и грабят имущество колхозов... "Сегодня уже поздно отступать. Волне крестьянского террора мы должны противопоставить волну красного, революционного террора... Хотя мы хотим подготовить переход к "нео-НЭПу", ... партия сначала должна вновь овладеть положением".

Выступление Молотова означало лишь слегка прикрытый отход от линии, принятой Политбюро всего две недели назад по докладу Кирова. Возможно, на это повлияли те впечатления, которые Молотов и Каганович вынесли из своей поездки на Украину. Прямым следствием этой поездки был, очевидно, Декрет об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности от 7 августа 1932 г., то есть "декрет о колосках", который непосредственно последовал за декретами, провозглашавшими расширение рынка и торговли. Этим был открыт путь к реставрации прежней политики, а также к укреплению позиции Сталина. В Политбюро не нашлось никого, кто имел бы достаточно силы, авторитета и решимости довести намечавшийся поворот к новой политике до его логического завершения. Столкнувшись с угрожающим положением в стране, руководство, по всей видимости, не сумело найти никакого другого решения, кроме как применение твердой руки. А для этого был необходим Сталин.

О дальнейшем развитии событий в Политбюро "Стойко" сообщает лишь отрывочные сведения. Это, видимо, обусловлено тем, что, в связи со сложностью общего положения в стране, Политбюро, согласно "Стойко", проводило свои заседания в форме частных совещаний без ведения протокола. Руководство секретариатом сосредоточилось в руках Кагановича. Сталин то ли по тактическим соображениям, то ли по болезни

продолжал отсутствовать, используя требования и амбиции военных (Ворошилова) для давления на руководство. Во внешнеполитической области ведущее положение занял Крестинский. "Стойко" отмечал, что звезда Литвинова еще не закатилась полностью, но его позиции считают сильно подорванными.

Все это сказалось на подготовке XVII партсъезда, который якобы должен был провозгласить реформы. Первоначально было решено созвать его в июле 1932 г. Это решение было, по предложению Сталина, изменено. Съезд был отложен сначала на декабрь 1932 г., а затем на весну — март или апрель 1933 г. Как известно, в действительности XVII съезд ВКП(б) собрался лишь в январе 1934 г.

Остается сказать еще несколько слов. Когда я читал эту часть "Информаций Стойко", она вызвала у меня наибольшие сомнения в своей достоверности. Эти сомнения не покинули меня полностью и сегодня. Я просмотрел газеты 1932 г., где-то прослеживались несомненные параллели, но общая атмосфера, как следовало ожидать, была иной. С другой стороны, записи "Стойко" были сделаны непосредственно после указанных заседаний. Их содержание показывает поразительное знание подноготной тогдашней советской политики, положения в стране да и фактов международного положения. То, что возбуждало мои подозрения, могло в равной степени быть подтверждением достоверности: такого не выдумаешь, да еще с такими подробностями.

Возникает, конечно, вопрос: каким образом изложенный здесь эпизод мог остаться неизвестным? Исчерпывающего ответа на него нет. Необходимо, однако, учесть, что предложение об изменении политической линии было в то время относительно быстро отклонено; оно не получило достаточной гласности. Реставрация сталинского курса, сопровождавшаяся расправой с инакомыслящими (Рютин, Толмачев, Смирнов), сделала совершенно невозможной какую-либо утечку информации об этом эпизоде.

"Ключ к дальнейшему развитию — в Берлине"

Хотя летом 1932 г. в международном положении СССР наметились сдвиги к лучшему, советское правительство опасалось осложнений. Тревогу вызывало, с одной стороны, новое обострение взаимоотношений с Японией, с другой — продолжающееся охлаждение отношений с Германией, усилившееся после прихода к власти кабинета фон Папена.

Описывая 13 июля 1932 г. на заседании Политбюро международную обстановку (Инф. 226 от 22 июля 1932 г.), Н.Н.Крестинский констатировал, что "советское правительство находится... в состоянии понятной нерешительности, поскольку международное положение, оставаясь чрезвычайно напряженным, заставляет в то же время желать — что касается ясности — лучшего..."

С военной точки зрения Советскому Союзу, по мнению Крестинского, угрожала непосредственная опасность лишь со стороны Японии, где правящая "военная клика" упорно отказывалась от мирного урегулирования спорных вопросов. Ссылаясь на донесения советского полпреда А.Трояновского, Крестинский утверждал, что вооруженный конфликт может вспыхнуть в любую минуту и рекомендовал по-прежнему избегать его — даже путем очень больших уступок.

Более благоприятным казалось Крестинскому положение в Европе. В ближайшее время предполагалось подписать пакты о ненападении с Польшей и Румынией. Это должно было разрядить обстановку на западной границе СССР и сдвинуть с места переговоры с Францией. Крестинский не исключал возможности поворота в польской политике, а потому рекомендовал, вплоть до подписания пактов, рассматривать как Польшу, так

и Румынию в качестве "вероятных активных противников СССР". Эти оценки были не пессимистичными, а скорее осторожными (пакт с Польшей был подписан 25 июля 1932 г., пакт с Румынией так и не был заключен).

Интересен и другой тезис Крестинского: Советский Союз не должен отказываться от ориентации на хорошие отношения с Германией. Линия Франции во внешней политике, утверждал Крестинский, двойственна. Это вынуждает Германию по-прежнему придерживаться Рапальского договора с СССР (1922 г.); Берлин готов подтвердить близость германской и советской политики по основным международным вопросам. Однако прежняя комбинация сил — Италия—Германия—СССР, направленная против Франции и опирающаяся на дружественный нейтралитет Англии, постепенно уступает место новой: Франция—Великобритания—Германия. Крестинский предлагал попытаться затормозить этот процесс усилением связей с Италией. В то же время он предупреждал, что курс правительства Эррио во Франции не безусловно враждебен СССР, а потому желательно избегать антифранцузских тенденций в советской политике.

Выводы Крестинского уточняли и развивали линию советской внешней политики, намеченную за три дня до этого 10 июля 1932 г. в уже упоминавшемся выступлении Молотова (Инф. 227 от 23 июля 1932 г.): "На Западе решающее значение для Советского Союза имеет положение в Германии, неудержимо развивающейся в сторону военной диктатуры..." Правительство фон Папена "идет по пути создания мощного блока четырех держав: Германии, Италии, Англии и Франции; в военных кругах продолжает, однако, пользоваться симпатиями прежняя комбинация: Германия, Италия, СССР... Весь вопрос в том, о чем договорились Гитлер со Шлейхером и отошел ли Шлейхер от идеи советско-германского сотрудничества плюс Италия... Советское правительство питает надежду, что ему в конечном счете удастся договориться с Японией... в настоящий момент оно, однако, не имеет возможности оказывать решающее влияние на положение в Западной Европе. Ключ к дальнейшему развитию — в Берлине..." Эти сдержанные, трезвые и даже чрезмерно осторожные оценки международной обстановки были органической составной частью политического курса летом 1932 г., направленного на разрядку внешней и внутренней напряженности. Но с осени 1932 г., если верить информации "Стойко", наметился резкий поворот в советской оценке международной ситуации.

Международное положение "исключительно благоприятно для СССР"

18 сентября 1932 г. на заседании Политбюро особым пунктом был поставлен доклад Молотова "О международном положении и задачах внешней политики СССР" (Инф. 242 от 29 сентября 1932 г.). В нем содержалась принципиально новая оценка международной обстановки. Молотов утверждал: "Международное положение развивалось в последнее время исключительно благоприятно для СССР". Советской дипломатии удалось добиться таких успехов, которые ей несколько месяцев тому назад "даже не снились". Переговоры с США продвинулись настолько, что признание де-юре советского правительства со стороны США — дело решенное; оно должно произойти непосредственно после американских президентских выборов (эти выборы состоялись в конце 1932 г. и привели к избранию Ф.Д.Рузвельта).

Согласно Молотову, изменилась не только политика США — существенные изменения произошли также в политике Японии. Япония, дескать, готова не только признать особые интересы Советского Союза в Северной Маньчжурии, но и подписать с СССР пакт о ненападении. При этом борьба Японии и США за влияние в районе Тихого океана и их попытки привлечь на свою сторону СССР увеличивают удельный вес Советского Союза в этой части мира. "Советское правительство имеет все основания считаться не только с восстановлением позиции СССР на Дальнем Востоке, но и с привлечением больших аме-

риканских и японских капиталов к участию в советском социалистическом строительстве...” — заключал Молотов.

Принципиальные изменения в международной обстановке происходили, по мнению Молотова, и в Европе. Франция, как он полагал, пришла, наконец, к решению подписать пакт о ненападении с СССР, что должно было радикально изменить всю европейскую политику СССР. Участие Франции в финансировании строительства в Советском Союзе казалось Молотову лишь вопросом времени.

Положительно оценивал Молотов также возможности развития связей с Германией. Правительство фон Папена якобы сожгло за собой все мосты, ведущие к сближению с Францией. Возврат Германии к “русской ориентации” представлялся поэтому Молотову “как нечто вполне естественное”; он ссылался на то, что Тухачевскому во время его посещения Берлина удалось без особых усилий восстановить “послерапальские отношения между Верховным командованием РККА и руководителями Рейхсвера...” Поскольку германская политика будет еще в течение долгого времени направляться военными, утверждал Молотов, “советское правительство может не беспокоиться насчет своих внешнеполитических интересов в Западной Европе.”

Новые оценки международного положения не могли не сказаться на задачах, которые советское руководство ставило перед органами внешней политики, а также перед Коминтерном. Они имели новый, наступательный характер. Решениями Политбюро от 1 октября 1932 г. (Инф. 247 от 11 октября 1932 г.) Коллегии НКВД поручалось добиться не только заключения соглашений с Японией, Францией и США, но также перелома в развитии хозяйственных отношений с этими странами. Пакт о ненападении с Японией должен был сопровождаться заключением торгового соглашения и особой конвенции о Маньчжурии; пакт о ненападении с Францией — торговой и финансовой конвенцией, предусматривающей французские вложения, а также кредиты в размере двух миллиардов франков золотом; восстановление дипломатических отношений с США — торговой и финансовой конвенцией, рассчитанной на американские вложения размером в миллиард долларов. В отношении Англии, оставшейся в стороне от общего улучшения внешних связей СССР, Политбюро рекомендовало предпринять энергичные шаги, направленные на вытеснение ее из Центральной Азии и Ближнего Востока, являвшихся объектами интенсивного политического и экономического интереса СССР. В этих целях предусматривалось объединить усилия советской дипломатии, Коминтерна, органов Внешторга, а также военного ведомства.

Новые задачи были поставлены перед Коминтерном, само существование которого только недавно, если верить “Стойко”, было объектом дипломатического торга между СССР и другими державами. Коминтерн должен был уже в ближайшем будущем перейти к одновременным, тщательно подготовленным действиям в тех странах, которые, по мнению советского руководства, являлись “слабыми звеньями” капиталистической системы. Такими странами Политбюро якобы считало Германию, Англию и США, а позднее, согласно резолюции от 1 ноября 1932 г. (Инф. 261 от 10 ноября 1932 г.) — Германию, США и Китай. На счет Коминтерна для особых целей 1 октября 1932 г. была переведена сумма в 1,2 миллиона рублей золотом. Решением от 1 ноября 1932 г. для КПГ выделялось “внебюджетно” 10 миллионов рейхсмарок, из которых один миллион предусматривалось истратить в Австрии; для пропаганды в США — пять миллионов долларов; для работы в Китае — три миллиона мексиканских серебряных долларов и один миллион иен.

Поворот в советской внешней политике сопровождается в “Информациях Стойко” следующим комментарием, принадлежащим перу их немецкого редактора: “Поскольку опасность русско-японской войны перестала... быть актуальной, в руководящих московских кругах вновь оживают настроения, направленные не на развитие практической политической и хозяйственной активности, а на подрывные пропагандистские действия

в капиталистических странах. Очень показательны, что в резолюции Политбюро вследствие этого вносятся фантастические предположения и расчеты, хотя в докладах и резолюциях Политбюро в предшествовавшие месяцы общая политическая ситуация оценивалась весьма трезво." Комментарий вряд ли правильно характеризовал причины изменений в советской внешней политике. Однако он, вне сомнения, передавал их общее направление. В Москве на передний план выступали "левые" тенденции, благоприятствовавшие реставрации первоначального сталинского курса, рассчитанного на насильственное решение проблем.

"Каганович и ему подобные"

Изменившиеся оценки международного положения, как и весь поворот внешней политики имели вполне определенный смысл: они должны были облегчить осуществление отхода от внутривнутриполитического курса, проводившегося летом 1932 г. в отсутствие Сталина. Об этом достаточно красноречиво свидетельствовал последний пункт резолюции Политбюро от 1 октября 1932 г.: Совнаркому рекомендовалось немедленно перейти к реализации предложений, выработанных комиссией Л.М.Кагановича. "Информации Стойко" не содержат, правда, данных о работе комиссии. Указанный пункт резолюции Политбюро, однако, вполне определенно говорит о том, что смыслом ее предложений было преодоление "уклонов от генеральной линии ВКП(б)".

Пересмотр политики ВКП(б) стоял в повестке дня не только на заседании Политбюро 1 октября. "Стойко" упоминает также о двух других заседаниях Политбюро, посвященных этой теме. Они происходили 3 и 5 октября 1932 г. Не лишено интереса, что эти заседания, если верить датировке "Стойко", имели место в ходе или непосредственно после завершения Пленума ЦК ВКП(б). Согласно официальным документам, Пленум был посвящен хозяйственным вопросам, в действительности же он не мог не проходить под знаком дела Рютина—Слепкова, рассматривавшегося приблизительно в эти же дни ЦКК.

"Информации Стойко" не отражают всего комплекса тогдашних событий; в них излагается содержание только некоторых заседаний Политбюро. Это, возможно, свидетельствует о том, что доступ "Стойко" к документам не был неограниченным.

Во введении к информации о заседаниях Политбюро 3 и 5 октября 1932 г. (Инф. 248 от 16 октября 1932 г.) указывается, что официальная версия дела Рютина—Слепкова (она изображается как дело Зиновьева, Каменева и Угланова) не отражает подлинной сути происходящего.¹ "В Советском Союзе в настоящее время имеет место серьезная борьба за власть". Со ссылкой на окружение А.С.Бубнова, который здесь называется бывшим начальником ПУРа,² в информации говорится о том, что в Москве, якобы, вновь становится актуальным вопрос о военной диктатуре и что об установлении такой диктатуры достигнута договоренность между Сталиным и Ворошиловым. Информатор добавляет: "Несомненным во всяком случае является то, что оба они (т.е. Сталин и Ворошилов) в настоящее время связаны очень тесной дружбой, поскольку вооб-

¹ В этой связи стоит упомянуть о слухах, связанных с делом Рютина—Слепкова, о которых в те дни (14 октября 1932 г.) сообщало в Берлин германское посольство в Москве: группа оппозиционеров, которая, якобы, воспользовалась отсутствием Сталина, выработала правоуклонистскую программу, касающуюся, в первую очередь, аграрной политики, и обратилась к Рыкову и Бухарину с просьбой предложить эту программу ЦК. Рыков и Бухарин отказались. После этого тезисы были предложены Сталину, который принял меры против ее авторов и использовал всю историю для того, чтобы выступить в роли защитника партийной линии.

² ПУР — Политуправление РККА. А.Бубнов был начальником ПУРа в 1924—1929 гг. — *Прим.ред.*

ще так холодно все взвешивающий и расчетливо действующий человек, как Сталин, способен к дружбе.”

Эти данные чрезвычайно важны, поскольку они могут свидетельствовать о том, что Сталин использовал в интересах внутрипартийной борьбы разногласия и конфликт между военными и руководством партии. В этой связи небезынтересно, что в ”Информациях Стойко” содержится также ссылка на круги, близкие Енукидзе и Кагановичу. В этих кругах якобы ведутся разговоры о том, что ”верхушка партии” будет в ближайшее время представлена дуумвиратом Сталина и Ворошилова и что Каганович опасается такого варианта, поскольку он до этого стремился занять место Сталина.

Указанные слухи, передаваемые в ”Информациях Стойко”, можно, конечно, подвергнуть сомнению. Они, однако, свидетельствуют о том, что посвященные современники воспринимали внутрипартийный конфликт не просто как ”дело Рютиня—Слепкова” а — в полном соответствии со ”Стойко” — как столкновение внутри самого партийного руководства.

Такое понимание вопроса подкрепляется и теми фрагментарными данными о ходе заседаний Политбюро 3 и 5 октября 1932 г., которые излагает ”Стойко”. Оба заседания проходили под знаком острого внутрипартийного конфликта. Он возник на заседании 3 октября 1932 г., на котором Каганович делал доклад об ”уклонах” от генеральной линии партии. В своем докладе Каганович заметил, что ”товарищи в Реввоенсовете не перестают заигрывать с идеей замены диктатуры партии в СССР военной диктатурой”. Это взорвало Ворошилова. Он набросился на Кагановича с ругательствами, которые не были лишены антисемитского душка, и заявил: ”Реввоенсовет и Верховное командование Красной Армии всегда выполняли свой долг по отношению к партии и советскому государству. Они будут делать это и впредь. Если товарищ Каганович и ему подобные завели партию и страну в тупик, если они привели к неудаче пятилетки и к превращению социалистического строительства в тему для анекдотов, то виной тому не ”интриги военных”, а неспособность партийного руководства и обстоятельство, что партия на 90% состоит из тупиц, негодяев, обманщиков и отвратительных типов, которых необходимо немедленно выгнать, а частично вообще поставить к стенке... Все реформы не стоят и гроша, если партийный и государственный аппарат не будет вновь в руках честных и преданных делу людей... Товарищ Каганович и ему подобные играют долготерпением армии; терпение может лопнуть и тогда многим придется плохо”.

Вспышка Ворошилова не была, конечно, случайной; она отражала взаимоотношения внутри руководства. Не исключено, что Ворошилов в полном согласии со Сталиным ставил на стол солдатский сапог, чтобы добиться тем самым нужных решений. Его выступление вызвало — и не могло не вызвать — сильное волнение среди присутствовавших. Заседание было прервано.

Политбюро собралось вновь 5 октября 1932 г. Речь держал Сталин, отошедший, по замечанию ”Стойко”, ”от своего принципа отмалчиваться”. Речь Сталина, если не считать выше указанной цитаты из Ворошилова, является у ”Стойко” единственным аутентичным изложением существа обсуждавшихся вопросов. Сталин, согласно ”Стойко”, начал со ссылки на большие успехи, достигнутые советской внешней политикой, и продолжал: ”Внутреннее положение Советского Союза выглядит в настоящий момент так же плохо и так же ”безнадежно”, как всего несколько месяцев тому назад выглядела международная ситуация”. Из этого Сталин делал вывод, что улучшения внутреннего положения следует добиваться тем же путем, каким оно было достигнуто в области внешней политики: ”искусным маневрированием, перегруппировкой сил, улучшением и укреплением позиций партии”. ”Крикуны справа и слева, — продолжал Сталин, — делают нападки на пятилетку, на коллективизацию, на все социалистическое строительство в целом. Такие нападки совершенно неоправданы, поскольку ”планы” сами по

себе были хороши и были разработаны с необходимой основательностью; если то или иное не удалось, то это произошло исключительно по вине исполнительных органов...” С этой позиции Сталин открыто солидаризовался со смыслом выступления Ворошилова на заседании 3 октября 1932 г.: “Мы должны провести основательную чистку как партийного, так и государственного аппарата; мы должны искоренить “вредителей” в собственных рядах и наполнить партию новыми, свежими кадрами хороших и честных сотрудников... Мы должны осуществить изменения планов строительства; там, где это необходимо, идти вперед, а там, где необходимо, отступать, делать уступки, добиваться передышки... Суть дела заключается, однако, не в “реформе” — слове, ставшем сегодня в партии модным, а в методах осуществления именно той генеральной линии, на которую теперь нападают недоброжелатели...” Сталин говорил далее о том, что коллективизация, дескать, удалась на славу; колхозы, тем не менее, не поставляют того количества зерна, которое необходимо государству. Почему? “Вместо критики в адрес коллективизации необходимо сосредоточить главное внимание на том, как сделать колхозы способными производить необходимое для страны зерно, как поставлять необходимое количество этого зерна государству...” Ссылаясь на то, что крупные колхозы дают меньше зерна, чем небольшие, Сталин высказывал мнение, что необходимо отдать предпочтение более мелким колхозам. Он добавлял также, что если в каком-либо из районов крестьяне-единоличники будут получать лучшие результаты, чем колхозники, то на них не следует давить, а нужно стараться добиться более хорошей работы от колхозников. “Все было бы гораздо проще, — заключал Сталин, — если бы не было столько ограниченности, критиканства и вредительства в самой партии... Здесь необходима сначала радикальная чистка, а потом поговорим о “реформах”...”

Заседания Политбюро в октябре 1932 г. проходили, как уже указывалось, параллельно собираемому тогда Пленуму ЦК ВКП (б) или непосредственно после его окончания. Это не было случайным. Пленум, несомненно, играл какую-то роль в разворачивавшейся внутри партийного руководства борьбе. Созывая заседание, партийное руководство не могло рассчитывать на то, что участники пленума, находясь в Москве, не узнают о положении дел. Однако в официальном отчете о пленуме нет никаких указаний, свидетельствующих о том, что там обсуждалось внутрипартийное положение. Остается поэтому предположить, что пленуму предназначалась какая-то “резервная” роль на тот случай, если обсуждение вопросов в руководстве не принесет желаемого результата.

Внутрипартийная борьба носила, очевидно, очень глубокий характер. По данным “Стойко”, — трудно решить, насколько на них можно полагаться в этом вопросе, — к числу потенциальных или действительных противников Сталина относились не только обычно называемые в этой связи Киров, Куйбышев, Орджоникидзе, Калинин и др., но в какой-то степени и Молотов с Кагановичем. Характерно впрочем, что Каганович, вне зависимости от его конфликта с Ворошиловым, о котором поведал “Стойко”, уже в тот период был основным докладчиком по вопросу об “уклонах” от генеральной линии.

В этой связи надо подчеркнуть значение уже упоминавшихся здесь дел М.Рютина—А.Слепкова, а затем — Г.Толмачева, В. Эйсмонта, А.Смирнова. Они были направлены против тех членов партийного руководства, которые не разделяли или разделяли не полностью взгляды Сталина, против поветрия, распространившегося в партии летом 1932 г. — настроений в пользу “реформ” и “ослаблений”.

События, разыгравшиеся вокруг октябрьского пленума 1932 г., нельзя недооценивать. От убийства Кирова их отделяют всего два года, а провозглашенная Сталиным чистка партии “от ограниченности, критиканства и вредительства” проходила в 1933 г. Стоит напомнить, что Хрущев ставил ее в прямую связь с последовавшим внутрипартийным террором. Впрочем, сами высказывания Сталина и Ворошилова, переданные “Стой-

ко”, с достаточной четкостью характеризуют тот способ мышления, который привел к кровавому разрешению внутрипартийных противоречий.

“Быть втянутыми в конфликт между капиталистическими странами не входит в интересы СССР”

Последние из сохранившихся в архиве МИД ФРГ “Информаций Стойко” посвящены вопросам внешней политики. Наиболее интересны в них те данные, которые позволяют уточнить отношение СССР к опасности нацизма в Германии, а затем к созданию в январе 1933 г. кабинета Гитлера.

Вопросом о положении в Германии Политбюро занималось вновь 1 ноября 1932 г. в ходе обсуждения деятельности Коминтерна (Инф. 261 от 10 ноября 1932 г.). В решении было записано: “Политбюро считает, что предпосылка Президиума ИККИ о неизбежности гражданской войны в Германии является неправильной... Оно придерживается того мнения, что только столкновение с внешним врагом может создать в Германии ситуацию, обеспечивающую успех социальной революции, завершенной диктатурой пролетариата...” Политбюро поэтому называло в качестве основных задач КПГ революционизирование и организацию масс, а также “провокацию” (кавычки принадлежат документу, что, очевидно, должно означать, что слово употреблено в переносном смысле.— М.Р.) конфликтов между Германией и ее соседями. Политбюро выражало уверенность, что на предстоящих выборах в рейхстаг КПГ сумеет увеличить свой удельный вес в полтора раза, и что ее актив без особых затруднений возрастет до одного миллиона членов (из них 500 тысяч человек должно было войти в пролетарские боевые отряды).

Характерно, что Политбюро при этом не столько интересовалось конкретными вопросами борьбы с нацизмом, сколько борьбой за победу пролетарской революции. Оно подробно останавливалось на условиях захвата власти КПГ, поводом для чего должно было послужить военное столкновение Германии с Францией (которое в резолюции характеризовалось как маловероятное) или с Польшей (последнее, наоборот, расценивалось как вероятное). Соответствующие инструкции давались также польской КП.

Наиболее интересные данные “Стойко” относятся, однако, к обсуждению в Политбюро создания кабинета Гитлера (30 января 1933 г.). Политбюро обсуждало сложившуюся обстановку в ночь с 30 на 31 января (Инф. 287 от 7 февраля 1933 г.). Доклады-вал Крестинский. Случившееся было, по его мнению, свидетельством полного банкротства прусского юнкерства, бывшего главной силой правительства фон Папена. Высокую оценку у Крестинского получил генерал Шлейхер, бывший главой правительства последние два месяца перед приходом к власти Гитлера. Политика Шлейхера была, согласно Крестинскому, попыткой “удовлетворения” всех социальных групп, “вооруженного мира” с ними. Это якобы означало разрыв как с прусским юнкерством, так и с “господином Тиссеном”. “Терпеть Шлейхера были готовы многие, начиная с немецких социал-демократов и кончая “Рейхсвербандом германской индустрии”. В этой комбинации не оставалось места ни для Гитлера, ни для баронов как касты. Поэтому ...еще вчера будучи врагами, они решились на сомнительный шаг: попытаться, используя немощь Гинденбурга, установить при помощи полулегальных методов диктатуру. Они действовали при этом в соответствии с давно испытанной немецкой формулой: “раздельно идти, совместно ударять”.

Крестинский утверждал, что в новом правительстве Гитлера все еще идет борьба за влияние, и что ближайшее будущее покажет, чьи шансы более благоприятны (Гитлера, фон Папена или Гугенберга). “Пока же создается впечатление, что нацисты оказались более ловкими политиками, чем испытанные интриганы старой вильгельмовской школы...”; в руках Гилера сосредоточены основные министерства — военное и внутрен-

них дел, и в его руки переходит реальная власть. Крестинский заключал: "30 января в Германии была практически установлена диктатура национал-социалистов, прикрытая формулой присяги веймарской конституции... Весь вопрос заключается в том, удастся ли Гитлеру овладеть немецким рейхсвером, иными словами — является ли уже окончательно проигранной та сложная игра, которую вели и пока еще ведут Шлейхер и Гаммерштейн..."

Вопрос о внешней политике СССР после прихода Гитлера к власти стоял в повестке дня Политбюро также 6 февраля 1933 г. Докладывал вновь Крестинский. Особое внимание, однако, уделялось не положению в Германии, а международной ситуации в целом. Мир, по его мнению, стоял "на пороге войны", и советское правительство должно было своевременно принять необходимые меры, которые вытекали из этого обстоятельства.

Наиболее чреватые последствиями был, согласно Крестинскому, дальневосточный конфликт, который не мог быть принципиально решен иначе, чем путем вооруженного столкновения сначала Японии с Китаем, а позднее (но не раньше весны 1934 г.) Японии с США. Крестинский касался разрыва Японии с Лигой Наций, который, по его мнению, создавал благоприятные условия для быстрого — в течение ближайших месяцев — подписания договора между Японией и СССР.

Касаясь советско-американских взаимоотношений, Крестинский отмечал, что восстановление дипломатических отношений было приторможено наметившимся сближением между Лондоном и Вашингтоном; Коллегия НКВД, однако, считалась с тем, что прямые официальные переговоры между Америкой и СССР являются вопросом ближайшего времени.

В Европе Крестинский, как и следовало ожидать, уделял основное внимание Германии. Он констатировал, что Гитлер разрушит как взаимоотношения Германии с Западом, построенные на Локарнских соглашениях, так и взаимоотношения Германии с СССР, основанные на Рапалльском договоре. Вместе с тем Крестинский присоединялся к мнению Коллегии НКВД, что в "интересы СССР не входит пойти вместе с Францией и Польшей на какую-нибудь авантюру, направленную против Германии... Диктатура Гитлера вне зависимости от того, насколько продолжительной она в конечном счете окажется, является только переходным этапом на пути восстановления монархии в Германии..." Взаимоотношения СССР с Францией и Польшей определяются уже заключенными пактами о ненападении; их вполне достаточно для того, чтобы установить желаемые хозяйственные связи с обеими странами. Эти пакты представляют максимум того, чего добивалась советская дипломатия.

Заключение

Мы изложили основное содержание "Информаций Стойко" так, как они сохранились в архиве МИД ФРГ. Эти "Информации" дают представление о деятельности Политбюро в указанный период. Судя по ставившимся на заседаниях Политбюро докладам, они не всегда были заседаниями узкого круга лиц. В 1932 г. еще сохранялась, видимо, практика расширенных заседаний, т.е. совместных заседаний Политбюро, правительства, Президиума ЦИК и Президиума ЦКК или другой комбинации лиц и органов, типичная для предшествовавших лет. В самом Политбюро имел место относительно свободный обмен мнениями, что, однако, могло быть следствием критического положения в стране и ослабления личной позиции Сталина.

Приходится признать, что Политбюро было органом, в целом хорошо осведомленным не только о событиях внутренней, но и международной жизни. Опасности, угрожавшие СССР извне, как правило, переоценивались, что было вызвано критическим

внутриполитическим положением, заставлявшим избегать международных осложнений. Эти опасности использовались также как инструмент во внутрипартийной борьбе.

Большинство решений Политбюро имело чисто рациональную основу. В "Информациях Стойко" почти не отражены идейные мотивы советской политики. Это объясняется тем, что как сам "Стойко", так и редакторы его сообщений, такие мотивы в "Информациях" просто опускали. Тем не менее не подлежит сомнению, что идейные мотивы не играли определяющей роли в решениях Политбюро.

Интересны конкретные факты о внутренней борьбе в Политбюро. Поражает сильная позиция армии, что до сих пор не было отражено ни в каком другом документе. Эта борьба в Политбюро в 1932 г., как уже говорилось, наводит на мысль, что сталинский террор в 30-е годы не был столь нелогичным, как это иногда считается. Изучение "Информаций Стойко", сравнение их с суммой ранее известных фактов, дальнейшая проверка достоверности "Информаций" могут пролить дополнительный свет на этот важнейший период советской истории. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ЖЕЛЕЗНЫЙ МАРШ

Корпуса, дивизии и бригады дрогнули и в торжественном, великолепном марше двинулись побатальнно, позскадронно и побатарейно через поле мимо украшенных трибун. С ружьями наперевес, с клинками на плече, с поднятыми знаменами и открытыми люками боевых машин двигалась лавина металла и людей. Ощетиненные волны шли одна за другой. Танки стлались по земле. Гремели пушки, фыркали кони и моторы, а тысячи людей дышали в такт своему шагу — 120 шагов в минуту. Это было движение грозное и прекрасное.

А ведь только что вся эта громада стояла в каменной неподвижности, и эти стремительные волны казались застывшими, когда командующий парадом т. Якир отдал приказ:

— Парад, смирно!

Красноармейское "ура" встретило тогда появление наркома обороны. На правительственную трибуну взошли тт. Косиор, Постышев, Любченко, Балицкий, Затонский, Гамарник, Буденный, Егоров, Ильин и др.

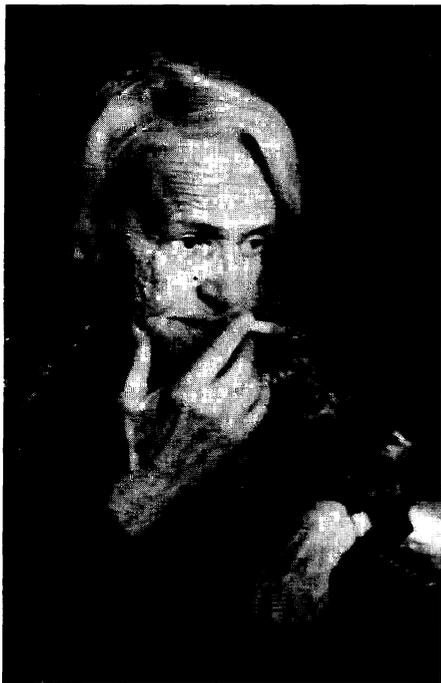
Народный комиссар тов. Ворошилов скакал на гнедом коне вдоль стен каррэ и его приветственные слова вызывали небывалой силы раскаты, подобные протяжному и сильному горному эху. Войска кричали "ура", встречая своего наркома. Затем опять возникла тишина. Народный комиссар сказал бойцам, командирам и политработникам слова одобрения тому боевому искусству и той пламенной преданности отечеству социализма, которую они проявили на маневрах. Он приветствовал их от имени Центрального комитета партии и правительства СССР. Радиорупор передал его слова во все концы поля, во все стороны Киева, и гремящее "ура" было ответом, который вылетел из десятков тысяч грудей.

"Известия", 18 сентября 1935 г.

В СТРАНЕ, ГДЕ ТРУД РАДОСТЕН

Канал Москва—Волга, как и Беломоро-Балтийский канал имени Сталина, строится в свободной социалистической стране, где труд радостен. Он строится для народа, для улучшения жизни трудящихся красной столицы. Волжские воды потекут по Москва-реке, сделают ее полноводной, судоходной. Поистине можно будет сказать, что новая, социалистически реконструируемая Москва получит новую реку.

"Известия", 9 сентября 1935 г.

Раиса ЛЕРТ (Москва)

ПРАВДА О "ПОИСКАХ"

Против
политической бульварщины

В апреле этого года в Москве после долгой болезни скончалась Раиса Борисовна Лерт. Последние 15 лет жизни этой женщины были заполнены событиями, типичными для многих москвичей — участников движения за права человека в Советском Союзе: статьи в самиздатских журналах, выступления в защиту советских политзаключенных, обыски, допросы в КГБ и прокуратуре, стояние перед закрытыми дверьми "открытых" судов, наконец, исключение из партии, угроза ареста по политическому обвинению...

Раиса Лерт родилась в 1905 г. в Киеве. Юной девушкой, во время Гражданской войны 1918—1922 гг., когда Киев на короткое время был оккупирован польскими войсками, Лерт принимала участие в комсомольском подполье. В компартию она вступила в 1926 г. Ни в 1930-х, ни в 1940-х годах ее не посадили. Она была правоверной советской журналисткой и даже — в течение некоторого времени — работала редактором газеты "Московская правда". Ее, правда, на короткое время исключили из партии, потом восстановили. В конце 40-х гг. Р.Лерт выгнали с работы и долгое время она нигде не могла устроиться. Ее взгляды претерпели существенную эволюцию лишь после смерти И.Сталина в 1953 г. и разоблачений Н.Хрущевым сталинских преступлений. Однако до выхода на пенсию в 1962 г. она продолжала работать как журналистка в ТАСС, на радио, в официальных газетах и журналах.

В конце 1960-х гг. Лерт начинает писать для самиздата. Сначала ее самиздатские статьи распространялись, в основном, среди ее партийных единомышленников, противников реабилитации Сталина. Первая самиздатская работа Лерт — ее рецензия на книгу С.М.Штеменко "Генеральный штаб в годы войны". Первая ее статья, попавшая на Запад и переведенная на несколько иностранных языков, — "Трактат о прелестях кнута" — также посвящена полемике со сталинистами. "Трактат" считается главной самиздатской работой Лерт. Здесь она впервые задает своим оппонентам вопрос, который еще не раз прозвучит в ее самиздатских публицистических выступлениях, в том числе и в ее полемике с некоторыми другими инакомыслящими: почему для них "и в русской истории, и в русской литературе существует только два типа героев — великий вождь, ведущий державу Российскойскую к победам (неважно, во имя чего и за счет чего) и рядовой, скромный и неприметный герой, умирающий, как ему положено, за эту державу?"

В феврале 1975 г. историк Рой Медведев и Раиса Лерт основали самиздатский альманах инакомыслящих марксистов "Двадцатый век". Тогда еще Медведев и Лерт дружили и считали друг друга единомышленниками, однако уже в самом начале их совместной работы у них возникли принципиальные разногласия, которые через три с половиной года положили конец их многолетней дружбе. "Мне кажется, — писала Р.Лерт — что увлекшись полемикой с Солженицыным, Максимовым, Шафаревичем (выступления которых полемике, безусловно, заслуживают) и посвятив этой полемике половину статьи, Р.Медведев нарушил меру, забыв, упустив из виду других антагонистов демократического социализма в нашей стране. Тех, кто не только пишет статьи, книги и законы, но и решает, какие книги печатать и какие законы исполнять. Тех, кто не дискутирует с инакомыслящими, а их допрашивает. Эти противники демократического социализма имеют гораздо больше силы и влияния, чем те."

Начиная с января 1976 года, когда она подписала коллективное письмо в защиту Сергея Ковалева, Р.Лерт — активный участник правозащитного движения. Ее подпись регулярно появляется под коллективными письмами протеста против преследования инакомыслящих. В январе 1977 г. она выступила с блестящей рецензией на первую книгу Зиновьева "Подступы к "Зияющим высотам". Опыт ненаучного анализа". В мае 1978 г. Р.Лерт вошла в редколлегию нового самиздатского журнала "Поиски". Об истории создания этого журнала она сама подробно рассказывает в публикуемой ниже статье.

Вскоре все участники издания "Поисков", кроме Р.Лерт, были либо арестованы, либо отправлены в эмиграцию. Ни старость, ни болезнь не уберегли Р.Лерт от мьгарств, связанных с делом, заведенным Московской городской прокуратурой против издателей журнала "Поиски". 25 января 1979 г. у Р.Лерт был проведен обыск. Это был первый обыск в ее жизни. 21 марта того же года с казенной формулировкой "за действия, несовместимые с высоким званием члена КПСС", Р.Лерт была исключена из партии, в которой состояла 53 года и 5 дней.

В движении советских инакомыслящих всегда было достаточно людей более или менее левых убеждений. Более того, среди диссидентов, принадлежащих к тому же поколению, что и покойная Раиса Лерт, трудно вспомнить кого-нибудь, кто никогда в жизни не проходил бы через увлечение коммунизмом, марксизмом или, по крайней мере, христианским социализмом. Но можно назвать лишь немногих, в ком в такой мере сочетались бы публицистический талант, нравственная чуткость, стойкость, человеческое достоинство, верность идеалам юности.

Публикуемая ниже статья Р.Лерт — ее последнее произведение. Скоро издательство "Поиски" выпустит сборник всех статей и выступлений Р.Лерт.

Я прочла книжку "С чужого голоса", напечатанную в 1982 году издательством "Московский рабочий" в количестве 75000 экземпляров.

Писать рецензию на это произведение я не собираюсь — хотя бы потому, что мне недоступны те материалы, которыми, видимо, снабдили его авторов соответствующие секретные учреждения. Но около 40 страниц книги (из трехсот) с 59 по 97, то есть примерно 12% текста, посвящены предмету, о котором я знаю, пожалуй, больше, чем любые организации и учреждения. На этих страницах напечатан очерк Т.Гладкова "Куда заводят "Поиски", и речь в нем идет о неподцензурном самиздатском журнале "Поиски", издававшемся в Москве в 1978—1979 гг. А я была одним из семи редакторов этого журнала.

Внимательно прочитав очерк (и всю книжку), я убедилась: книга эта задумана, написана и издана с единственной целью убедить читателя в том, что всякий инакомыслящий — то есть в чем-либо несогласный с властью и тем более открыто высказываю-

щий свое несогласие — тем самым автоматически становится орудием в руках иностранных разведок. А то и прямым их агентом. Примерно такое обвинение предъявляется и редакции журнала "Поиски".

Так вот, я заявляю, что это ложь, и постараюсь доказать это. Пусть опровержение мое останется хотя бы для истории: напечатать его у меня нет возможности. Но, будучи единственным оставшимся на свободе членом редакции (если не считать находящегося в эмиграции П.Егидеса и раскаявшегося В.Сокирко),¹ я считаю себя обязанной выступить в защиту чести как своей, так и своих осужденных товарищей. Замечу при этом, что ни ЦРУ, ни ФБР, ни корреспондентам западной прессы данный документ я не передавала и передавать не собираюсь.

А теперь — по существу.

Для будущего читателя (как, впрочем, и для нынешнего, если бы он б ы л) существенно знать, что это за журнал — "Поиски", когда и кем создавался, какие цели ставили себе его инициаторы. Обо всем этом книжка "С чужого голоса" умалчивает. Но ее название, даже до ознакомления с текстом как бы предупреждает читателя о том, что мы, редакторы "Поисков", действовали, будто бы руководимые чужим, заграничным голосом.

Я заявляю, что это — неправда. И не ошибка, не заблуждение, а прямая, сознательная, з а в е д о м а я ложь.

Журнал "Поиски (тогда еще безымянный) был задуман в 1978 году двумя людьми — мною и Петром Марковичем Егидесом.² Егидес находится сейчас за границей и может выступить по этому поводу сам; однако я скажу вкратце и о нем, и о себе. К моменту, о котором идет речь, я была членом КПСС с более чем 50-летним партийным стажем и 40-летним опытом работы в советской печати. Сюда входил и опыт противостояния "чужим голосам" — контрпропагандистская работа в ТАСС и Радиокomiteе СССР во время Великой Отечественной войны и последовавшей затем "холодной войны" (правда, к 1978 году у меня уже был и 7–8-летний опыт выступлений в Самиздате). Егидес, философ-марксист, более молодой, но тоже член КПСС, года за три до описываемого времени был посажен в психиатрическую лечебницу (потом выпущен из нее) и исключен из партии за написанный им — в е д и н с т в е н н о м э к з е м п л я р е и о т р у к и — философский труд. Поскольку труд этот остался в архивах КГБ, я его не читала и оценку ему дать не могу. Но, зная почерк Егидеса, без особого риска могу утверждать, что полностью его не прочли ни следователи, ни психиатры, ни даже машинистки КГБ.

Задуман был журнал "Поиски" как орган, который дал бы возможность высказываться по насущным проблемам различным, р а з н о мыслящим, но ищущим взаимопонимания людям, искренне озабоченным судьбами страны. Никакой "чужой голос" даже не подозревал о нашем существовании. Ни тогда, ни впоследствии, когда к нам присоединились более молодые — Валерий Абрамкин, Владимир Гершуни, Глеб Павловский, Юрий Гримм и Виктор Сокирко. Все, если не ошибаюсь, бывшие комсомольцы.

К тому времени, когда мы встретились, у всех нас были разные взгляды, которые я, по естественным причинам, не буду здесь рассматривать. Нас объединяло одно: стремле-

¹ В книжке "С чужого голоса" В.Сокирко именуется В.Васильевым.

² Возможно, мысль о таком издании носилась в воздухе, и, может быть, его задумывали и другие. Но мне известны только мои беседы с Егидесом и наша с ним работа над № 1 "Поисков". А я пишу о том, что мне известно.

ние к свободе и раскованности мысли, к не стесняемой цензурой гласности, в которой мы видели средство демократизации государственного строя и общественного уклада. Никакой другой цели мы перед собой не ставили: ни подготовки к государственному перевороту, ни создания новой политической партии, ни организации подпольной сети. Да и не могли ставить: среди семи членов редакции не было двух, придерживающихся одинаковых политических, философских и прочих взглядов. Это был по-своему уникальный опыт — попытка создать журнал без единой программы, запрещавший лишь появление на своих страницах пропаганды человеконенавистничества, шовинизма, империализма, фашизма.

Это не значит, что все, что мы печатали, было хорошо, правильно, безупречно. Да и с чьей точки зрения: ведь, как сказано выше, самые эти "точки" у нас были разные. Но что верно, то верно: все мы были и н а к о м ы с л я щ и е — и потому журнал наш не мог быть подцензурным. Ни одна из наших статей сквозь сито цензуры не прошла бы. Не потому, что мы лгали или клеветали, как обвиняли моих коллег на судебных процессах: этого не было. А потому, что в нашем журнале излагались те взгляды на реальную советскую действительность, которые замалчивались и продолжают замалчиваться подцензурной печатью. Эти взгляды, эти концепции — правильны они или неправильны (а это часто выясняется много времени спустя) — есть, существуют, имеют хождение среди мыслящей части нашего общества, которое вовсе не так едино, как пытается представить официальная пропаганда. И мы попытались дать им выход на страницы печати — пусть машинописной! — в том числе и тем, с которыми сами были несогласны или не вполне согласны. Потому что мысль не может развиваться в заранее предудказанных и ограниченных рамках. Потому что подлинная идейная борьба предполагает не запрещенные недозволенных мыслей и кару за них, а с п о р и д е й, убедительную, логичную и ясную аргументацию против мнений, свободно высказанных.

Жалею, что, приступив к изданию "Поисков", мы не догадались поставить эпиграфом к журналу цитату из предисловия Искандера (Герцена) к первому из сборников "Голоса из России", вышедшему в Лондоне в 1856 году. Вот эта цитата, через сто с четвертью лет очень хорошо выражающая суть, содержание, принципы редакции "Поисков":

"Мы открываем все двери, вызываем на все споры. Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами, нам уже случалось печатать вещи, прямо противоположные нашему убеждению, но сходные по цели. Роль цензора нам противна..."

Автор разбираемого мною очерка неоднократно упрекает нас, редакторов "Поисков", в лицемерии. Упрек этот он обосновывает тем, что, ссылаясь на законы и Конституцию, мы использовали их не для того, чтобы критиковать "отдельные недостатки", а замахивались на "всю систему".

Да, совершенно верно, мы критиковали не "отдельные недостатки", а современную систему советского управления, хозяйствования, администрирования, воспитания, не имеющую, по мнению одних (к которым принадлежу и я), ничего общего с социализмом, а по мнению других (с которыми я не согласна), выражающую его, социализма, отрицательную сущность. Но ни те, ни другие не клеветали: они высказывали разные, часто противоположные м н е н и я. Ни те, ни другие не лгали, не извращали фактов. И уж конечно, не руководствовались никакими "голосами": у нас были свои.

А кстати: где в Конституции или в УК сказано, что свобода слова, печати и совести распространяется только на критику "отдельных недостатков", а всякая критика "системы", власти есть уголовно наказуемое преступление?

Попутно замечу, что с удивлением рассматривала я вверстанное в очерк о "Поисках" клише, изображающее какую-то неведомую мне машинку. Правда, справа мы

видим нашу обычную, родную пишущую машинку, каких у нас множество забирали на обысках. Но — слева?... Не знаю, что это за "множительная аппаратура,сланная в нашу страну для изготовления подрывных материалов". В распоряжении нашей редакции такой аппаратуры не было, и мы ее ни у кого не просили. Мы печатали "Поиски" на наших собственных машинках, покупали бумагу, копирку и ленты на собственные трудовые деньги, сами корректировали (что, из-за профессиональной неопытности, породило множество опечаток), сами переплетали. Короче говоря, никаких, ни идеологических, ни материальных субсидий, мы ни от кого не получали.

Характеризуя отдельных членов редакции, автор очерка особо останавливается на личности П.Егидеса. В частности, он пишет: "Не был привлечен к судебной ответственности в связи с эмиграцией из СССР еще один активный член редакции "Поисков" П.М.Егидес".

Что это значит? У читателя создается впечатление, что сначала Егидес эмигрировал, а потом уже стало известно, что он — член редакции "Поисков".

Неправда! Все все отлично знали. Фамилии членов редакции были напечатаны на обложке журнала. Задолго до получения разрешения на выезд у Егидеса, как у всех нас, были отобраны его архивы и пишущие машинки. Как и других членов редакции (кроме меня), его неоднократно вызывали на допрос — именно по делу "Поисков" — к следователю Мосгорпрокуратуры Ю.Бурцеву.

Почему же Егидеса выпустили за границу, а не судили? Почему меня даже не привлекли к ответственности, и моя фамилия вообще не упоминается Гладковым?

Мне думается, этому есть объяснение, и я попытаюсь его изложить.

Давая "личную характеристику" П.Егидесу, автор очерка заявляет, что он, Егидес, "в ноябре 1941 года поступил на службу к оккупантам в качестве переводчика сельской комендатуры".

И это — ложь. И опять же: не ошибка, не путаница — заведомая ложь. Автор, которому, надо полагать, предоставлены были следственные материалы, не мог не знать, что поклеп, возведенный на Егидеса четыре десятилетия назад и приведший его в тюрьму и лагерь, был вскоре опровергнут, и что Егидес давным-давно полностью реабилитирован. (В противном случае, кстати сказать, была бы совершенно невозможна его последующая многолетняя деятельность в качестве преподавателя философии в Ростовском университете.) Да и не мог Егидес быть никаким переводчиком, ибо знал немецкий язык только пассивно (читал Маркса и Гегеля со словарем).

Все это — безвинное заключение в сталинский лагерь, отправка в психушку за философскую рукопись — непременно фигурировало бы на суде (по инициативе если не адвоката, то подсудимого), и это представляло известные неудобства для обвинения. Вот почему, вероятно, те, кому ведать надлежит, предпочли выпустить Егидеса за границу: инкриминировать человеку опровергнутые 30 лет назад обвинения гораздо удобнее, если человек этот — эмигрант. Попутно реанимация ложного доноса сорокалетней давности используется для того, чтобы набросить тень на все редакцию "Поисков".

Это о Егидесе. О себе могу только предполагать. Допускаю, что, кроме неудобства судить 75-летнюю старуху (это бы можно презреть), возникло неудобство более серьезное. Если сказать правду, то надо признать одним из главных виновников издания подпольного антисоветского журнала старую коммунистку, сорок лет работавшую в советской печати и всю войну сражавшуюся с геббельсовской пропагандой. Это звучало бы не слишком правдоподобно, не очень убедительно и вызвало бы невольные сомнения: а действительно ли журнал подпольный? А действительно ли он антисоветский? И что заставляет людей, всю жизнь отдавших борьбе за советскую власть и социализм, становиться диссидентами (а я не одна такая)?

Впрочем, это только мое предположение: пусть его подтвердит или опровергнет будущее.

Перейдем к фактам, то есть к содержанию журнала "Поиски" и к тому, как интерпретируется оно в книжке "С чужого голоса". Оговорюсь при этом: опровергая вымыслы интерпретатора, я вынуждена опираться только на свою память. Сверять приводимые цитаты с подлинными текстами у меня нет возможности: ни одного номера "Поисков" я не имею. Кое-что помню хорошо, но, конечно, не текстуально — и, вступая в спор с тенденциозным автором, подвергаю себя некоторому риску. Но тут уж ничего не поделаешь: если мне до сих пор не вернули отнятые у меня на обыске мои комсомольские воспоминания и переписанные мною стихи Ахматовой, Пастернака, Твардовского, Берггольца, Слуцкого, то тем более никто не предоставит мне для обозрения номера "Поисков". Даже мои собственные статьи.

Статья Адама Кузнецова "Бедность народов", напечатанная в двух номерах журнала, конечно, принадлежит перу не марксиста и не социалиста. Писал ее, несомненно, сторонник частнокапиталистического строя — и я с его выводами не согласна. Но кто сказал, что лучший способ опровержения — это затыкание рта? Что лучший способ доискаться истины — это запретить все, с чем ты не согласен? Кажется, Рабиндранат Тагор где-то сказал: "Если закрыть двери перед заблуждением, куда же войдет истина?"

Да, с выводами я (и не только я) была не согласна. Но статья содержала богатейший фактический материал и интересные мысли, она могла послужить основой для серьезной и полезной экономической дискуссии. Разумеется, если бы изучением ее занялись не следователи, а экономисты и социологи. Если бы анализировали ее, не подгоняя статью в журнале под статьи Уголовного кодекса.

Однако произведение Т.Гладкова для того ведь и написано, для того и опубликовано, чтобы задним числом, через два года после осуждения редакторов "Поисков", оправдать это осуждение. Теперь, когда ни подсудимые, ни адвокаты уже не могут сказать ни слова, автор на досуге может спокойно утверждать, что возражения Адама Кузнецова против марксовой теории есть уголовное преступление, предусмотренное ст.190¹ УК РСФСР.

Странно, конечно, выступать в защиту марксизма, вооружась Уголовным кодексом: Карл Маркс как никак не Трофим Лысенко. Но уберечься от непрошеного адвоката великому ученому не удалось. Вдохновленный собственным невежеством, Т.Гладков возмущенно обвиняет Адама Кузнецова в "клевете на Маркса", ибо Кузнецов назвал-де "галиматей" "и з в е с т н ы е м а р к с и с т с к и е п о л о ж е н и я" (разрядка моя. — Р.Л.) о том, что все зло на свете происходит от эксплуатации, что человек есть продукт своей эпохи, что совесть — понятие классовое и ряд других.

Вот уж, поистине, "избави нас от друзей..." Что там писал Кузнецов о Марксе, неясно, потому что цитаты не приводятся, а пересказываются "своими словами". Но то, что пишет от себя Т.Гладков, — действительно галиматья. Без всяких кавычек.

Потому что нет таких "марксистских положений"! Не писал Маркс таких пошлостей. В отличие от автора очерка о "Поисках" и обучавших его вульгаризаторов, Маркс, надо полагать, знал, что эксплуатация хоть и главное, но не единственное социальное зло, да и бывает она в разных формах. И что, кроме социальных бед, человечество страдает и от других: так, существуют еще землетрясения, наводнения, засухи, рак — и даже самоубийства от несчастной любви. И что современный человек — "продукт" не только своей эпохи, но и всех предшествующих, всей человеческой истории и культуры.

И уж вовсе поклепом, заставляющим вспоминать о крыловском услужливом медведе, является приписанное Марксу утверждение, будто "совесть — понятие классовое". Ничего подобного Маркс никогда не писал. Другое дело, что в марксистской философии наименее разработаны как раз этические категории. И все же, трактуя такие формы общественного сознания, как мораль, нравственность, этика, марксизм

никогда не ограничивал их содержание только классовыми интересами, а утверждал, что в них, наряду с общечеловеческими элементами, включаются исторически переходящие классовые нормы, принципы, идеалы. Совесть же, как сказано даже в популярных изданиях, например, в энциклопедическом и философском словарях, есть "внутренняя убежденность в том, что является добром и злом...", "выражение способности личности осуществлять нравственный самоконтроль".

Если такой способности у личности нет, стоит ли ей вдаваться в рассуждения о столь незнакомом ей предмете, как совесть?

Но, может быть, Т.Гладкову более доступны не философские, а экономические аспекты разбираемой им работы? Если ему не удалось доказать, что Кузнецов оклеветал Карла Маркса, может быть, он привел убедительные доказательства того, что Кузнецов оклеветал советскую экономику, советскую хозяйственную систему, советский государственный аппарат? Измыслил факты? Выдумал то, чего в действительности не существует?

Нет, этого Т.Гладков не говорит. Он признает, что факты почерпнуты Адамом Кузнецовым "из доброго десятка советских газет" и "оттуда же заимствованы высказывания крупных специалистов, хозяйственников, партийных и советских работников, инженеров и рабочих".

Может быть, клеветническим является утверждение Кузнецова, что производительность труда и уровень жизни народа у нас ниже, чем в развитых капиталистических странах?

Нет, и это не отрицается. Автор очерка лишь пытается оправдать наше отставание "тяжким наследием, полученным от царской России с ее вековой отсталостью", "приходом в промышленность в восстановительный период и в годы первой пятилетки миллионов вчерашних малограмотных крестьян" и "до сих пор ощущаемыми... последствиями последней разрушительной войны".

Оправдания несостоятельны: прошли уже все исторические сроки, когда можно было принять их. Поздно искать причины нашего отставания в пороках царизма (65 лет), в неграмотности рабочих первой пятилетки (более 50 лет) и даже в чудовищно разрушительной последней войне (почти 40 лет). Как, заметим к слову, нельзя уже ссылаться на "пережитки капитализма в сознании", когда речь идет об отрицательных явлениях в нашем обществе, в нашем быту, морали, отношениях между людьми. Поздно! Мы сами это общество создали, и сами должны нести ответственность за все, что в нем происходит и что не соответствует тем идеалам, которые вдохновляли нас в 1917 году.

Итак, проблему Кузнецов ставит важнейшую, опирается на факты совершенно достоверные. Почему же статья его именуется клеветнической, и публикация ее признается основанием для уголовного преследования редакторов напечатавшего ее журнала? Потому что неверны его выводы (Кузнецов рекомендует "возврат к свободному предпринимательству")? Так оспорьте их, опровергните, разбейте в открытой дискуссии, пользуясь данными статистики, экономики, истории. Столько у вас научных институтов, докторов наук и профессоров — неужели никому не под силу справиться с Адамом Кузнецовым, кроме Мосгорсуда и "марксиста"-любителя Т.Гладкова?

Я не экономист и не могу принять участие в этом споре. Но я не согласна с требованиями возврата к частнокапиталистической системе. Я думаю, что следует идти не назад, а вперед, к подлинному социализму. Но для этого надо отдать себе ясный, честный отчет в том, что его у нас нет. И порукой этому — слова Ленина, утверждавшего, что для победы социализма самое важное, самое главное — производительность труда. И пока мы отстаем от капиталистических стран и по уровню производительности труда, и по уровню жизни народа, пока мы не нашли социальные способы достичь и превзойти этот уровень, — мы не имеем права говорить о победе социализма. То, что за

65 лет эти способы не найдены и не осуществлены, — это порок нашей системы, наш собственный порок. И чтобы избавиться от него (как и от других пороков), нужна прежде всего бесстрашная мысль, бесстрашная, ничем не ограниченная гласность в критике этой системы.

Пойдем дальше.

Многое из того, что в очерке объявляется "противоправными высказываниями" авторов и редакторов "Поисков", вовсе не нами придумано, а есть лишь "хорошо забытое старое". Причем не очень давнее старое, а так, периода "оттепели", "позднего реабилитанса". Например, подыскивая соответствующую статью УК для П.Егидеса и П.Подрабиника, наш нештатный следователь ставит им в вину призыв к "введению права на оппозицию". Но ведь еще Пальмиро Тольятти в своей известной статье, опубликованной после XX съезда КПСС, писал, что оппозиция необходима правящей партии как воздух. Как воздух! И что именно расправа с оппозицией, уничтожение оппозиции положили начало чудовищным преступлениям сталинского периода и тяжелым изменениям в характере советского общества.

Это писал не Рейган, не Бжезинский и даже не Солженицын. Это писал руководитель итальянской компартии, именем которого названы в нашей стране завод (оборудованный, кстати сказать, зарубежной капиталистической фирмой) и выросший вокруг него город.

Да, совершенно верно, мы призывали к введению права на оппозицию. Мы призывали к отмене цензуры (которую в свое время обещали отменить Ленин и Луначарский; этому обещанию тоже уже больше 60 лет), к широкой гласности, к праву открытой критики правительства, открытого высказывания различных — в том числе и неверных, с точки зрения властей, — мнений. С тем, чтобы опровергать их аргументами, а не репрессиями. Но где же здесь клевета? Где "чужой голос"?

Вот напечатанная в "Поисках" статья М.Байтальского "Религия государства". Байтальский несколько лет назад умер — и упражнения Т.Гладкова ему уже ничем не грозят. Но и возразить он, мертвый, не может, и читатели, хоть и живые, тоже не могут, ибо никогда статьи Байтальского не читали. А я читала, помню, и помню еще, что написана статья в период обсуждения проекта новой советской конституции. Теоретически это предполагает юридическое право каждого советского гражданина свободно критиковать любой ее пункт.

К сожалению, только теоретически.

Обвиняя мертвого М.Байтальского во множестве грехов (анархизм, антипатриотизм, антисоветская направленность и пр.), Т.Гладков не приводит ни одной цитаты. Это вообще его излюбленный творческий метод: цитата заменяется искаженным пересказом, включающим собственную трактовку, или риторическим вопросом, на который не дается ответа. Так и здесь: сообщая, что Байтальский критикует редакцию ст.62 Конституции СССР, автор возмущенно спрашивает: "С чем он, собственно, не согласен?" И — не отвечает на этот вопрос, ограничиваясь голословными политическими обвинениями.

Так можно ли установить, с чем именно несогласен Байтальский? Для этого следовало бы привести его подлинные слова. Гладков может это сделать, но не хочет. Я — хочу, но, к сожалению, не могу. Могу только привести собственные возражения против редакции статьи 62, которую (редакцию) я тоже не считаю удачной, хотя, возможно, мои возражения не совпадают с возражениями М.Байтальского.

Статья 62 Конституции СССР обязывает советского гражданина не только оберегать интересы советского государства, не только укреплять его могущество, но и укреп-

лять его, государства, авторитет. А родина и государство — не идентичные понятия. Как и государство и общество. Как и могущество и авторитет. Естественно вменить в обязанность гражданину оберегать интересы своей родины, укреплять ее благоденствие, защищать ее неприкосновенность — если понадобится, и с оружием в руках. Но укреплять авторитет государства должно избранное народом правительство и его органы, а дело граждан, общества судить о том, насколько они справляются с этой задачей. Известно, что правительственные органы не всегда укрепляют авторитет государства. В истории вообще и в истории нашей страны, в частности, это доказано неоднократно. Чтобы не ходить далеко, обратимся хотя бы к деятельности того ведомства, которому поручено как раз обеспечение государственной безопасности и которое в течение десятилетий возглавлялось Ягодой, Ежовым, Берией... Тот самый Михаил Байтальский, которому Т.Гладков посмертно отказывает в патриотизме, прошагал с боями солдатом всю Отечественную войну до Берлина — в промежутке между двумя безвинными многолетними отсидками в сталинских лагерях. Так кто же выполнил свой гражданский долг: Михаил Байтальский или те следователи, прокуроры, "оперы" и "кумовья", которые держали его в заключении, "укрепляя могущество и авторитет" сталинского государства?

Нельзя конституционно обязать гражданина любить и почитать власть — пусть об этом позаботится сама власть. Нельзя отсутствие оной любви или уважения рассматривать как уголовное преступление гражданина: как правило, это отсутствие — результат деятельности тех, кто доверия народа не оправдал.

В свете приведенных выше и многих других фактов нельзя не отнестись иронически к экскурсам Т.Гладкова в область исторической науки. Они не более успешны, чем его занятия марксистской философией.

В "Поисках" была напечатана статья П.Юлина, в которой речь шла о фальсификации истории, о замалчивании и искажении нашей исторической наукой ряда событий прошлого. П.Юлин назвал это "убиением исторической памяти", способствующим воспитанию тупых и послушных обывателей.

За напечатание этой статьи редакции "Поисков" предъявлено обвинение в "преднамеренной клевете" (та же статья 190¹).

Такое обвинение есть продолжение той же фальсификации, того же стремления стереть историческую память. Процесс искажения истории происходил на глазах моего поколения, и мы были в него вовлечены. Но мы уходим из жизни, а последующие поколения уже знают только историю искаженную. Мы помним, как мы учились по сталинскому "Краткому курсу", как изучали благоговейно бериевский труд "Из истории большевистских организаций Закавказья", как исчезали внезапно из литературы имена политических деятелей и целых народов, а с географических карт — контуры целых республик. Но откуда же это знать молодым? Пример сравнительно недавний: в стенограммах XX съезда КПСС отсутствует доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина. Спросите любого сорокалетнего человека: что он знает об этом докладе, сыгравшем, несмотря на все его недостатки, большую историческую роль? Подавляющее большинство не знает ровно ничего.

Это стирание прошлого из памяти последующих поколений и есть убиение исторической памяти. И оно продолжается: сегодня человек возносится на пьедестал, его имя у всех на устах, каждое его решение и слово объявляется откровением. Завтра он умирает или сходит со сцены — и его вычеркивают из памяти. Ни при жизни, ни после смерти его деятельность — а она так или иначе влияет на жизнь народа — недоступна ни критике, ни анализу.

Пытаясь объявить клеветой тезис об убиении исторической памяти, наш обвинитель хватается за школьный учебник и чуть ли не по пальцам перечисляет его содержание —

от восстания Пугачева до Великой Отечественной войны: вот как хорошо знаем и помним мы нашу историю.

Да, учебник, конечно, надо знать. Но не только знать, а и п о н и м а т ь. Учебники тоже пишут люди, и они тоже подвержены влияниям. Поэтому иные учебники есть средство познания истории, а иные — орудие ее фальсификации. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить несколько изданий одного и того же учебника и посмотреть, что, как и почему кардинально меняется и переосмысливается в последующих изданиях. Школьнику 4-го класса это, конечно, не под силу. Но мы-то взрослые люди. Еще, наверное, не вышли на пенсию все учителя, которым приходилось вчера объяснять детям, что Шамиль был вождем национально-освободительного движения, а сегодня, пряча глаза от учеников, объявлять его английским и турецким шпионом... Что это, как не воспитание тупых и послушных обывателей? И из учащихся и из учащихся, о б я з а н ы х мгновенно менять свою точку зрения на исторический факт. Под угрозой увольнения или еще более страшной кары.

Память моего поколения хранит множество примеров фальсификации истории. И внезапная "переоценка" Ивана Грозного, в одночасье, по велению Сталина превратившегося из кровавого тирана (каким его считал даже монархист Карамзин) в "защитника русского народа". И мгновенное (совсем, как в Министерстве правды Орвелла) забвение характеристики Российской империи как "тюрьмы народов", и объявление всех ее колониальных завоеваний "добровольным присоединением" к ней завоеванных народов. И изъятие из Музея революции портретов народовольцев, и многое другое.

Чем ближе к современности, тем чаще в исторических трудах искажения, пробелы, лакуны. В истории советского общества их, как ни странно, вероятно, больше, чем в истории прошлых веков. Здесь существуют свои "опасные зоны", которые историки предпочитают обходить. А умолчание в исторической науке — та же фальсификация. История — не парадный рапорт и не сияющий иконостас. Писать, например, историю 30-х годов как историю побед и достижений, умалчивая при этом о голоде на Украине и массовой гибели крестьянства, о провокационном убийстве Кирова и последовавшем за ним тотальном сталинском терроре, — значит извращать историю.

Но э т о г о нам помнить, видимо, не полагается. Э т о — непроизносимо. Об э т о м в школах не учат, книги не издаются, в учебниках не пишется, в словарях не упоминается. А если некоторые фамилии и произносятся, то так, что молодые читатели и не узнают никогда, почему, где и как погибли, к примеру, академик Николай Вавилов, поэты и писатели Мандельштам, Клюев, Бабель, Иван Катаев... И еще — имя им легион.

Разве это не убийство исторической памяти?¹

История не терпит дустот. Рано или поздно потомки докапываются до истины и добрым словом поминают ее гробовщиков. Надо ли ждать далекого будущего? Является ли признаком любви к родине "патриотическая" ложь, перекраивание прошлого по сегодняшней политической моде, замалчивание и замазывание грехов и преступлений деятелей этого прошлого? Тем более, что ложь о прошлом влечет за собой ложь сегодняшнюю.

Современникам необходима правда о прошлом, как и правда о настоящем. И есть средство против убийства исторической памяти, против фальсификации истории. Это

¹ Я не упоминала здесь фамилий убитых и стертых из истории политических деятелей. Но вот свежий пример своеобразного "воскрешения" некоторых из них. В "Правде" от 1.XII. 1983 г. напечатана статья "Жизнь, созвучная эпохе", посвященная 80-летию со дня рождения Н.А. Вознесенского — бывшего члена Политбюро ЦК ВКП(б), бывшего председателя Госплана СССР и члена Государственного комитета обороны во время Отечественной войны. Статья начинается словами "Его жизнь была коротка..." Действительно коротка — всего 47 лет. Почему же так мало жил этот человек? В статье сказано много добрых слов о нем и о его делах, не сказано только, что он был оклеветан и расстрелян по так называемому Ленинградскому делу. Так не правильнее ли было бы назвать посвященную ему статью: "Смерть, созвучная эпохе"?

средство — открытость, гласность исторических исследований, полная доступность исторических документов, свобода научных исследований и дискуссий при независимости ученых от заранее заданных, предписанных тенденций.

Этого и добивались мы в "Поисках".

Руководствуясь пониманием исторического процесса сквозь призму уголовного кодекса, автор очерка выступает и в защиту истории России от философа-социолога Г.Померанца, напечатавшего в журнале "Поиски" несколько эссе из своего цикла "Сны земли". Редакция журнала обвиняется в том, что она напечатала произведение, "соединяющее воедино навет на историю русского народа и попытку бросить комок грязи на нынешний общественно-политический строй."

Доказательство "навета" следующее: говоря об истории России, Померанц назвал ее "страной рабов".

Не предполагаю у Т.Гладкова такой уж безграмотности, чтобы он не знал: авторство этого определения, ставшего ходовым в XIX веке, принадлежит не Григорию Соломоновичу Померанцу (который вовсе не выдает его за свое), а Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Именно великий русский поэт более чем 140 лет назад написал свое знаменитое стихотворение, которое когда-то учили в школах (теперь, может быть, уже не учат, не знаю):

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Голубых мундиров нынче, правда, не носят, а литературоведы особого типа вообще ходят в штатском. Было бы вполне последовательно, если бы данный штатский литературовед поднял вопрос о привлечении к уголовной ответственности, наряду с редакторами "Поисков", и редактора-издателя "Русской старины" М.И.Семевского, впервые напечатавшего это стихотворение Лермонтова в 1887 году. А в качестве соответчиков — и самого М.Ю.Лермонтова, и Н.Г.Чернышевского, написавшего: "Жалкая нация, нация рабов, снизу доверху все рабы". А заодно уж и В.И.Ленина, поддержавшего Чернышевского в своей статье "О национальной гордости великороссов", где сказано: "Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т.д. "защитой отечества великороссов"), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам."

Все перечисленные выше "подозрительные личности" давно умерли, поэтому следователю Мосгорпрокуратуры Ю.Бурцеву, литературоведу Т.Гладкову и соответствующим судьям было бы нетрудно с ними справиться. Материала же для посмертного осуждения их по ст.190¹ за "клевету" на историю России набралось бы никак не меньше, чем для осуждения редакторов "Поисков".

Но есть еще вторая часть обвинения: "попытка бросить комок грязи на нынешний общественно-политический строй." А это как доказывается? Без особого расходования умственных сил. "Намек на то, что "власть кнута" распространялась на все послепетровское время, следовательно, и на наши дни (разрядка моя. — Р.Л.),

уже не предмет научной дискуссии, а предмет судебного разбирательства по соответствующей статье УК”.

Но почему же? Это и предмет исторической, и предмет юридической дискуссии. О том, сколько лет в России продолжалась ”власть кнута” (и рабство народа), идут дискуссии, не прекращающиеся со времен Радищева и декабристов. Что же до ”предмета судебного разбирательства”, то и на этот раз автор солгал. В тексте Померанца отсутствует приводимое Гладковым выражение ”в се после петровское время”, там сказано: ”и до, и после Петра”. А после Петра прошло более 250 лет. ”Следовательно”, вывод, что ”власть кнута” распространилась и ”на наши дни”, принадлежит Т.Гладкову, а не Г.Померанцу, и ”вменить” ее редакции ”Поисков” ю р и д и ч е с к и невозможно. Хотя ф а к т и ч е с к и, как видим, нетрудно.

Ну, а, допустим, был намек? В уголовном кодексе есть статья, запрещающая намеки? Нет такой статьи. Да и как можно доказать, на что именно намекает автор? Это ведь л и т е р а т у р а — может наш цензор-доброволец понять, что такое литература? Даже иные царские чиновники это понимали: в некоторых цензурных уставах прошлого века запрещалось толковать в отрицательном для автора смысле то, что недоказуемо. До тех пор, пока существует цензура, будут существовать и намеки, и ”неконтролируемый подтекст”, и эзопов язык. А не было бы их — не существовало бы в русской литературе ни Салтыкова-Щедрина, ни Ал.К.Толстого, ни Михаила Булгакова...

Система доказательств в очерке о ”Поисках” вся построена на передергиваниях. Пересказываются не поддающиеся проверке цитаты, вылавливаются ”намеки и полунамеки”, выдаваемые за ”прямые клеветнические измышления”. Одно из таких передергиваний касается непосредственно меня.

В № 4 ”Поисков” напечатана стенограмма дискуссии на тему ”Классика и мы”, состоявшейся в Центральном доме литераторов в 1977 году. Стенограмма сопровождалась комментарием. Характеризуя этот комментарий как пример крамольных ”намеков, полунамеков и многозначительных аналогий (помимо прямых клеветнических измышлений)”, Т.Гладков пишет: ”Комментируя дискуссию, один из редакторов делает безапелляционный вывод: проведение дискуссии на такую тему несомненно свидетельствует якобы об ... официальной поддержке властями антисемитизма в СССР”.

”Один из редакторов” — это я, Р.Лерт. Это я прокомментировала в журнале ”Поиски” ”неизвестно кем сделанную, весьма небрежную” стенограмму (оговорив, кстати, ее несовершенство), подписала комментарий своей фамилией и открыто, без всяких ”намеков и полунамеков”, обвинила в антисемитизме и сталинизме Палиевского, Кожинова, Куняева, в попустительстве им — Феликса Кузнецова, в уклончивости и трусости — Евтушенко, Борщаговского, Эфроса. А то, что именно Палиевский, Феликс Кузнецов, Кожин и Куняев пользуются официальной поддержкой, — ни для кого не секрет. Опровергните, если можете! Опубликуйте — в ответ на несовершенную стенограмму неизвестного слушателя — свою совершенную стенограмму, сделанную официальными стенографистками Союза советских писателей. А рядом с ней — мой комментарий и полемизирующий с ним свой собственный. Пусть читатель судит, кто прав.

”Слабо!” — как говорят дети. Стенограмма литературной дискуссии, очевидно, представляет собой государственную тайну, и упоминание о ней приравнивается к сотрудничеству с иностранными разведками. Потому что сразу же после проведения дискуссии стенограмму эту спрятали в некий секретный сейф — и так она с тех пор и не публиковалась.

А мы вот опубликовали. Не иначе как по заданию ЦРУ.

Уму непостижимо, где отыскал у меня Т.Гладков вывод, что ”проведение дискуссии на такую тему (разрядка моя. — Р.Лерт) несомненно свидетельствует... об официальной поддержке властями антисемитизма в СССР”. Нет в моем комментарии та-

кого текста — независимо от того, что думаю я об антисемитизме в СССР. Тема дискуссии ("Классика и мы") ни о чем подобном не свидетельствует. Это не мой вывод, это вывод Т.Гладкова, бессознательно иллюстрирующего мудрость народной поговорки насчет горящей на воре шапки. Я, наоборот, утверждала, что тема дискуссии представляла собой только ширму, прикрытие, камуфляж для разнуздавшихся шовинистов (в том числе и антисемитов). И нигде в комментарии не сказано об открытом официальном антисемитизме в СССР. Потому что его нет. Есть реально существующий, всем известный, но — скрытый.

Перейдем к следующему обвинению.

Приводится вырванная из контекста статьи Егидеса и Абрамкина цитата: "Всякому массовому движению предшествует период теоретической, идеологической подготовки. В этом, по сути, и заключается смысл самиздатской литературы, в том числе и "Поисков"."

На основании этой цитаты, утверждает автор, деятельность Егидеса и Абрамкина "может быть квалифицирована четким юридическим термином: подстрекательство".

Пострекательство — к чему? К восстанию, террору, насильственному захвату власти?

Обнаружить подобные призывы на страницах "Поисков" не удалось. Если и были на этих страницах какие либо призывы, то только к самостоятельному мышлению, которое действительно является предпосылкой всякого движения. И мне и по сей час невдомек, что самое слово "движение" уже является юридически предосудительным.

Учняя строгий заочный допрос Абрамкину и Егидесу, Т.Гладков риторически вопрошает: если, по вашему мнению, ваши статьи и материалы не противоречат Уголовному кодексу и советской конституции, то на какое "массовое движение" вы рассчитываете, под каким знаменем и с какой программой вы его мыслите?

Но ответить некому. Авторы не спросишь: один в лагере, другой за границей. В следственных и судебных протоколах ответов, видимо, тоже не значится: там меньше всего интересовались содержанием журнала, а больше тем, кто его печатал и кому передавал. И Гладков ограничивается риторикой, возмущаясь несуществующими ответами Абрамкина и Егидеса и делая вид, будто ему известны их "тайные помыслы".

Так ведь это опять же ответы Гладкова (точнее, тех, кто заказал ему статью), а не Егидеса и Абрамкина. Как же можно квалифицировать их "четким юридическим термином" для обвинения этих двоих?

Нет, с юриспруденцией Т.Гладков явно так же не в ладу, как с историей и философией. Видимо, он просто не может представить себе массовое движение, идущее не сверху, а снизу. А ведь можно бы, при некоторой доле воображения, представить себе, например, движение за отмену цензуры, от которой стонет вся творческая интеллигенция. Или за отмену всех и всяческих привилегий. Или за выдвижение нескольких кандидатов на одно депутатское место. Пока возможностей для таких движений нет, но почему бы не готовить к ним умы? Какая опасность в этом движении мысли? А если эту опасность кто-то в чем-то видит, почему бы ее прямо не назвать? Не обнаружила бы я опасности и в реформе, например, Уголовного кодекса с изъятием из него статьи 190¹, как не соответствующей духу и принципам социалистического законодательства.

"Поиски" не организовывали заговоров, они добивались свободы мысли. И если такая свобода считается государственным преступлением, это плохо характеризует государство, боящееся мысли.

Замечания о литературном разделе "Поисков" сами по себе интереса не представляют. Но то, о чем автор умалчивает, и то, как интерпретирует он те или иные произведения, показательны. Не для характеристики литературной части нашего журнала, а для положения подцензурной литературы в стране.

В № 1 "Поисков" была напечатана глава из романа Фазиля Искандера "Сандро из Чегема". Роман лет десять назад публиковался в "Новом мире", но глава "Пир Валтасара" (как и еще добрая половина книги) в журнале и счезла. Советскому читателю роман в неизуродованном виде до сих пор не известен, но недавно он без сокращений вышел на Западе. Глава же "Пир Валтасара", в которой со свойственной Искандеру сочностью изображается застолье Сталина, пирующего со своим Малютой и прочими, в первый и единственный раз (если не считать отдельных самиздатских экземпляров) опубликована в СССР именно "Поисками". Я считаю это нашей заслугой.

Обо всем этом автор очерка "Куда заводят "Поиски" молчит — как воды в рот набрал. Упрекая нас в том, что мы опубликовали главу из романа Фазиля Искандера без разрешения автора (тиражом в 10—15 экземпляров, да и те, наверное, теперь все в архивах КГБ), он даже названия этой главы не приводит. Почему он не заступался за автора, когда его роман уродовали в почтенном многотиражном журнале, уже обезглавленном снятием Александра Твардовского? Почему он ни полсловечка не говорит о с о д е р ж а н и и опубликованной нами неподцензурной главы?

Пусть будущий историк литературы ответит себе на эти вопросы сам.

Оставим без внимания замечания о безвестных авторах "Поисков": в конце-концов, что кому нравится. Мне самой далеко не все, напечатанное в нашем журнале, представляется настоящей литературой. К сожалению, это же можно сказать и о большей части того, что печатается в подцензурных изданиях и в эмигрантской прессе.

Обратимся к тому, что наш критик считает заслуживающим уголовного преследования.

Здесь он прежде всего отмечает произведения Г.Владимова и В.Войновича. В "Поисках" действительно были напечатаны повесть (или отрывок из повести?) Г.Владимова "Генерал и его армия" и рассказ В.Войновича "Персональное дело". Я не буду полемизировать с литературными оценками Т.Гладкова; это не интересно ни мне, ни читателю, ни даже самому Гладкову: ему бы подтянуть эти произведения к статье 190¹. Делается это старым, добрым, испытанным методом: "каждому умному по ярлыку навешано было однажды". "Повесть Владимова, — гласит один ярлык, — вполне осознанная, заведомая клевета"; в рассказе Войновича, утверждает другой ярлык, — "трудно разобрать чего больше: невежества, патологической злобы или злонамеренной клеветы".

Попробуем все же разобраться, у кого чего больше.

В пересказе сюжет повести Г.Владимова таков: майор военной контрразведки "Смерш" Светлооков вербует в стукачи шофера автомобиля командарма, поручая шоферу следить, чтобы генерал не перебежал к фашистам. И вот этот-то сюжет, самый сюжет и объявляется клеветой. Не было такого. Никогда не было. Никогда наши органы не вербовали из обслуживающего персонала стукачей для слежки за своими начальниками. И даже слова такого "стукач" у нас не знают.

Так, что ли?

А ведь что может быть правдивее, реалистичнее, точнее описанной ситуации? Да простит меня очень мной уважаемый писатель Георгий Владимов, но его недруги (если бы хотели придраться) скорее могли бы упрекнуть его в излишней фактографичности, ну, например, в чересчур скрупулезном следовании истине, или, предположим, в недостатке фантазии ("Процесс" Ф.Кафки или "Мастер и Маргарита" М.Булгакова и впрямь фантастичнее). Но в лжи, в клевете?! Да вспомним же хотя бы тысячи командиров Красной армии, сидевших в лагерях, расстрелянных по доносам, посмертно реабилитирован-

ных. Вспомним осуждение Эйдемана, Путны, Тухачевского! Известно ведь, что здесь не обошлось без доносов и провокаций, инспирированных не только на низшем, но и на высшем уровне.

Образу контрразведчика Светлоокова противопоставляется "правильный" контрразведчик Михеев из романа В. Богомолова "В августе сорок четвертого". Прием вообще недопустимый: так можно обвинить, скажем А. Куприна в том, что он в "Поединке" оклеветал русское офицерство, а вот Лев Толстой, наоборот, изобразил прекрасного русского офицера Гушина. Видимо, советские контрразведчики, как и русские офицеры, бывали разными. Да и в романе В. Богомолова есть не только героический Михеев, но и вполне отчетливые Светлооковы. И есть еще роман Василия Быкова "Мертвым не больно", где "смершевец", во всех подозревавший шпионов и трусов, попав сам в плен, готов лизать сапоги гитлеровцам. Впрочем, перечислять романы ни к чему: правдивость литературного произведения поверяется не другим произведением, а — жизнью.

В "Персональном деле" Войновича коммунист-учитель Шевчук, узнав о нападении фашистской Германии, непроизвольно воскликнул: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!" Понять его можно: за неделю до начала войны ТАСС опубликовал официальное сообщение, опровергавшее "слухи" о концентрации немецко-фашистских войск на наших границах. Тем не менее Шевчука "прорабатывают" на бюро райкома так, что доводят его до смерти от инфаркта. Два других персональных дела, разбиравшихся на том же заседании бюро, кончаются для ответчиков благополучно: повинные только в уголовных деяниях, они отделяются выговорами.

Ни невежества, ни клеветы, ни злобы (да еще "патологической") я здесь не вижу. Сатиру — вижу. И тема сатирического воплощения заслуживает. За 40 лет работы в советской печати я побывала, можете мне поверить, на многих партийных собраниях и заседаниях партбюро... И, вспоминая особенно 30-е и 40-е годы (о которых и пишет Войнович), я невольно перебираю в памяти те "персональные дела", в результате которых честные, чистые люди гибли от инфарктов, стрелялись, вешались, сходили с ума. Могу, например, вспомнить, как исключили человека из партии за то, что он, по долготелней привычке, прибавил к фамилии Троцкий слово "товарищ". Или за то, что, говоря в период договора с Германией о немецких фашистах, назвал их "нашими злейшими друзьями". За недооценку драматургии Сурова. За поддержку "менделизма-морганизма", то бишь теперь всеми признанной научной генетики. За отказ признать врагом народа мужа или жену. Или отца и мать. Да мало ли еще за что... В то же время я могу припомнить не так уж мало случаев (и отраженных в газетных фельетонах, и не отраженных в них), когда уголовные преступники отделялись выговорами и продолжали свою служебную и партийную карьеру. Судя по газетам, сейчас таких случаев никак не меньше. Не говоря уже о тех, кто по своему высокому положению в фельетоны не попадает.

Войновичу и редакции "Поисков" ставится в вину "издательский тон". Так сатира и должна издеваться над злом.

Да, конечно, печатание таких произведений не возбуждает любви и уважения к тем, кто занят слезкой за невинными людьми и инквизиционными допросами. Против них и направлено негодование авторов, написавших правду, и редакторов, эту правду напечатавших. И неудивительно, что они узнают себя в этих сатирических произведениях и мстят их авторам, благо у них в руках и власть, и "пресса".

В № 6 "Поисков" напечатан тюремный дневник украинского литератора Гелия Снегирева. Тут уж не художественное произведение, тут документ. Страшный человеческий документ!

В очерке "Куда заводят "Поиски" сказано следующее:

"Через несколько недель после ареста обнаружилось, что Снегирев неизлечимо болен. Учитывая его тяжелое физическое состояние, а также письменное заявление (оно

было опубликовано "Радяньской Украиной" и перепечатано "Литературной газетой"), следственные органы пришли к выводу, что Снегирев не представляет общественной опасности. Он был освобожден из-под стражи, а возбужденное против него уголовное дело было прекращено."

Дальше рассказывается, что Снегирева поместили в больницу, операцию ему сделал известный хирург, но спасти его не удалось. Снегирев скончался в больнице, и заключение патологоанатомической экспертизы гласило: рак предстательной железы с метастазами во все части тела.

Все это напечатано и в "Поисках". Какие же основания предъявлять редакторам обвинения в "провокационных действиях"?

Печатая дневник Снегирева, редакция, заметим к слову, никого не винила в его смерти. В своем, очень кратком, комментарии мы так и писали: никто его не пытал, кроме рака. И все-таки самое напечатание дневника трактуется как уголовное преступление членом редакции. Почему?

Да потому, что из простого сличения дневника Снегирева с его же "покаянным" письмом явственно следует: пока этот умиравший в муках человек не подписал покаяния, — ни о какой больнице, ни о какой операции, даже ни о каком кардинальном облегчении его страданий и речи не шло. Да, это, конечно, обвинение. Обвинение, предъявленное нами тем, кто, пользуясь страданиями Снегирева, вынудил у него раскаяние (за которое он, судя по дневнику, сам себя презирал).

Человек, страдающий от невыносимых физических мук, подписывает покаянное письмо, и тогда его, накануне смерти, освобождают от уголовной ответственности, так как он "уже не представляет общественной опасности". А разве раньше, до своей болезни и покаяния, он эту опасность представлял? Будучи противником советского строя, Снегирев не организовывал заговоры, не готовил террористические акты, не собирал и не передавал шпионские сведения. Он не хотел жить в нашей стране, отказался от советского гражданства. Ну и что же? Отнюдь не будучи его политическим единомышленником, я не понимаю, как можно отказ от гражданства трактовать как уголовное преступление. Пусть Снегирев антисоветчик, пусть он антикоммунист (кстати, таким он не родился, а стал: он был членом КПСС), — зачем нужно было держать его в тюрьме и у могилы вынуждать у него раскаяние?

Да, у редакторов "Поисков" и редакторов книжки "С чужого голоса" резко расходятся представления о нравственности. Автор очерка о нашем журнале считает безнравственным опубликование дневника Снегирева без разрешения родных покойного (хотя мы получили этот горький человеческий документ не от них). Мы же считали (я и сейчас считаю) безнравственным использовать физические муки лишенного свободы человека для того, чтобы вынудить у него раскаяние, которого он не испытывает. И поэтому моральная ответственность за добавочные физические и душевные муки умирающего лежит, конечно, на тех органах, в распоряжении которых находился Снегирев перед смертью.

В одном из номеров "Поисков" (не помню в каком) был опубликован некий, ранее не публиковавшийся документ более чем шестидесятилетней давности: письмо, отправленное в 1918 году членами партии меньшевиков из Таганской тюрьмы, куда они были заключены за поддержку мятежа левых эсеров. История этого мятежа хорошо известна; документ, напечатанный в "Поисках", всего только еще один штрих в истории политической борьбы тех давних лет. В редакции нашей были споры насчет того, представляет ли сейчас этот документ интерес вообще и для нашего журнала в частности. Вы-

сказывалось мнение, что публикация таких давних документов — задача скорее такого альманаха, как "Память", выполняющего некоторым образом функции старого "Былого".

Но независимо от того, кто из нас был прав, независимо от характера опубликованного вместе с письмом комментария, я прошу вдумчивого будущего читателя кое-что сравнить. Сравнить, скажем, репрессии, которым подверглись в 1918 году левые эсеры, выступившие против советской власти с оружием в руках, и те, которые были применены в 1980 году к членам редакции "Поисков", напечатавших об этом событии документ шестидесятилетней давности.

Как пишет сам Т.Гладков, после подавления левозэровского мятежа лидера партии левых эсеров Марию Спиридонову, главную вдохновительницу восстания, осудили на 3 года домашнего ареста, а через год всех левых эсеров (и Марию Спиридонову в их числе) амнистировали.¹ Поддержавшие их меньшевики были освобождены из тюрьмы через несколько месяцев. Все это происходило в обстановке чрезвычайных опасностей для страны.

А через шестьдесят лет, в 1980 году, напечатание на машинке письма этих давно умерших меньшевиков об этом давно исчерпанном политическом конфликте явилось одним из пунктов обвинения члена нашей редакции Валерия Абрамкина. Молодой инженер-химик, сын рабочего, получивший образование при советской власти, отбыл трехлетний срок заключения полностью. Да не в собственной квартире, а в уголовном лагере. И по истечении этого срока, в результате ложного доноса "наседки", не был выпущен на свободу, а получил новый трехлетний срок — уже в лагере строгого режима.

И вот это-то и есть движение от классового общества к бесклассовому? От вынужденной жестокости гражданской войны — к гуманному социалистическому правосудию?

Характер комментария Абрамкина к опубликованному "Поисками" документу не имеет ровно никакого значения. Когда Т.Гладков с пафосом восклицает: "Разве не правильно поступил Московский городской суд, расценив подобные писания В.Абрамкина не как "борьбу за права человека", а как антисоветскую клевету?", то на это следует ответить: Московский городской суд вообще не имел права рассматривать этот вопрос. Это не дело судей, а дело истории и историков. Ошибки следует доказывать, против них можно возражать, их можно опровергать. Но судить и выносить уголовное наказание за то или иное толкование исторического документа — вот это и есть нарушение прав человека и нарушение законности.

Перейдем к тому, что названо в книжке "С чужого голоса" "самыми позорными страницами "Поисков" — к освещению на этих страницах трагического события 8 января 1977 года.

В этот день в вагоне московского метро на Арбатско-Покровской линии произошел взрыв самодельного снаряда, унесший жизнь семи человек; еще 44 человека, в том числе дети, были ранены. Как сообщила советская печать, преступники готовили и другой взрыв — в зале ожидания Курского вокзала, но его, к счастью, удалось предотвратить. Через какое-то время появилось сообщение, что преступники найдены, арестованы,

¹ Не имея возможности ходить по библиотекам и архивам, я вынуждена ограничиться пересказом того, что пишет о событиях 1918 года Т.Гладков. Однако сверившись с имеющимся у меня дома 3-м изданием Собрания сочинений В.И.Ленина (т. XXIII, примечания и комментарии), я убедилась в том, что действительная судьба левых эсеров Т.Гладковым смягчена: 13 активных участников мятежа были тогда же, в 1918 г., расстреляны. Но всех остальных тогда, в 1918 г., действительно амнистировали. Только впоследствии Мария Спиридонова была вновь арестована и жила в ссылке, а в конце 30-х годов снова арестована и в 1941 г. расстреляна.

ведется следствие. Спустя длительное время (кажется, через два года) из газет и радиопередач стало известно: следствие закончено, суд состоялся, виновные сознались и ввиду тяжести преступления приговорены к смертной казни. Приговор приведен в исполнение.

Ни у кого, конечно, и в мыслях не было оправдывать убийц. Но кто убийцы? Почему решились они на столь страшное злодеяние? Ясных ответов на эти вопросы не было, и это смущало людей, вызывало сомнения. Не только у "диссидентов" — у обычных читателей газет и слушателей радио. Станным показалось, что из трех казненных назван только один: как можно присудить к смерти анонимных преступников (для миллионов советских людей они так и остались анонимами)? Станным был и сугубо закрытый (а вовсе не открытый) характер судебного процесса: ведь дело это взволновало все население Москвы. Ничего не было известно ни о мотивах преступления, ни о доказательствах вины — вообще о судебной процедуре.

Сколько мне помнится (опять же никаких документов я не имею), именно стремлением к ясности дела, желанием добиться справедливости расследования и было вызвано письмо академика А.Д.Сахарова Л.И.Брежневу с просьбой сделать суд как можно более открытым и гласным. Впоследствии это письмо — нигде не опубликованное — трактовалось в нашей печати как выступление "отщепенца Сахарова" в защиту убийц. Неправда! Сахаров никого не обвинял и не защищал. Он только требовал тщательности расследования и гласности суда, справедливо считая, что в деле, где речь идет о жизни и смерти, не должно быть недоговоренности и секретности. Я присутствовала при чтении Сахаровым вслух своего письма и прекрасно это помню.

Примерно в таком же духе выступили и "Поиски". Не было на наших страницах никакой "истерики" и никакого категорического оправдания или обвинения кого бы то ни было. Что было, так это высказанное мнение о не д о к а з а н н о с т и обвинения. Мнение это высказывали (только устно, в частных разговорах) многие люди, ибо рядовым читателям газет и слушателям радио никаких доказательств и не предъявлялось. И это мы отмечали, указывая, что сомнения и недоумения вызваны именно закрытостью и секретностью судебной процедуры.

Вполне допускаю и такую реакцию на это мое заявление: ага, вы не верите советскому суду, значит, вы антисоветчики, значит, вас волнует не гибель советских людей и страдания их детей, а заслуженная кара их убийц.

Да неправда все это, бессовестная демагогия! Никакой любви к людям, никакого патриотизма нет в том, чтобы верить всякому официальному учреждению на слово. Особенно нельзя верить на слово в судебных делах, где необходима строгая юридическая доказательность.

Казалось бы, сравнительно недавно наше общество получило тяжелый урок, познав, к чему приводит слепая вера. Казалось бы, два слова "реабилитированы по смертно", зазвучавшие в наших ушах в конце 50-х — начале 60-х годов, должны были заставить нас с сугубой осторожностью относиться к работе именно юридических органов. Но прошли годы и десятилетия, слова эти забылись, стерлись, вычеркнуты из памяти, и в обиход снова как эталон гражданской добродетели вместо способности размышлять входит слепое доверие.

Что же на самом деле?

На предыдущих страницах я привела, думается, достаточно примеров беззастенчивых вымыслов, явных передержек, тупой безграмотности и прямой лжи, содержащихся в черке "Куда заводят "Поиски".

Дело, конечно, не в авторе этого очерка: он всего лишь в меру своих способностей выполнял задание, и его фамилия, если и присутствует здесь, то лишь для удобства изложения. Видимо, кем-то повыше, чем Гладков, по соображениям, о которых я не знаю,

но о которых могу догадываться, редакцию "Поисков" решено было изобразить не свободно мыслящими соотечественниками, а рупорами "чужих голосов", инспирированными из-за рубежа. Это касается не только редакции "Поисков". В книжке "С чужого голоса", составной частью которой является очерк о нашем журнале (как и в ряде изданных за последнее время произведений небезызвестного Н.Яковлева и других), всякое инакомыслие, всякое разногласие с властью объявляется идеологической диверсией, совершаемой по указке и на потребу иностранных спецслужб.

Это, повторяю, л о ж ь.

Факты действительной жизни, события тридцати последних лет нашей истории — политической, экономической, социальной, духовной — свидетельствуют об обратном. Они дают множество доказательств того, что существующая в нашем обществе оппозиция выросла именно на отечественной почве. Собственно, ее даже трудно назвать оппозицией, настолько она малочисленна, организационно почти не оформлена и идейно разнородна. Скорее это именно и н а к о м ы с л и е, точнее — р а з н о м ы с л и е, которое было бы естественно для здорового общества: трудно ведь представить себе, чтобы миллионы людей могли обо всем судить одинаково. Но у нас различные течения мысли, задавленные сталинским режимом, стали чуть проявляться лишь после XX съезда КПСС. Потрясение, испытанное нашим обществом в 50-х — 60-х годах, когда ему открылась лишь небольшая часть изнанки сталинской системы, не могло не привести к идейному кризису. Печальная и страшная действительность, открывшаяся за лозунгами, которым люди в е р л и, неотвратимо компрометировала эти лозунги. Она заставляла мыслящую часть общества — особенно молодежь — отбрасывать набор идеологических штампов и искать собственные ответы на проклятые вопросы. В этих поисках (без кавычек и с маленькой буквы) были свои издержки и свои обретения. В издержках можно считать свойственный молодежи максимализм — отказ от всего, чему ее до сих пор учили (надо признать, учили плохо и недобросовестно), включая мировоззрение, которое молодые не выработывали, а получали готовым и упрощенным. Обретения же могли быть большими: умение самостоятельно мыслить, критически осознавать историю и современность, без страха и оглядки браться за решение важнейших для народа и страны экономических, социальных и духовных проблем.

Могли бы... Но для этого как раз и требовались бесстрашие мысли, открытость информации, доступные всем поиски оптимальных решений. Требовался диалог между различными течениями общественной мысли, которого не было у нас с 20-х годов и который был насущно необходим на переломе, наступившем в 50-х.

Вместо этого самое понятие диалога внутри страны очень скоро стало рассматриваться как преступление. Сначала слышались окрики, а затем наступил период нового "завинчивания гаек", ресталинизация, воскрешение репрессивной политики. Споры, дискуссии, возражения — все это прекратилось. Изю всех диалогов остался один — следователя с подследственным. Органы слежки и расправы, очнувшись от непродолжительного испуга, испытанного ими после XX съезда, возвращались "на круги своя" без особых потерь: им вновь поручались идеологический контроль над соотечественниками и расправа с неугодными.

Но мысль не хотела и уже не могла возвращаться к оцепенению сталинских времен.

Вот откуда произошли идейные разногласия в нашей стране, а вовсе не из тайных кабинетов ЦРУ. Да, конечно, ЦРУ, как всякая охранка, способна на все, это особенно заметно сейчас, на пороге страшной для человечества перспективы атомного уничтожения. Но попытки искать в этой тлеющей атомным пожаром обстановке "внутренних врагов" и "иностранных агентов" как раз и есть излюбленный метод всех спецслужб, всех охранных. Ведь США тоже объявляют инспирированными все антикапиталистические и антивоенные выступления трудящихся (включая массовые демонстрации против размещения в Западной Европе орудий атомной смерти) и, соответственно, ищут "руку Москвы".

Будто нет у граждан западных стран собственных причин протестовать против превращения их в атомный полигон!

Нет, так не бывает в живой действительности, в живой жизни народов. Как бы далеко ни тянулись "чужие руки" и "чужие голоса", общественное сознание питается соками отечественной реальности. Идеи можно, конечно, и экспортировать, и импортировать но приживаются и дают ростки они только там, где этому способствуют состояние общества и его духовный климат. И корни антикапиталистических движений на Западе надо искать в природе капитализма. А корни диссидентства, разномыслия, идейного противостояния в СССР надо искать не за границей, а у нас дома — в нашем режиме, нашем общественном укладе, наших общественных отношениях, которые десятилетиями не подвергались ни открытой критике, ни объективному анализу.

Попытки такого анализа начались было в конце 50-х — начале 60-х годов, сначала в подцензурной прессе (вспомним "Новый мир" Твардовского), потом, когда это стало невозможным, в Самиздате и ряде неподцензурных изданий (в том числе и в нашем журнале). Эти попытки анализа не были опровергнуты (хотя среди них, вероятно, были и неудачные) — они были подавлены репрессивным путем. Без затраты аргументов. Сила есть — ума не надо.

Такова была и судьба "Поисков".

Мы — небольшая группа людей, задумавших "Поиски взаимопонимания" (так сначала предполагалось назвать наш журнал), не только не были подпольной группой, но, наоборот, хотели вывести общественную мысль из подполья. Хотели представить обозрению советских граждан (в том числе и официоза, где мы предполагали наличие некоторого количества мыслящих, а не только приказывающих и запрещающих людей) тот пестрый конгломерат суждений, мнений, взглядов, предположений и предложений, из которых действительно, а не в представлении сотрудников секретного ведомства, состояла духовная жизнь наших сограждан. При этом, как и Герцен (прошу прощения за такое сопоставление: не страдая манией величия, я понимаю разницу масштабов), мы "открывали все двери, вызывали на все споры". Мы тоже сплошь и рядом не соглашались с нашими авторами (и даже друг с другом), но старались избежать роли цензоров, остервеневших нам, вероятно, не меньше, чем Герцену.

Мы хотели дать выход свободной мысли. Мы знали, что и эта мысль будет блуждать, плутать и ошибаться. Но и ее заблуждения, и ее озарения являлись результатом работы собственного разума, а не чьих-либо инструкций. У нас не было ни инструкторов, ни цензоров. Мы писали то, что думали.

Полезно ли для общества, для народа, для страны, когда ее граждане без страха и оглядки говорят и пишут то, что думают? Я полагаю — необходимо. Кто и когда, какой Маркс или Ленин, какая программа утверждали, что к коммунизму можно прийти, находясь во власти чиновников, контролирующих не только каждое действие, но и каждую мысль граждан?

Утверждение, что всякий, кто выступает с критикой существующей системы, действует по заданию и в интересах иностранных спецслужб — такое утверждение есть сознательная ложь. Ее не делают правдоподобной и ссылки на то, что конфронтлирующие с СССР государства используют критику инакомыслящих.

Да, наверное, используют. Так всегда было и есть в любых межгосударственных отношениях, и так, вероятно, и будет, пока существуют государства. Может ли это служить основанием для того, чтобы не говорить правду своему народу под предлогом того, что ее услышат за рубежом?

Способ компрометировать оппозицию обвинением ее в содействии иностранным державам, искать врагов внутренних, когда грозят опасности внешние, — этот способ стар почти как мир.

Английская "Интеллиндженс сервис", несомненно, весьма интересовалась национально-освободительной войной кавказских народов против армии Николая I. Но отсюда вовсе не следует, что тот же Шамиль, о котором я уже упоминала, был агентом иностранных разведок, как учили нас некоторые ретиво услужавшие Сталину историки. Спецслужба Российской империи тоже, вероятно, использовала в своих интересах сведения о восстании сипаев в Индии. Но возмущение индийцев против британского колониального владычества было вызвано британскими колонизаторами, а не русскими агентами.

Немецкий генеральный штаб в 1917 году, разумеется, был заинтересован в ослаблении русской армии — и именно поэтому пропустил через свои границы возвращавшихся в Россию после февральской революции эмигрантов, в том числе и В.И.Ленина. Это отнюдь не делает правдоподобной бессовестную клевету (пущенную в свет накануне Октября 1917 года; недавно ее пытались реанимировать некоторые зарубежные "патриоты"), будто вернувшиеся из-за границы большевики были завербованы германским генштабом и организовали Октябрьскую революцию по его поручению и на его средства.

Можно найти и более свежие примеры. Так, за действиями внутрипартийных оппозиций в 20-х годах весьма пристально следили, конечно, разведки всех капиталистических стран. Но только в 30-х годах, после организованного им убийства Кирова, Сталин широко пустил в ход провокационную версию о том, что все руководители оппозиционных группировок суть шпионы, диверсанты и наемные агенты иностранных разведок. Такая же методика была применена в отношении иностранных коммунистов. Стоило Иосипу Броз Тито послушаться Сталина, как сиятельный тезка объявил его "кровою собакой" и "фашистским агентом".

Похоже на то, что в последнее время наша пропаганда возвращается к этому примитивному, но кое-кому удобному методу — объявлять иностранным наемником любого несогласного с властью. Это так просто, особенно при условии незнакомства с историческими прецедентами и при полной невозможности публично возражать. И это внешне очень действенно. Читателям и слушателям вовсе не нужно разбираться в том, что же они на самом деле говорят и пишут, эти диссиденты, — достаточно поверить, что говорят и пишут они "с чужого голоса", и это вызывает естественный рефлекс отталкивания. Что и требуется. Для этого и издаются большими тиражами произведения, бульварный характер которых обеспечивает им распространение. Со времени "Тли" Шевцова и "Чего же ты хочешь?" Кочетова политический бульвар значительно преуспел.

Пока еще не восстановлены в правах слова "враги народа". Пока еще не вытащена из сталинских запасников теория "обострения классовой борьбы по мере приближения к коммунизму". Но ведь и терминология, и теоретические "допуски" меняются по мере надобности. Не "враги народа", так "агенты ЦРУ" — какая разница? Для вынесения уголовных приговоров годится любой ярлык.

История свидетельствует о том, что люди, открыто вступающие в спор с всемогущими властителями, редко бывают агентами иностранных разведок, хотя чаще других обвиняются в этом. Многие реабилитированные после 17 лет отсидки в сталинских лагерях за "шпионаж" рассказывали, что настоящих шпионов они встречали в лагере, может быть, раз или два. Ни одного бывшего оппозиционера среди фашистских прихвостней — полицаяв, бургомистров, палачей — они тоже что-то не припомнят. А вот генерал Власов и бывший представитель СССР в ООН Шевченко ни оппозиционерами, ни диссидентами не были.

Разномыслие здоровому обществу не опасно. Опасно вынужденное страхом единомыслие, отказ от мысли, трусливое приспособленчество. Опасны маленькие и большие

Галейраны и Фуше, никогда не выступающие "против", всегда – "за". Хотя бы это "за" было диаметрально противоположно вчерашнему. Вот для таких-то, всегда готовых продать и продаться, прекрасным питательным бульоном является атмосфера обязательного единомыслия.

Эта статья написана для опровержения клеветы о "Поисках". Но, работая над ней, я не могла пройти мимо того, что и в данной книжке ("С чужого голоса"), и в других аналогичных изданиях содержатся такие же обвинения – в действиях с чужого голоса – по адресу и других лиц: правозащитников, диссидентов, инакомыслящих, то есть людей, взгляды которых отличаются от общепринятых.

Не берусь судить о людях, которых не знаю и деятельность которых мне неизвестна. Но некоторых из них я знаю. Знаю, что они достойны уважения, любят свою родину, никогда не скажут слова против совести и слушают только ее голос. И клевета, распространяемая против таких людей, заставляет меня не верить и тому, что написано о людях, которых я не знаю. Ведь книжка "С чужого голоса", несмотря на фамилии пятнадцати авторов, написана единым стилем, единым духом – действительно с одного голоса. И если столько лжи уместилось на 37 страницах, сколько же ее вместили 300? И все остальные, многократно издающиеся бульварные произведения, вроде грязных писаний неизвестного Н.Яковлева.

Я все-таки надеюсь, что не все верят бульварной литературе. Я все-таки надеюсь, что многие д у м а ю т. Пожалуй, это единственная уцелевшая у меня надежда – на человеческую мысль и на извечное стремление людей к созданию справедливого общества. Для моего поколения вся жизнь и работа определялись этим стремлением, озарялись словом "социализм". Сейчас я не хочу говорить о словах. Жизнь прожита, а справедливого общества в современном мире я не вижу. Увидят ли его дети и внуки? Не знаю. Знаю одно: если люди потеряют стремление к справедливости и способность мыслить, они перестанут быть людьми.

Если не перестанут б ы т ь вообще...

Постскриптум к моим друзьям

Я прошу сохранить эту мою рукопись – как документ, как свидетельство очевидца и участника, наконец, как мою последнюю работу. Писать больше я не могу – кончились силы. С трудом взялась я за перо, чтобы выполнить долг перед моими товарищами. На этом я кончаю свой литературный путь.

Не поминайте лихом.

Сентябрь–декабрь 1983 г.

Ирена БРЕЖНА (Базель)

ВЕЛИКИЙ БАОБАБ

Заметки о Гвинее

Коршуны над Конакри

Со своими низкими хижинами, раскинувшимися по всему полуострову, Конакри напоминает огромную деревню. Считается, что в столице 800 тысяч жителей, но вся статистика Гвинеи основана на догадках. Над столицей бесшумно кружат коршуны. Коршунов здесь уважают, они очищают город от отбросов. Птица стремительно падает вниз и грациозно опускается на землю у огромного баобаба. Этому дереву сотни лет, покойный диктатор любил отдыхать тут по вечерам.

Незадолго до смерти от сердечного приступа Секу Туре приказал разрушить Народный дворец, где помещалась его резиденция. У племени фульбе, которое Туре после очередного покушения беспощадно преследовал, есть поговорка: "Кто ломает крышу своего дома, сбивает себя с ног".

Буйная растительность поднялась на этом месте, символизируя смерть вождя и конец двадцатилетней диктатуры. На огромных корнях дерева сидят мальчишки. Передо мной останавливается военный мотоцикл. Молодой офицер лихо спрыгивает и произносит с улыбкой: "Вот она, история".

Двадцать шесть лет назад вождь революции Ахмед Секу Туре, прославляемый всем черным континентом, отверг предложения французских колонизаторов о сотрудничестве и основал народную Гвинею. Начав с поста вице-президента Правительственного совета и главы однопартийного правительства, он постепенно превратился в диктатора. Демагогия, репрессии, экономический развал — страна заплатила тяжелую дань революции. 26 марта 1984 года вождь умер, а уже 3 апреля армия совершила переворот, взяв власть в свои руки. Новое правительство освободило политических заключенных и обещало гарантировать права граждан.

Когда-то Конакри называли жемчужиной Западной Африки. Сейчас в городе господствуют развалины. Однако гвинейцы улыбаются и уверяют, что дышится теперь легко. Во всяком случае никто не мешает нам свободно ходить по городу и беседовать с кем хочется. Мои спутники, члены делегации "Международной амнистии", которым удалось побывать здесь три года назад, рассказывают, что в те времена все это было немислимо. Тогда их привезли во дворец, и диктатор, обладавший неиссякаемым красноречием и феноменальной памятью, обрушил на их головы трехчасовой водопад слов по истории Черной Африки. Потом он распорядился открыть для них несколько камер крупнейшей в Гвинее тюрьмы Кемп Буаро, предупредив, что доклад комиссии определит дальнейшую судьбу заключенных.

Согласно официальной версии, правительство вынуждено было пойти на жесткие меры против оппозиции после того, как враги республики (местные и иностранные) предприняли четырнадцать покушений на Туре и попыток совершить переворот. Версия

лишь частично соответствует действительности. Большинство "покушений" на вождя подготовил сам Туре, чтобы убедить суеверных гвинейцев, что это бессмысленно — он бессмертен. Вера в его бессмертие была так сильна, что только на третий день после переворота люди осмелились выйти на улицы. Открылись тюрьмы, и толпы поющих и танцующих заполнили улицы столицы.

Тюрьма Кемп Буаро, расположенная в самом центре Конакри, пуста и открыта — теперь это музей человеческой жестокости. Во время визита в Гвинею делегация "Международной амнистии" имела возможность выслушать показания сотен политзаключенных. Мне показали горный массив, тянувшийся через всю страну, — здесь служба безопасности Секу Туре хоронила тех, кого убивали тайно. В городе Киндия делегация видела братские могилы. Приговоренных закидывали в мешок, бросали в яму и только потом пристреливали.

В Кемп Буаро гид, бывший надзиратель, предлагает нам осмотреть технический кабинет. Этим научным словом обозначается камера пыток. Чтобы заставить арестованного подписать признание, его били, пытали электрошоком, втискивали в автомобильную шину, заталкивали головой в бочку с экскрементами. Общее руководство осуществлял сводный брат Ахмеда — Исмаил Туре. Иногда он заглядывал сюда и сам прилагал руку к делу.

В крошечных темных камерах Кемп Буаро, где люди мучались от голода и жажды, где не хватало даже воздуха, люди медленно умирали. Те немногие, что выжили, рассказывают: от тропической жары камеры, крытые гофрированной жестию, превращались в душегубки, а если температура снижалась — люди мерзли. Часто камеры были настолько набиты, что там можно было только стоять. В камере смертников на стене нарисованы череп и кости и сделана предупредительная надпись: "Курить воспрещается".

Самой популярной формой казни в Гвинее считалась "Черная диета". Арестованного лишали и пищи, и воды. Но и те, кого убивать почему-то не собирались, проходили через эту процедуру. На третий день они готовы были подписать любые показания: о покушении на Секу Туре, подготовке путча, его участниках — друзьях и родных.

Стены камер исписаны обращениями, которые умирающие оставили нам, живым. Редко в храмах возносят Бога так горячо, как делали это люди, прошедшие через ад: "Боже, ты велик! Боже, Ты Творец всего сущего!" Бывший посол Гвинеи в Советском Союзе Еро Диара, который провел здесь девять лет, сказал мне: "Когда человека держат в таких условиях, ему остается только одно: вера в высшее существо. Атеисты тут не выживали".

С годами у Секу Туре развились все качества диктатора. Он не терпел конкуренции. Никто не смел думать иначе или богатеть. Он один считал себя специалистом во всех областях. В 1961 году были арестованы учителя — за "идеологическую травлю школьников"; через два года — потенциальные сторонники оппозиции; в 65-м — торговцы и просто состоятельные люди; в 69-м — армейские офицеры; в 76-м — вожди племени фульбе; в следующем году — женщины, участвовавшие в демонстрации. В 1979 году под предлогом "соучастия в подготовке португальской агрессии" было арестовано около 3500 человек — партийных функционеров высокого ранга.

Мне показали камеру, где в мучениях умер Диалло Телли, генеральный секретарь Организации африканского единства. По данным "Международной амнистии" лишь в одном из отделений тюрьмы в Кемп Буаро за одно полугодие 1974 г. умерло 250 заключенных.

Экономический развал усиливался. Пропаганда объясняла это действиями предателей, врагов народа. Народ верил. Один студент мне рассказывал, как прочел в газете сообщение, что его дядя торговал отравленными продуктами. Он счел естественным, что отравителя арестовали.

Система всеобщего надзора строилась по известным образцам. В центре системы были квартальные инспекторы; они обязаны были все обо всех знать и соответственно докладывать. С присущей гвинейцам непосредственностью квартальные предупреждали: "Дай мне... или...". Столь же просто решались вопросы любви. Сначала донос и арест мужа, потом предложение товарообмена. Впрочем, согласие редко кому помогло.

Культ личности по-африкански

Необычайно большую роль в утверждении режима Ахмеда Секу Туре сыграл фасад. Знакомый гвинец признался, что любил диктатора. "За что?" "Он писал такие хорошие книги и говорил так душевно". Туре действительно владел даром речи, а слово в Африке ценится высоко.

Диктатор ревниво следил, чтобы на каждом официальном здании, в каждом доме висел его портрет, чтобы в школах и университетах преподавали его "учение". Провозгласив возврат к древним традициям, к "корням", он, однако, запретил традиционное почитание святого дерева — баобаба, приказал срубить старейший баобаб и на его месте построить Народный дворец. Только он сам мог быть предметом обожания.

В начале октября 1984 года, после 26 лет запрета, к месту, где когда-то рос Великий баобаб, съехались люди со всей страны. Дух дерева ублажали изысканными блюдами. Гвинейцы говорят, что именно здесь, в деревьях, окружающих разрушенный дворец, дух особенно могуч. Он лечит больных, исцеляет от бесплодия.

Определить суть изменений, которые принес с собой переворот, нелегко. Может быть, вернее всего будет сказать: люди расслабились. Сами гвинейцы определяют это конкретнее: "Можно ездить, можно собираться и разговаривать".

То, что власть в Гвинее теперь принадлежит армии, заметно не сразу. Только перед немногими зданиями замечаешь скучающую охрану, да перед радио Конакри протянут канат, и солдат долго вертит мою бумажку. "В Гвинее у кого радио, у того власть", — извиняется мой спутник. Из сообщения этого радио жители и узнали 3 апреля о свержении режима. "Ясно, я подумал, что мне снится", — так описал мой знакомый это историческое событие.

Канаты играли в жизни Гвинее огромную роль. До переворота ими были обнесены все деревни, выходить за них запрещалось. Идея была проста — удержать в деревне крестьян, задавленных непосильными податями. Но вождь объяснил эту меру с присущей ему поэтичностью: человеку не следует искать счастья на стороне, счастье в нем самом.

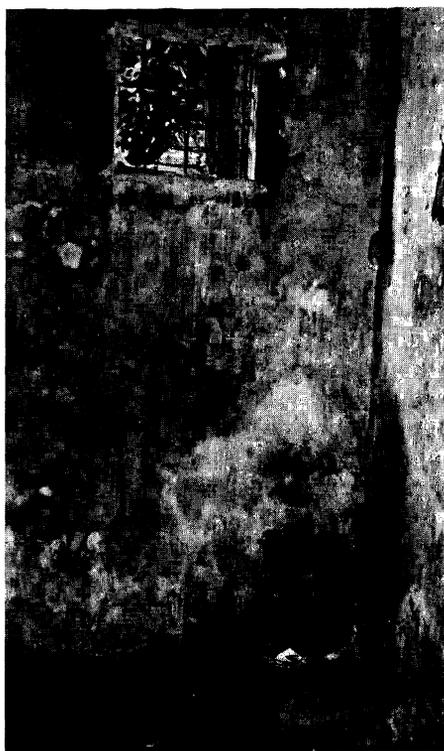
Секу Туре очень заботился о престиже страны. Знаменитых иностранных спортсменов вождь встречал в аэропорту лично. И, конечно, он с возмущением отверг предложение международной организации помочь больным проказой: в революционной Гвинее проказы не могло быть.

Больницы Конакри напоминают средневековые катакомбы: тесно, темно. Вода в кранах появляется после шести вечера. Не хватает всего — лекарств, бинтов, кислорода. Даже лечение туберкулеза приходилось прерывать посредине: лекарства кончились. Пока мало что изменилось, но врачи рады уже тому, что обо всем этом можно говорить вслух: "При Секу Туре иностранцы в больницу не допускались".

Самая распространенная в Гвинее болезнь — малярия. Считается (точных данных, разумеется, нет), что от нее страдает 80 процентов населения, примерно миллион из них нетрудоспособны. "Но люди здесь предельно терпеливы, кажется, что они не чувствуют боли", — объясняет мне врач, показывая пустую аптеку. Средняя продолжительность жизни в стране — 45–50 лет.

Вход в тюрьму Кемп Буаро

Камера в тюрьме Кемп Буаро

Дерево бавольник в центре Конакри.
На переднем плане камни от разрушенного дворца

Старые кумиры уже не интересны

Белые миражи революции

”Вы едете в страну, которая много испытала”, — сказал мне в Париже журналист и глава бывшей оппозиционной партии Гвинеи Сирадиоу Диалло. По уровню жизни Гвинея занимает одно из последних мест в мире. За скромный обед на троих мы заплатили в ресторане 1800 силли, это месячная зарплата рабочего. На ярмарке в Конакри рубашка стоит вдвое дороже.

В Гвинее хронический голод: большинство людей питается раз в день и преимущественно рисом. Врачи считают это причиной многих заболеваний. Страна, богатая бокситами (треть мировых запасов), железом, золотом, алмазами, полностью разорена. До получения независимости Гвинея экспортировала рис, сейчас она его ввозит. Даже маленькие сладкие бананы, которыми здесь гордились, стали дефицитом: их берегут для детей.

В развалившемся здании вокзала застыл старый локомотив — когда-то он водил составы в Канкан. Водопроводные краны заржавели, вода бывает нечасто. Страна, как и все развивающиеся страны, целиком зависит от импорта. Полонка ничтожной детали выводит из строя весь агрегат.

В стороне от города с его полуразвалившимися, переполненными хижинами широко раскинулись виллы. Пятьдесят великолепных вилл, украшенных затейливой резьбой, мозаикой, роскошной импортной мебелью. Их построили марокканцы по заказу Секу Туре, стране они обошлись в 50 миллионов долларов.

Виллы предназначались участникам конференции ОАЕ, Организации африканского единства. Однако конференция состоялась в Аддис-Абебе — у Секу Туре случился инфаркт. ”Слава Богу, что конференция прошла не у нас, — сказал мне комендант этих вилл. — Она привела бы страну на грань катастрофы”. Пустые белые виллы на берегу океана похожи на миражи. Миражи вождя революции всегда были далеки от гвинейской реальности...

Расспросы о зарплате вызывают у гвинейцев хохот. Типовая зарплата раз в десять ниже самого жалкого прожиточного минимума. Чтобы не умереть с голоду, гвинеец изощряется в искусстве черного рынка, тратя на это преимущественно рабочее время.

Впрочем, время прихода на работу зависит и от транспорта. Транспорт же в Гвинее — область приключений и импровизации. Тот, кто не относится к узкой секте владельцев машин, может ждать автобус часами. Вдоль главной дороги в Конакри толпятся сотни людей, сделавших ставку на автостоп.

Обменные операции, проверка возможностей шантажа, дача и получение взяток — только это и позволяет гвинеюцу выжить. Врачи, к примеру, торгуют лекарствами и берут у больных взятки. Товар в Конакри проходит долгий путь, так что в конце, на главном рынке, он стоит невообразимо дорого.

Взятки в стране освящены традицией и семейными устоями. Независимо от должности, гвинеец — прежде всего семьянин, и в этом качестве он обязан содержать не только семью, но и родственников. ”Без семьи ты никто”, — объясняют мне. В этом есть смысл: одному тут просто не выжить. Черный рынок, взятки — часть ежедневной борьбы за существование. В декабре 1984 г. новый президент отстранил даже нового премьер-министра, обвинив его в коррупции. Но коррупция — не единственная причина отстранения. Президент, выходец из племени сусу, не захотел делить власть с представителем племени малинке. Парижский журналист Сурадиоу Диалло предлагает иное объяснение: ”В Африке два вождя — это слишком много, должен быть один”. Означает ли это начало нового культа? Трудно сказать. Во всяком случае волна надежд на светлое будущее Гвинеи идет на убыль.

Большой слон социализма

Мнения о Секу Туре расходятся. Почти все признают, что именно Туре проложил путь к независимости Гвинеи и всей Черной Африки, однако потом добавляя: "Но он обманул наше доверие".

В ресторане я присутствовала при споре двух гвинейцев. Один, спортивный журналист, подчеркивал, что Туре был первым африканским лидером, еще в 1958 г. высланным из страны белых колонизаторов. "С этого момента мы перестали стесняться цвета своей кожи", — заметил он.

Его оппонент, работник министерства финансов, возразил: если человека вытащили из воды, чтобы бросить в огонь — это не спасение, а независимость мы получили бы и без него. "Понимаете, — оборачивается он ко мне, — мы предпочитаем черного диктатора белому колонизатору. У Секу Туре был дар убеждения — это правда, и потребуются немало времени, прежде чем гипноз рассеется".

Для Африки это трагедия, что "настоящий африканец" стал кошмаром Гвинеи. Такие фигуры, как Туре, Иди Амин, Бокасса, объясняют мне, помогают колонизаторам, подкрепляя теорию о том, что без вожжей Африка превратится в зверя.

Театральный анонс: пьеса "Лицо власти". На афише слон, зажавший в хоботе первобытную дубину. Туре, любителю поэзии, импонировало, когда его называли большим слоном. "Социализм, — говорил он, — нельзя строить насилем. Достаточно создать условия, и человек изменится сам".

Вопрос, добивался ли Секу Туре с самого начала власти для себя или вначале воспринимал собственные лозунги всерьез, а изменился потом, под действием власти, и сейчас вызывает споры. Независимость вызвала такой восторг, что люди долго ничего не замечали. Только в 1961 г., когда по стране прокатилась первая волна репрессий (сажали учителей), появились первые признаки отрезвления.

Бесспорно, публичная пощечина, которую Туре отвесил Франции, обошлась стране недешево. Вынужденные покинуть Гвинею, французы забрали с собой все, что имело хоть отдаленное отношение к цивилизации — до водопроводных кранов и кабеля включительно. Но, к сожалению, Туре скоро рассорился со всем миром, в том числе и со своими африканскими соседями. Стремясь окружить свою личность магическим ореолом, он провозгласил себя внуком Самори Тури, легендарного основателя государства народа малинке в XIX в.

Этот новатор и революционер, объявивший непримиримую войну суеверию, ходил только в белом и никогда не появлялся на людях без магического белого платка. Считалось, что достаточно махнуть этим платком — и любой враг падет мертвым. Они и в самом деле падали, об этом заботилась служба безопасности.

Возрастающая нищета не усиливала, а ослабляла сопротивление. В этом мире оставался единственный светлый луч: речи вождя. "Даже когда человек лжет, мы его уважаем, если он красиво лжет," — объясняют мне. — "Мы любим форму, наша цивилизация — цивилизация слова". На фундаменте слова диктатор и возводил свою власть.

Ищи женщину

Туре в совершенстве владел искусством демагогии. Самое гениальное изобретение вождя — эмансипация женщин.

Не думайте, что все здесь так просто. Вопреки исламу, статус женщины в Западной Африке всегда был высок: именно она в доме главный кормилец, на ней держится семья. Само слово Гвинея на языке сусу означает "женщина". Но одно дело — фактическое положение вещей, другое — юридический статус. Мало что изменив по существу,

Отель "Индепенденс"

... и начальная школа в Конакри

Молодые гвинейки.

Так создается прическа

вождь обеспечил себе поддержку самой многочисленной части народа (женщины составляют 2/3 населения Гвинеи).

Женщины боготворили Секу Туре. На специальных политических вечерах они для него танцевали и пели. Даже сейчас, если кто-то отзывается о нем сочувственно, так это женщины, "Он дал нам самоуважение", — сказала знакомая радиожурналистка. И в самом деле, только при нем девочки сели за парты, появились женщины, освоившие мужские профессии, была даже одна женщина-посол.

"Мы были свободными", — объяснила мне акушерка, работающая в центре матери и ребенка. — "Мы уходили из дому, когда хотели, и возвращались с танцев ночью. Мужья молчали, боясь обвинения в контрреволюции. В спорах между мужем и женой власти всегда поддерживали женщин. Главный резерв службы безопасности также составляли женщины."

Неудивительно, что диктатор испытал шок, когда в 1977 году именно женщины организовали первую массовую демонстрацию протеста. До предела ограничив частную торговлю, Туре нанес жестокий удар по основному источнику доходов гвинейской семьи. Протест женщин-торговок — кстати, единственное серьезное выступление против власти — был для него страшным ударом.

Вождь настолько не ожидал "измены", что, увидев огромную толпу женщин, приказал широко открыть ворота дворца и выступил перед ней: он был уверен, что это очередной всплеск любви и преданности.

Он им отомстил арестами, но с этого дня авторитет его в глазах народа был потерян. Конечно, в мусульманской стране мужчина, допустивший публичное непослушание женщин, становится смешным. "Бунт показал, что король голый", — говорят гвинейцы. С этого момента диктатора преследовал кошмар: его свергают женщины в парадных белых одеждах...

Метаморфозы

Единственная в Гвинее газета и после переворота сохранила свое название — "Хоройя". В переводе *хоройя* — "свобода", "независимость". Эта газета все 26 лет правления Туре была рупором его партии. Раньше газета представляла Народную революционную республику Гвинею, теперь — Вторую республику; на стене в редакции появилась Декларация прав человека. "Придется осваивать профессию заново", — объясняют мне журналисты. — "До сих пор мы лишь размусоливали тексты, присылаемые из ЦК. Новое правительство призывает критически оценивать его деятельность. Ясно, однако, что критика не должна быть разрушительной..."

На европейский взгляд, газета и сейчас выглядит своеобразно. Большую часть ее небольшого формата занимают решения правительства, сообщения об официальных приемах, о распределении фондов помощи развивающимся странам, призывы к единству и сплоченности.

Терпеливые гвинейцы уверяют меня, что это только начало, что надо дать новой власти время проявить себя. Возглавляющий страну Военный комитет народного восстановления призывает граждан думать об интересах родины, повышать трудовую мораль. Однако техник из ФРГ, работающий на радио Конакри, сказал, что пока что с моралью стало еще хуже: гвинейцы перестали бояться. Вернувшийся с Запада эмигрант жалуется, что стиль управления не изменился: власти по-прежнему много говорят и мало делают.

Поражает, что почти все ответственные посты занимают те же люди, что при Секу Туре. В ответ на недоуменные вопросы гвинейцы объясняют, что в стране, где все определяется социальной структурой, личная ответственность сведена к минимуму. Поэтому

сотрудничество с диктатурой считается делом естественным. "Конечно, многие теперь держатся так, будто их только что импортировали в страну", — объясняют мне с улыбкой. — "Но мы не злопамятны. Там, где нет личной вины, нет и мести".

Замечание, что честный человек мог хотя бы избегать высоких постов, никого не убеждает. "Все мы плывем по воле волн", — говорит гвинеец и широким жестом показывает на Атлантический океан.

В стране было бы трудно найти человека, который не запятнал бы себя сотрудничеством с прежним режимом. Каждый гвинеец чуть ли не со дня рождения становился членом партии, в каждой семье есть и жертвы прежнего режима, и его сторонники. И члены нынешнего правительства, и сам президент занимали при Секу Туре высокие посты. И если бы новая власть решила судить пособников Секу Туре, ей трудно было бы найти некомпromетированного судью.

Еро Конде, ныне скромный торговец, при Туре занимал ответственный пост в системе безопасности; его младший брат — один из множества эмигрантов — нашел убежище в Швеции; наконец, старший брат, получивший образование в Ташкенте, — министр планирования нового правительства. Если для Еро смерть диктатора и переворот означали крушение карьеры, то его брату они открыли все дороги. Все это не мешает братьям поддерживать самые добрые отношения. Африканский семейный уклад, над разрушением которого столько бился диктатор, выдержал испытание.

Похоже, незлобивость гвинейцев имеет и чисто практические причины. Страна, где 80 процентов населения неграмотны, где Туре уничтожил или заставил эмигрировать и без того немногочисленных специалистов, просто не может себе позволить роскошь сведения счетов. Правда, кое-кто из эмигрантов уже вернулся, но им трудно: они отвыкли от здешнего уровня жизни, и от местных нравов. Скажем, журналист доктор Барри, полгода назад приехавший из Франции и работающий сейчас в газете и на радио, так до сих пор и не получает зарплаты. Гвинейцы лишь пожимают плечами: естественно. Какая зарплата, если казна пуста?

Новые власти официально объявили, что будут поддерживать традиционные близкие отношения с социалистическими друзьями, но при этом намерены восстановить связи и с бывшими врагами. Гвинейцы говорят, что именно советское влияние привело к ужесточению диктатуры и к экономической разрухе. Вспоминают, например, что в обмен на бокситы Советский Союз поставил тропической Гвинее снегоочистители. Основную же статью советского экспорта составляло, как обычно, оружие и военное снаряжение. Живут советские специалисты изолированно, в своем "гетто", в личные контакты с населением почти не вступают.

Правительство стремится вернуть к жизни тех, кого раньше преследовали: их назначают на ответственные посты. "В течение одной ночи они стали героями; пусть слабое — но утешение", — с обычной мягкой улыбкой говорят гвинейцы.

"Они просто не выносят конфликтов", — изумляются торговцы, съехавшиеся на ярмарку в Конакри. — "Самое маленькое разногласие гвинейцы тут же стараются сгладить." Это верно. Но со стороны трудно почувствовать, какая гремучая смесь накопилась в стране, сколько ненависти таится под этой гладкой поверхностью. "Мы не можем сразу позволить себе демократию", — говорит Сирадиу Диалло. — "Сначала нам надо остыть. Иначе — гражданская война".

Об острых углах племенных разногласий предпочитают не говорить. Нынешнее военное правительство пользуется поддержкой населения. Может быть, это связано с тем, что Секу Туре не доверял армии и опирался на службу безопасности. Президента Лансану Конте считают честным человеком.

Делегация "Международной амнистии" посетила арестованных бывших министров, которых собираются судить, но не за политические, а лишь за экономические преступ-

ления: воровство, коррупцию. Условия их заключения — по гвинейским стандартам, конечно, — довольно гуманные. Министр иностранных дел Гвинеи заявил в ООН, что страна будет строго придерживаться положений Декларации прав человека. Программа правительства прагматична: задача № 1 — восстановление и развитие сельского хозяйства.

Куда повернется колесо?

Гвинея выходит из состояния многолетней изоляции. Отставшая даже от других африканских государств, она ориентируется теперь на самую современную цивилизацию. К прежним символам богатства — красивой одежде и золотым украшениям — прибавились новые: первоклассная машина, видео с кассетами вестернов и порнофильмов. Хижины в беднейшем районе Конакри решено снести, на их месте собираются строить высотные дома. Трудно себе представить что-то более далекое от африканского стиля и образа жизни...

Город уже забит автомобилями, а с кораблей, как с конвейера, все сходят и сходят новые. В гостинице мне демонстрируют стиральные машины, полученные из Франции. Гвинея готова принять любую помощь. Но по-настоящему нуждается она в капиталах, которые позволят стране восстановить хозяйство.

Француз-торговец, приехавший в Конакри "прощупать почву", разочарован: "Местная валюта подорвана". Зато другие — черные, белые, желтые торговцы — оценивают ситуацию со сдержанным оптимизмом: "Дела идут, хотя и медленно". Но выразительнее слов сама атмосфера, царящая в большом зале гостиницы: приезжие принимают друг к другу — бояться конкуренции.

"Гвинейцы очень осторожно и неохотно следуют советам", — вздыхают ветераны африканского бизнеса, буквально излучающие колониальную надменность белого человека. В этой гостинице, построенной в современном евро-американском стиле, где точная цена номера равна полугодовому заработку гвинейца, колониальный шарм считается хорошим тоном.

Ритм работы в Гвинеи и в Европе — понятия разные. "Здесь все делается в два раза медленнее", — говорит мне мой гвинейский спутник. Так же медленно осваивает Гвинея и демократию. Расспрашивая гвинейца-химика о нынешней политической обстановке в стране, я машинально делаю записи. И вдруг замечаю, что он начинает нервничать. Потом, глядя в сторону, он просит меня прекратить. "При Секу Туре нас обоих давно арестовали бы", — извиняется он. Беседы с белым было достаточно для обвинения в измене.

Я возражаю, что те времена прошли и наш открытый разговор в ресторане — наглядное тому свидетельство. Собеседник вежливо кивает, но, кажется, я его не убедила. Все понимают, что колесо гвинейской истории сдвинулось с места, но никто не знает, куда оно повернется. ●

Государство Гвинея (официальное название — Вторая Республика Гвинея вместо принятого до апреля 1984 г. наименования Народная революционная республика Гвинея) возникло в 1958 г. на месте бывшей французской колонии. Страна расположена на западном побережье Тропической Африки и насчитывает по приблизительным оценкам 4-4,5 миллиона жителей. Смерть Секу Туре в марте 1984 г. привела к государственному перевороту. В настоящее время власть принадлежит Военному совету национального возрождения, лидер которого Лансана Конте провозгласил прозападную политику Гвинеи. В июле 1985 г. в Гвинеи была произведена неудачная попытка свергнуть правительство Лансаны Конте. В республике производятся рис (основной продукт потребления), фоньо (мелкое просо) сорго, кукуруза, клубнеплоды, арахис, пальмовое масло. Ведется добыча бокситов, железной руды, алмазов.

Жак ТЪЕЛУА (Париж)

ОКАЯННЫЙ КОНТИНЕНТ

Статья Ж.Тьелуа "Окаянный континент" ("Le continent maudit"), как и книга того же названия, выпущенная им в 1984 г., в некотором смысле нарушает принятый по отношению к Африке этикет. Автор, известный путешественник и журналист, много занимавшийся проблемами помощи голодающему населению молодых африканских государств, близко знаком с их внутренней ситуацией. Он оценивает ее трезво и безжалостно. Но не презрение к народам, которым пришлось из внеисторического существования шагнуть прямо в двадцатый век, а глубокая тревога за их будущее движет его пером.

Я позволяю себе критиковать африканцев, потому что я их люблю. Люди, не желающие смотреть правде в лицо, то есть говорить правду о неграх, — всегда более или менее расисты, но, стесняясь, скрывают это. Я — не тайный и боящийся открыто высказывать свое мнение расист, и буду откровенен: мне думается, что народы Африки в целом значительно отстали в своем развитии от обитателей, скажем, Азии; в некоторых отношениях они еще не вышли из первобытно-племенного строя.

В своей книге я перечисляю преграды, стоящие на пути эволюции африканцев. Я много путешествовал по странам Азии и утверждаю, что существует колоссальная разница в развитии этих двух континентов.

Что прежде всего поражает в жителях Африки, так это отсутствие инициативы, недостаток смекалки и расторопности. В африканских городах, например, в противоположность азиатским, вы никогда не увидите уличных торговцев съестным или напитками. В Африке вы не найдете чая, который гораздо лучше утоляет жажду, чем кока-кола или дорожное пиво. Нет там ни такси-велосипедов, ни тем более рикш, — подобное занятие слишком утомительно для африканцев.

Жители азиатских стран, унаследовавших древние, высокие цивилизации, весьма скромны в своих притязаниях и вместе с тем куда более инициативны. Китайцы — бедный, почти нищий народ, но они никогда не просили помощи у великих держав. Выклянчивать милостыню у богатых стран — не их обычай. Китайский чиновник может отдыхать всего два дня в году, африканский — предпочитает работать два дня в году. Да еще, чтобы у него на столе непременно стояла ледяная кока-кола. Для него главное — не научиться работать на европейский лад, а иметь возможность жить на европейский лад. Конечно, существуют замечательные исключения из общего правила, такие, как знаменитый сенегальский поэт Сенгор.

Пока я жил в Европе, моими знакомыми неграми были только студенты или отдельные интеллигенты, рассеянные по большим городам. Многие из них были высококультурными, образованными людьми. Я сам был студентом и, между прочим, страдал из-за своего крестьянского происхождения; тогда самыми близкими моими друзьями были черные, приехавшие, как и я, издалека в столицу Франции. И мне не раз приходилось пускать в ход кулаки, чтобы защитить их от оскорблений со стороны разных сынков богатых родителей. Во время войны в Алжире я сражался на стороне африканцев, за что впоследствии угодил в тюрьму.

Потом мне захотелось познакомиться с неграми поближе, на их родине, в их деревнях. Как это часто бывает в таких случаях, я был жестоко разочарован. В моей первой книге я описал жизнь обитателей Черного материка без прикрас, не преследуя каких-либо политических или коммерческих целей. Отсталость африканцев по сравнению с азиатскими народами приводила меня в отчаяние. Наверное, поэтому в книге нет холодных, мнимо объективных оценок. Я описал отрицательные стороны африканского образа жизни не как социолог или экономист, но как писатель и близко заинтересованный, любящий Африку друг.

Да, я испытал нечто подобное разочарованию в любви... Меня просто выводила из себя неприкрытая, наглая роскошь привилегированной верхушки в крупных африканских городах. Вполне допускаю, что тут сказались раздражение вчерашнего "маленького человека", которому пришлось, продираясь сквозь тернии, трудом и потом овладеть современной культурой. Ни мои предки, ни мы сами в нашей семье никогда не выбрасывали корки хлеба. И если считать бережливость буржуазной добродетелью, то я — образец буржуа, которому претят излишества и расточительность. И когда я вижу бывших "жертв колониализма", утопающих в роскоши среди окружающей их невообразимой нищеты, мне кажется, что тяжелые годы иностранного господства слишком быстро перешли для этих людей в сплошные каникулы.

Я путешествовал с одним голландцем по Замбии. В этой стране имеются богатейшие запасы меди. Весь доход от их разработки достается местной мафии, а пять миллионов замбийцев живут в постоянной нужде. В магазинах хоть шаром покати. Даже европейцы в Лусаке, главном городе страны, не обеспечены товарами первой необходимости и продуктами: то сахара нет, то нет молока или растительного масла, а то вдруг пропадает мыло.

Профессор из Голландии странствовал по Африке автостопом. Случайно мы оказались в одной машине и долго ехали по замбийскому высокогорному плато с влажным и умеренным климатом. Голландец был изумлен: тысячи километров лесных массивов, кустарников, высокой зеленой травы! Лишь изредка, на расстоянии двухсот, трехсот километров друг от друга попадались маленькие убогие селения, кучки соломенных лачуг.

А он-то вырос в стране, где каждая пядь земли была потом и кровью отвоевана у океана и использована для сельского хозяйства или хотя бы для выращивания тюльпанов. А на Яве, когда-то принадлежавшей Нидерландам, крестьяне до изнеможения трудились на своих крошечных наделах; вся земля была поделена до последнего дюйма. Профессор недоумевал и возмущался, глядя на туземцев, спокойно развалившихся в тени деревьев. Эти дети природы живут на земле, где так много растет — но ничего не культивируется. Голод в Африке, о котором мой спутник так много слышал, не вязался с этой картиной — или, вернее, слишком соответствовал тому, что он увидел.

— На что надеются люди, целыми днями валяющиеся на своей плодородной земле?! — восклицал он.

Известный экономист Джон Гэлбрейт описывает в книге "Теория массовой нищеты" положение в современной Африке. Он осмеливается утверждать, что негры бедствуют потому, что "слишком любят съесту". Помощь европейцев, по мнению Гэлбрейта, только приучает их к беспечности, развивает зависть и воспитывает паразитические наклонности.

С другой стороны, среди обитателей крупных городов много рвачей и самых настоящих хищников, которые стараются во всем походить на своих бывших белых господ, перенимая не только их моды и обычаи, но и пороки. Отведав однажды благ западной цивилизации, они готовы на все, не гнушаются ни подкупом, ни воровством, лишь бы занять виллу с бассейном, роскошный автомобиль и т.п. Европейцы прошли

долгий путь от телеги до автомашины. Африканцы хотят сразу перейти от мотыги к трактору и нажимать непривычными к обуви босыми ногами на педали "мерседеса".

Что они сами думают по этому поводу? Они говорят примерно следующее: нам надо остаться такими, какие мы есть. Мы никому не подражали, пока не явились белые. Черная раса просуществовала тысячелетия, она сумела выжить в страшном африканском пекле, где белые люди наверняка бы вымерли. Разве это не доказывает нашу жизнеспособность, наше замечательное умение приспособиться к трудным условиям? Да, мы гибли от голода и эпидемий. Каждый второй новорожденный умирал. Но таковы законы природы, нашей природы. Мы и без Дарвина знали, что жизнь — это борьба за существование, в которой слабые и неполноценные сходят с круга. И мы считаем, что достижения вашей европейской медицины — то, чем вы так гордитесь, — только портят породу, дают возможность выжить младенцам с пороками развития, рахитичным и умственно неполноценным, а они потом передают свои изъяны по наследству следующему поколению. Мы считаем, что это — во вред человечеству, ибо противоречит мудрому принципу естественного отбора.

До прихода белых, — говорят они, — мы, чернокожие, были закалены жестокой африканской природой. Но вы расслабили нас всякими соблазнами, развратили приманками и ухищрениями цивилизации. Нам было трудно устоять против них, еще бы... Но, говоря по справедливости, разве несколько веков назад мы были вымирающей расой, разве мы нуждались в помощи белых людей? Нет! Европейцы проникли к нам силой, против нашей воли и принесли с собою яд цивилизации... Для них мы были отсталыми, примитивными, дикими племенами. Между тем как мы, на свой лад, умели противостоять жестокой, всепожирающей природе нашей земли. И неплохо жили... Не забывайте об этом.

Сотни миллионов обитателей Третьего мира сегодня чахнут и гибнут от нищеты и голода. А белое меньшинство, люди, которые так охотно проповедуют любовь к ближнему, на самом деле не очень-то спешат притти им на помощь — не потому ли, что "преодолевшие отсталость", иначе говоря, обуржуазившиеся представители африканских и азиатских народов заслоняют от их глаз нищету своих соплеменников. Заносчивость этих выскочек не только вызывает у вас, белых, презрение и брезгливость; нет, она еще и создает у вас ложное впечатление, будто в Третьем мире дела идут не так уж плохо: верхний слой процветает.

Таково мнение африканцев. Должен сказать, что я не совсем с ними согласен. Например, я не считаю, что все беды Черного материка происходят от белых. Побывав во многих странах, я убедился, что в лучшем положении находятся те молодые государства, которые не отреклись от благ, принесенных им колонизацией, а сумели сохранить хорошие отношения со своими бывшими попечителями; а те, в свою очередь, продолжают им помогать. Например, Зимбабве (бывшая Родезия), государство, где как будто есть все основания для антиевропейского расизма. Или маленькая Малави, где белых совсем мало и где их ценят и уважают.

Я думаю, что беды Африки начались задолго до колонизации и обусловлены сочетанием географических, климатических и, конечно же, исторических факторов. Изнуряющая жара, что и говорить, может подавить любую инициативу и свести на нет любую деятельность. Нельзя, разумеется, сбрасывать со счетов и такое, например, бедствие, как муха це-це, которая свела в могилу несколько поколений — целые миллионы — африканцев.

Уже сама география африканского материка с его труднопреодолимыми районами в течение многих столетий препятствовала общению жителей Центральной Африки с другими цивилизациями. Прибавьте к этому работорговлю, веками продолжавшийся геноцид, поддерживаемый, с одной стороны, Западом, с другой — арабскими странами. Ведь триста лет считалось, что негры созданы для того, чтобы быть невольниками;

аргументы черпались из отцов церкви, и даже самые убежденные белые гуманисты не находили в этой традиции ничего зазорного. На черных смотрели, как на рабочий скот.

Я одобряю исторический опыт Южно-Африканской республики — тогдашнего Южно-Африканского Союза, в начале его становления, когда голландские колонисты обрабатывали целинные земли, с библейскими псалмами на устах и мужеством в сердце. Тогда это была примитивная страна, где пришельцы прививали туземцам начатки культуры. В те времена не существовало расизма, и смешанные браки считались в порядке вещей. Лишь впоследствии правители и стоящая за ними мафия навязали народу Африки расизм, противный человеческой природе. Разделение общества по цвету кожи — противоестественный диктат, порожденный злобой, завистью и полным незнанием социальных законов, — надо ли говорить о том, что скрещивание рас есть постоянный фактор человеческой истории, цивилизации и культуры.

Африканеры — белые обитатели ЮАР — будут бороться за свое государство до последнего дыхания. Ведь у них нет возможности репатриации, у них одна родина — Южная Африка. Они истинные африканцы, но увы, африканцы полуфашистского толка, расисты. А всякий расизм таит в себе собственную погибель.

Как и многие европейцы, я склоняюсь к предположению, что ЮАР обречена на исчезновение: рано или поздно это произойдет. Однако многое будет зависеть от умения, с которым правительство начнет проводить небольшие реформы. Что бы там ни говорили, а политика пряника всегда приносила больше, нежели политика кнута.

Два слова о религии: в отличие от Азии, Африка оказалась для христианства благодатной почвой. Хотя надо признаться, что никакая вера никогда не смогла насытить голодающие народы, а лишь ослабляла страдания и подавляла стремление преодолеть нищету. Конечно, я далек от того, чтобы отрицать все доброе, что принесла с собой христианская религия и религиозная деятельность: миссионеры насаждали школы и больницы, и от них многие поколения негритянских детей получили начатки образования, что позволило им впоследствии стать политическими лидерами.

Мне не раз приходилось беседовать с миссионерами, давно обосновавшимися в этой части света. Они, между прочим, относятся к молодым африканским государствам критически, причем больше всего их пугает "марксизация", вернее, советизация этих стран. Впрочем, пока еще черные племена куда ближе к мистицизму, чем к любой форме рационализма, а в их религиозных верованиях очень много язычества.

Не так давно в Либерии матрос Уильям Уаде объявил, что его посетил архангел Гавриил. Вскоре все жители окрестных деревень стали "уадистами". Сам Уаде принялся исцелять больных, хлопая их по голове Библией. Надо сказать, что Уаде был добросовестным проповедником: например, он не употреблял спиртного и всегда отчитывался перед своим приверженцами в полученных от них деньгах. Однако ученики довольно скоро превратили его учение в вакханалию, и кончилось тем, что Уаде был выслан из страны. Такие же пророки то и дело появляются на Берегу Слоновой Кости, в Нигерии, в Гане, в Бельгийском и Французском Конго. Конец всегда один и тот же: их приходится либо выдворять вон, либо сажать в тюрьму.

Возвращаясь к вопросу о расах, я хотел бы высказать свое глубокое убеждение: смешение рас — не просто благотельный фактор, но, может быть, единственный залог сохранения белого человечества. Оно составляет сейчас на земном шаре 20% населения. И если мы будем настаивать на сохранении "чистоты белой расы", то быстро увеличивающееся население других районов мира попросту сметет нас с лица земли в ближайшие столетия. Я не вижу иного выхода, как слиться с ним. ●

АНАТОМИЯ ВЛАСТИ

Парадокс государственного управления в демократических странах

1. Президент за столом

Мы знаем, кто правит в Белом доме, в Елисейском дворце, в ведомстве федерального канцлера ФРГ, — имена этих деятелей, их лица известны всем. Мы знаем их функции, знаем, что каждый из них располагает всем необходимым для руководства страной: мандатом избирателей, поддержкой общества и органов власти, штатом помощников, самыми современными средствами информации и связи, наконец, помещением — резиденцией главы государства. Все это мы знаем. И все же мы очень мало осведомлены о том, что собственно значит управлять страной.

Что мы можем сказать об американском президенте, кроме того, что он находится в Белом доме? Попробуем представить себе это конкретней. За письменным столом в кабинете, который носит название Овального зала, сидит человек. Предположим, что это его первый рабочий день. Вся для него внове. Политическая энергия, широкие социальные планы, проекты усовершенствования хозяйства — все это, пока еще не израсходованное и не претворенное в жизнь, сосредоточено в нем. Конституция облекала его полнотой власти. Он возглавляет правительственные учреждения. Сейчас он приступит к делу — начнет руководить Соединенными Штатами.

Так было, например, 4 марта 1933 года: Франклин Делано Рузвельт только что принял присягу и сел за стол в Овальном зале, намереваясь работать над текстом первого правительственного заявления. Ничего не вышло. Его предшественник Герберт Гувер оставил письменный стол пустым: ни листка бумаги, ни карандаша. Рузвельт, парализованный с детства, не мог подняться, но дверь в коридор была приоткрыта. Он крикнул, чтобы ему принесли письменный прибор. Никто не откликнулся. Лишь некоторое время спустя кто-то услышал повторный настойчивый зов президента и принес ему первые орудия власти: бумагу и перо.

Трумэн, преемник Рузвельта, провел на этом посту восемь лет, но так и не сумел проникнуться убеждением, что власть президента есть нечто реальное. После отставки он выражал сочувствие своему наследнику: "Он будет здесь сидеть, будет, так же как и я, говорить: делайте то-то, делайте то-то. И за этим ровно ничего не последует."

Спору нет, власть американского или французского президента, власть федерального канцлера не иллюзорна, она существует на самом деле. Но существует, если можно так выразиться, в двух ипостасях. В полном согласии с конституцией страны руководитель наделен определенными полномочиями, они зафиксированы в соответствующих статьях и параграфах закона и вовсе не так широки, как принято думать. Однако эту *формальную* власть не следует смешивать со значительно более обширной *реальной властью* *властвования*, с действительным руководством.

Первый канцлер Федеративной республики Конрад Аденауэр расширил рамки своей формальной власти до столь значительной личной власти, что республику, которой он дирижировал, стали называть демократией канцлера; раздавались голоса, что Аденауэр

превратился в единоличного правителя. Его преемник Людвиг Эрхард, хотя и сел в его кресло, но не унаследовал его истинную власть — и тоже стал мишенью критики: теперь канцлера упрекали не за то, что он слишком высоко вознесся, а напротив, за то, что он чересчур слабый правитель. Нельзя сказать, чтоб власть Эрхарда оставалась чисто формальной: определенного личного влияния он добился; но по сравнению с Аденауэром его власть была очень невелика, и в результате он сузил прерогативы канцлера своей практикой правления. Дело в том, что власть федерального канцлера — отнюдь не постоянная величина. Она колеблется. Она бывает больше, бывает меньше — в зависимости от качеств человека, занимающего этот пост.

Что значит на самом деле быть руководителем страны, как мало в этом положении само собой разумеющегося — Рузвельт понял в первую же минуту после прихода к власти. И действительно, как заправлять делами в Белом доме, когда он опустел? Как вообще править?

2. Механизм власти

Такие виртуозы власти, как Франклин Рузвельт, Конрад Аденауэр, Шарль де Голль, прежде чем начать командовать, тщательно прибирали к рукам внутреннее хозяйство своего управления. Обладая полнотой власти, далеко превосходящей их формальные полномочия, они всегда были в высшей степени озабочены *самой этой властью*, ее внутренним механизмом. На организацию этой власти, устройство аппарата, при помощи которого осуществляется власть, они не жалели времени и сил, ибо хорошо понимали: правитель, не умеющий контролировать аппарат управления, быстро слетит с высот власти на уровень должности. Они руководили людьми и учреждениями, которые кратко именуются "правительством", и черпали из этого источника личную власть. Эта власть нужна была им для того, чтобы через правительство руководить — фактически, а не формально — всей страной.

У того, кто обладает личной властью, превосходящей его формальную власть, то есть попросту говоря — у подлинного властителя, власть быстро ускользнет из рук, если он не сумеет постоянно возобновлять ее. Потому что персональная власть не есть власть по должности, но всецело основана на самой личности должностного лица и существует только благодаря ей. Чтобы полнота власти не превратилась в фикцию, мало быть ее обладателем. Нужно непрерывно, изо дня в день быть ее творцом. Правящая власть есть не что иное, как процесс создания власти. Вот почему правительство — это не просто агентура политического лидера, не только компания его сторонников. Это еще и объект политики, сама политика и ее первый, в некотором смысле важнейший продукт.

Процесс создания власти связан уже с тем, каким образом носитель власти распоряжается информацией, из которой он черпает свои политические знания. Многие думают, что качество руководства зависит от того, насколько сотрудники, поставляющие информацию руководителю, справляются с задачей вылавливать из огромной массы поступающих сведений наиболее существенные и правильно обрабатывать их. Это ошибка. Любая информация при дворе власти должна быть политически целесообразной. Правитель, облеченный исполнительной властью, быстро превратится в пленника информационной системы своего ведомства, если он не овладеет этой системой, не скрутит ей, так сказать, шею и не организует свою работу так, чтобы одновременно черпать информацию из другого, независимого источника и сопоставлять ее с ведомственной.

Вся информация, поступающая в распоряжение Аденауэра, была четко отделена от намерений и целей информаторов благодаря тому, что канцлер не давал им ни малейшего повода догадываться, какое впечатление произвели на него поступившие сообщения. Он внимательно выслушивал все, что ему докладывали, а о том, что он сам думает по

этому поводу, помалкивал. Чиновник, пришедший с докладом, покидал кабинет главы государства, не имея ни малейшего представления, "подействовал" ли его доклад на канцлера и в каком именно смысле.

Президент Рузвельт получал сведения об актуальной обстановке не только из множества источников, каждый из которых освещал определенную сферу, определенный род событий, но и пользовался перекрестной информацией, которая давала возможность сопоставить разные версии, исправить ошибки и восполнить недостаточность отдельных источников. Составители докладов не раз убеждались что президент в сущности осведомлен о том, что происходит, раньше и лучше, чем они.

3. Диалектика власти

Заставить других делать именно то, чего ты добиваешься, — центральная проблема всей стратегии создания власти. Правитель не может править сам, без помощи и участия других, иначе он будет руководить частностями, увязнет в мелочах и упустит целое. Джимми Картер вникал во все дела, хотел руководить всем и всеми — и в результате оказался весьма маломощным властителем. Президент или канцлер обязан разделить ответственность за ведение государственных дел между компетентными инстанциями, но разделить так, чтобы править всем, хотя бы в отдельных секторах за него "правили" другие.

Президент Эйзенхауэр создал двойную структуру разделения компетенции среди своих сотрудников. Он официально передал отдельным лицам ответственность за определенные сферы власти. Тем самым была создана внешняя структура или сеть правления. Но одновременно он поручил узкому кругу помощников негласно наблюдать за работой других и проверять их работу. Так образовалась вторая, внутренняя и не бросающаяся в глаза структура концентрации власти.

Канцлер Аденауэр систематически разъединял высших должностных лиц, помогавших ему управлять государством; работа была организована так, что каждый должен был обращаться по ходу дела к канцлеру, а не к другому чиновнику. Сферы компетенции были разделены и при этом находились, так сказать, на некотором отдалении друг от друга: попытка сблизиться означала бы превышение собственной компетенции. Вести разговор со всеми было привилегией самого Аденауэра. Он правил, и те, кто помогали ему править, в конечном счете помогали тому, чтобы он правил один.

Рузвельт практиковал другой метод, по видимости противоположный: он окружил себя кругами лиц, облеченных ответственностью в разной степени, кругами, которые пересекали и перекрывали друг друга; получился почти хаотический лабиринт. Никто из тех, кто помогал ему в управлении, не мог избежать этой сложной системы. Каждому была поручена определенная область компетенции, куда, однако, внедрялся со своей компетенцией другой работник, причем долгое время об этом не знал; и даже когда он воочию убеждался в этом, он все-таки оставался в неведении относительно всех других сфер компетенции, на которые он непроизвольно посягал или которые вклинивались в его сферу. Вдобавок Рузвельт имел обыкновение, поручая кому-нибудь отвечать за то или иное дело, выражаться очень неясно. Чтобы выполнить поручение, сотруднику приходилось самому нащупывать объем и границы работы; при этом сотрудники непроизвольно наталкивались друг на друга, а этого-то как раз и хотел президент: тот, кому удавалось овладеть положением, доказывал тем самым свои выдающиеся способности и становился ближайшим помощником "хозяина". Наконец, столкновения инстанций и должностных лиц давали Рузвельту удобный повод выступать в роли стоящего над всеми арбитра и посредника.

4. Геометрия власти

Когда власть и правление разделены между многими так, что каждый правит в частности, а сам руководитель правит всеми и всем, — тогда появляются особые лица, с которыми и через которых особенно удается такая стратегия создания власти. Это друзья правителя. Связанные чувством долга, друзья не бунтуют. С другом можно обойтись круче, чем с чужим. Друзья давно уже определили, кто из них первый, — задолго до того, как он станет первым человеком в государстве. Друзей нужно тоже держать в узде, если править совместно с ними, но править иначе, чем хочет первый человек, они не могут, — иначе какие же они друзья.

Франсуа Миттеран правит Францией, он правит Францией в Елисейском дворце, он правит в Елисейском дворце вместе со своими друзьями. Их немного, узы дружбы, связывающие их с президентом, различны, и роли их неодинаковы. Они образуют иерархию, но при этом частично перекрывают друг друга, да и позиции их могут меняться. В этой текущей конфигурации имеется лишь один постоянный элемент наподобие неподвижной точки, и эта точка — сам Миттеран, центр и организующее начало всех кругов.

В настоящее время — мы пишем эти строки в середине августа 1985 г. — "полк Миттерана" выглядит так: к кругу старейших друзей принадлежат в Елисейском дворце Ги Пенн, который занимается африканскими делами, и Шарль Зельцман, специалист по анализу общественного мнения и анализу самого французского общества, а также Франсуа де Гроссувр, человек, который до 1 июля этого года выполнял особые, по большей части секретные поручения, а сейчас числится "просто" другом президента; фактически Гроссувр — alter ego Миттерана. Другие члены этого круга, прежде работавшие в Елисейском дворце, а теперь занимающие важные правительственные посты, — это Андре Руссле, сотрудник Гавас, агентства, обслуживающего частное телевидение; Поль Гимар, руководитель Высшей комиссии по аудиовизуальной связи, координирующей работу средств массовой информации; Поль Легат, глава Конституционного совета; Пьер Николэ, член Государственного совета. Другие внешние связи Елисейского дворца, как в самой Франции, так и за ее пределами, осуществляются через посредство членов семьи Миттерана: это его сын Жан-Кристоф (некоторое время занимавший должность в Елисейском дворце), братья президента Жак и Робер и др.

Второй круг приближенных Франсуа Миттерана составляют лица, которые занимают посты в правительстве либо встречаются с главой государства в президентском дворце на правах частных посетителей; при этом, однако, обсуждаются — и решаются — насущные политические дела. Их имена известны. На Троицу, каждый год, президент встречается с друзьями в Клуни, где происходят длительные пешие прогулки. Эти встречи носят почти ритуальный характер и стали чуть ли не такими же легендарными, как знаменитые уединения генерала де Голля в Коломбе-ле-Дез-Эглиз.

Текущие конфигурации дружеских кружков характерны для политической практики французского и американского президентов, но также и федерального канцлера ФРГ. Этому не приходится удивляться, и это не должно никого шокировать: с давних пор искусство политики сочетается с искусством дружбы и, как встарь, функционирует с ним заодно. Нужно, однако, заметить, что за последние десятилетия люди, которые приходят к власти в Белом доме, в Елисейском дворце, в резиденции федерального канцлера, значительно усилили личные связи, цементирующие их правление, придав им более отчетливую форму реального правительства. Текущие конфигурации исполнительной власти, возникающие на основе дружеских конфигураций, собственно говоря, и есть не что иное, как второе правительство. Некоторое представление о роли этих образований, строго говоря, не предусмотренных конституцией, дает число сотрудников, занятых непосредственно в резиденции руководителя страны. В ведомстве федерального канцлера

состояло в 1949 году 111 сотрудников, в 1985 работает 483. Штат Елисейского дворца составляют сейчас 744 человека. В Белом доме насчитывалось в последние годы от 500 до 600 служащих; при этом надо иметь в виду, что глава государства непосредственно опирается не только на тех, кто находится в самой резиденции, но и на сотрудников многочисленных ведомств, которые составляют в своей совокупности Executive Office — Исполнительное управление президента. В нем занято почти пять тысяч человек.

Нечто подобное происходит и в Бонне, где канцлер пользуется услугами не только тех, кто работает в его ведомстве, но и сотрудников других учреждений, например, Федерального управления печати, штат которого — 720 человек. В чисто ведомственном отношении канцелярия главы государства и управление по делам печати — это два независимых учреждения. Но с политической точки зрения они являются компонентами одной и той же конфигурации исполнительной власти — власти канцлера.

Продолжая эту метафору, можно сказать, что отдельные части конфигурации власти подразделяются на более мелкие конфигурации, весьма похожие друг на друга в разных странах, как бы ни отличался манерой поведения и стилем работы президент США от канцлера ФРГ. Почти всегда эти малые конфигурации принимают форму клеверного листа или треугольника, центром которого оказывается лицо, выступающее в качестве малого alter ego правителя страны. Другие лица могут выполнять функции придворных теологов или мандаринов и в качестве таковых представляют собой малые ячейки власти. Укажем еще на специальные объединения сотрудников, которые в Бонне носят название рефератов или групп, в Париже именуются кабинетами или секретариатами, в Вашингтоне — офисами. Эти органы более или менее на виду у всех. Менее заметны образования, которые из центра власти проникают в межведомственное или вневедомственное пространство, о деятельности которых мало кто осведомлен, но которые служат главным инструментом решений. Это — безусловно выкованное оружие, надежное при всех поворотах политики и вместе с тем заменяемое: один "комитет" может быстро занять место другого, то и дело возникает какой-нибудь новый совет ad hoc, создаваемый специально для обсуждения какой-то конкретной проблемы и упраздняемый, коль скоро проблема разрешена. Подобные образования власти не склонны превращаться в учреждения, они текучи, изменчивы и воплощают гибкость и пластичность самой власти. Они объединяют лиц, участвующих в правлении, поверх институтов правления — но нередко привлекают к себе и более или менее посторонних людей.

5. Парадокс власти

Во всем, что мы здесь пытались изложить, нет никакой тайны: такова действительность государственного управления и ее конкретные действующие лица. То, что мы называем правительством, правлением, есть в конце концов абстракция. Реальны люди, которые правят.

В демократических конституционных государствах, каковыми являются Соединенные Штаты, Федеративная республика и Пятая республика во Франции, лица, приходящие к власти, оказываются перед своеобразным парадоксом власти. Они не должны и не могут править единолично. Согласно конституции, политическая власть не может быть сконцентрирована в одном человеке или в немногих людях; власть распределена среди многих. Власть — говоря словами Монтескье — обязана ограничивать власть. Однако это дробление власти есть элементарное и очевидное препятствие для самой власти: помеха именно тем лицам, которым надлежит осуществлять власть.

Выход, который нашли американские и французские президенты и германские канцлеры, один и тот же: проект правящей власти как власти личной и реализация этой личной власти посредством "второго правительства." Проект основан на личном элементе политического действия. Поэтому "второе правительство" никогда не может стать правительством в буквальном смысле слова: если бы это произошло, оно потеряло бы свою эффективность. Но таким же слабым и неэффективным сделалось бы и официальное правительство без полуневидимых конфигураций исполнительной власти. Парадокс власти находит лишь одно устойчивое решение: игра исполнительной власти между личной "сокровенностью" и институциональным "откровением". ●

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

НЕ МЕНЕЕ ТРЕХ НАТУРАЛЬНЫХ ВЕЛИЧИН

Памятники В. И. Ленину согласно постановления 2 Всесоюзного Съезда Советов должны быть поставлены в гг. Москве, Харькове, Тифлисе, Минске, Ленинграде и Ташкенте.

При скульптурной разработке темы в фигуре Ленина должно быть соблюдено сходство с оригиналом. Допускается скульптурная разработка в виде композиционной группы.

Изображение как Ленина, так и других персонажей (в композиции группы) может быть передано как в виде круглой скульптуры, так и барельефной и горельефной. При разработке темы в форме фигуры Ленина последняя должна быть не менее трех натуральных величин для круглой скульптуры, и не менее полутора — для барельефа и горельефа.

Памятники архитектурного типа должны быть разработаны в форме декоративного сооружения (как, например, арка, колонна, обелиск и т. п.), не предназначенного для утилитарного использования. Допускается, однако, включение в архитектурную композицию таких моментов, как трибуна, лестница, площадка и т. п.

При любой из указанных изобразительных форм памятников допускаются надписи в виде лозунгов, дат, изречений и т. д., связанных с идейным содержанием памятников.

В качестве материала для памятника допускаются устойчивые породы камня, гранита; металлы (чугун, бронза и др.); бетон, железобетон; стекло большой монолитности и комбинации из них (при выборе материала необходимо руководствоваться требованиями прочности и монументальности).

*Постановление Президиума ЦИК
о конкурсе на сооружение памятников В.И. Ленину.
"Известия", 16 сентября 1925 г.*

КОЛОКОЛЬНИ НА СЛУЖБУ НАРОДНОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Дмитровский Уисполком обратился в президиум Моссовета с просьбой указать, возможно ли использовать в сельских местностях колокольни церкви для установления на них, при сооружении в сельских местностях водопровода, водонапорных баков. В частности по Дмитровскому уезду был намечен план такого использования колокольни и сооружение водопровода в селе Подмошье.

Мосгубплан, считая, что использование каменных колоколен для установки на них водопроводных баков значительно сокращает затраты на сооружение водопроводов в сельских местностях, признал такое использование колоколен целесообразным при условии, если это будет признано по техническим соображениям допустимым. Вместе с этим, сообразуясь с неоднократными указаниями Наркомюста, губплан признал, что использование строений церкви под цели, не имеющие прямого отношения к культу, возможно исключительно с согласия религиозных общин, в ведении которых находится эта церковь.

"Известия", 12 сентября 1925 г.

Григорий ПОМЕРАНЦ (Москва)

ЖАЖДА ДОБРА

1. Сотворение кумира.

”Величайший русский писатель”... Когда мне было 20 лет, я хотел озглавить так свою работу о Достоевском. Отсоветовал товарищ: но в *тоне* написанного (и чудом уцелевшего) превосходная степень — на каждом шагу. Сейчас так пишет о Пушкине Валентин Непомнящий: ”величайший русский писатель” ... Автору уже не 20 лет. И, вдруг, — такая молодая, горячая, страстная работа...

”После плоской ”метафизической горизонтали” вольтерьянства Кавказ (в два этапа — 1820 и 1829) дал ему объем: своей природой, ”дикими” нравами, бурлящей жизнью, идущей по иным нормам. Кавказ дал ему вертикаль — главным образом, физическую (особенно в молодости). И он на деле убедился в том, что существует *высота*...”

Такие мысли хочется выписывать. Книга ”Поэзия и судьба” (М. 1983) во многом показалась мне лично близкой. Но чем ближе, тем больше хочется спорить, когда что-то царапает. Кажется, что спор не бесплоден, что можно добиться согласия (хотя это, скорее всего, иллюзия. Но она необходима, чтобы заговорить).

Мне досадно и больно, что человек, живущий внутренними ключами, хватается за внешнее, за чужую руку, за общие места славянофильской доктрины. Не потому, что я западник: я не западник, как и не славянофил. Хотя вместе с западниками тоскую по глотку свободы и вместе со славянофилами готов кричать, что свобода — без чувства духовной иерархии — отравя. Попытка анализировать Пушкина эвклидовским разумом не вызывает у меня даже желания спорить. С Вал.Непомнящим мне хочется спорить.

С чужими я не спорю. Просто отхожу в сторону. Спорю только с авторами, которые захватывают душу или, по крайней мере, ум. Но особенность нынешнего спора — то, что на последней духовной глубине я не чувствую решительно никаких расхождений. Мы служим одному Богу, — только по-разному понимаем Его (либо путь к Нему). Меня тревожит слишком нетерпеливая, слишком горячая жажда добра. Не только в Непомнящем. Но и в нем.

Одно из эссе, вошедших в книгу, — ”Народная тропа”, — начинается с двух постулатов: ”...доподлинно ясно: подобно тому, как, предположим, существует при всех, порой поражающе резких, отклонениях некий несокрушимо общий национальный тип, — так равнодействующая различных и подчас противоположных культурных тяготений устремлена к Пушкину.

Это можно не видеть простым глазом; но ведь и душу тоже, в отличие от тела, не увидишь” (стр.39).

О первой аксиоме я еще поговорю. У меня есть против нее некоторые возражения. Что касается второй, то я просто не понимаю, зачем она нужна? То есть нужна зачем-то в 20 лет, но в 40 уже была мне не нужна. Зачем она Непомнящему?

Движение к Пушкину, несомненно, есть; это одно из многих нынешних движений к святыням культуры. Но зачем нужно, чтобы именно это движение было самым-самым?

Пусть мне докажут, что оно важнее других (ну, хотя бы потому, что особенно не хватает гармонии, а Пушкин — символ гармонии). Или что к Пушкину идет 10 000 000, к Достоевскому идет 1 000 000, а к Мандельштаму — 100 000... Какое мне дело до всего этого? Я все равно иду своим путем, потому что другим итти не могу, и обращаюсь к тем, которые иначе тоже не могут. Пусть я останусь один, — все равно не отступлюсь от своего:

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны...

Или от стихотворения, из которого взял когда-то эпиграф:

Но не отсюда наше семя,
И потому туман вдали
Роднее нам, чем род и племя,
И внятней голосов земли...

Я люблю Достоевского, и лекции Непомнящего слушал с любовью, но мне кажется, что их стремление опереться на несокрушимые общенациональные черты и на равнодействующую, ведущую к Пушкину, возникло не без страха одиночества и не без испуга от того, что иногда называлось ”русскою широтой” или ”русским размахом”. И потому хочется уверить себя и других, что настоящая русскость тихая, кроткая, совестливая, а буйство и мерзость — это какие-то вывихи и наплывы. В таком духе написана была статья Д.С.Лихачева ”О русскости” (”Новый мир”, 1980), на которую В.Непомнящий несколько раз ссылается. Разница только в том, что миф Лихачева основан на древних источниках, то есть на иконе и житии (остальное подбирается приблизительно и не очень убеждает). А икона, со всем ее светом, слишком далека от будней. Чтобы лететь вместе с ангелами Феофана Грека и Андрея Рублева, надо иметь крылья. С Пушкиным кажется проще. Можно идти, не мудрствуя лукаво, за Петрушей Гриневым (береги честь смолоду), за Татьяной (я буду век ему верна)...

Тут хочется возразить: а за Медным Всадником? За Пугачевым? За Вальсингамом? Это, конечно, поражающе резкие отклонения. Но почему-то именно они захватывают поэта и вызывают из его сердца потрясающие стихи, а Гриневы и Савельичи — только в прозе, да и в прозе не на первом месте (первое — за Пугачевым). Кто царит в пушкинских стихах? Байрон, На-

полеон, Петр... В женщине, воспетой Пушкиным, добро и красота сошлись, в герое — нет, не сошлись. Впечатление от пушкинского героя сливается с морем и грозой. Уже здесь начались две бездны, разверзшиеся у Достоевского. Правда, есть Моцарт. И есть рыцарь бедный. Как у Достоевского — князь Мышкин. Но они — как бы с другой планеты, из мира чистой гармонии. За ними так же не просто пойти, как за ангелом с иконы.

Гений и злодейство — две вещи несовместные. Но поэзия выше нравственности или, по крайней мере, совершенно другое дело. Какое дело? Этого Пушкин не рассказывает, а просто взлетает вдруг над всеми противоречиями и в этот миг — пусть только на миг — дает нам пережить реальность вечности, где все временное слито, снято; дает пережить Бога не как заповедь, а как живую светлую бездну. Что из этого следует? Ничего. И все. Все целое, нераздельное и неделимое, живая жизнь, потерянная в нашей рассудочной цивилизации. Жизнь, без которой заповеди становятся пустыми словами:

Душа моя, Павел,
 Держись этих правил:
 Делай то-то и то-то,
 Не делай того-то.
 Кажись, это ясно.
 Прощай, мой прекрасный.

Как передать живое чувство бездны? Только метафорой, опрокидывающей рассудок. И выходит гимн чуме или потопление детей (в финале "Крысолова"). Как это понять с узко нравственной точки зрения? Никак. Поэзия выше нравственности. И жертвоприношение Авраама или праведник Иов, отданный сатане, или слова Христа: "Я принес не мир, но меч..." — все это, буквально понятое, безнравственно. Только зачем реализовывать метафоры? "Цель художества есть идеал, а не нравоучение". Давать уроки — занятие не для поэта и не для Бога, ответившего Иову всей красотой мира.

Жажда добра заставляет Валентина Непомнящего отбрасывать силу жизни, хлещущей не по правилам, без правил, заталкивая ее в поражающе резкие отклонения. Так заклинал свои бездны и Достоевский. В предисловии к "Братьям Карамазовым" он уверяет нас, что типичен один Алеша, а остальные почему-то уклонились в сторону. Весь роман — сплошное уклонение в сторону. Типична святость, нетипичны страсти, грех, низость. И даже борьба между небом и адом, расколотость между идеалом Мадонны и идеалом содомским — и это нетипично. Проводить такую точку зрения по романам Достоевского трудно; приходится романы отодвигать в сторону и выдвигать на первое место Дневник писателя, особенно Пушкинскую речь и наконец — самого Пушкина (как он трактуется в Пушкинской речи). С известной точки зрения так и есть: святой — обнаружение истинного народного лица. Грех — отклонение. Но если говорить всерьез, то надо иметь смелость и продолжить: вся история — уклонение в сторону, начиная с Евы, захотевшей яблока с древа познания добра и зла — и потерявшей рай:

Когда б мы досмотрели до конца
 Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
 То нам другого было бы не надо,
 И свет вовек бы не сошел с лица.

Когда б в какой-то уголок земли
 Вгляделись мы до сущности небесной,
 То мертвые сумели бы воскреснуть,
 А мы б совсем не умирать могли.

И дух собраться до конца готов.
 Вот-вот, сейчас... Но нам до откровенья
 Недостает последнего мгновенья,
 И громоздится череда веков.

(З.М.)

Так и длится история; а как только мы подходим к истории, с "несокрушимо общим национальным типом" не объяснишь ни одного поворота. Ни в истории литературы, ни в политической истории. Только увидев, на каком волоске висит над бездной пушкинская гармония, можно понять Достоевского и Толстого. Только вникнув в антиномии России, в ее pro и contra, можно объяснить царствование Ивана IV, Петра I, наконец, революцию. А если несокрушима лихачевская русскость, — откуда взялся Ленин? Разве только как нечто, навязанное извне? Но тогда кем же, если все народы по сути своей святы? Или один русский народ свят, а остальные (по крайней мере, западные) осатанели? Но почему бесы, родившиеся на Западе, разгулялись в России, Китае, Иране, Камбодже, а на Западе их удалось пока укротить?

Только из "поражающе резких отклонений" Достоевского и Гоголя строятся модели "Духов русской революции" Н.А.Бердяева или моего "Квадрильона", модели, которые кое-что объясняют в недавнем прошлом и в современности. Но что с ними делать моралисту? Не знаю. Разве только указать на путь "нравственного творчества", как говорил Бердяев, развития нравственной личности, способной, не прислушиваясь к массе, самой решать, где сегодняшнее хорошо и сегодняшнее плохо. А хочется указать на зримый идеал, привлекательный и годный для всех.

И вот из Пушкина выстраивается идеал, создается фигура неслыханного в мировой истории совершенства...

2. Кумир

"Дух Пушкина" — вовсе не дух эллинской гармонии или ренессансной эстетической гармонии, в которой "естественность" — часто уже не язык, не форма, а сама суть, *обожествленное естество*. "Естество" Пушкин никогда не обожествлял: в естественных формах он говорил о "сверхъестестве", о *существо*. В его гармонии и объективности нет олимпийской невозмутимости достигнутого, дух Пушкина — это дух антиномичности, когда то, что ка-

жется взаимоисключающим, складывается в одну неразъемлемую рассудком правду: "Унынья моего Ничто не мучит, не тревожит."; "Унылая пора! очей очарованье!". "Я вас любил; любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем," — он не хочет ничем печалить и именно этим пронзает.

Это неустойчивое равновесие, в котором каждая чаша весов вечно готова перетянуть, но никогда не перетягивает, — одна из основ его "загадочности", его, по слову Гоголя, неприступности, наконец, его непереваемости.. (стр. 56-57).

Здесь, собственно, о Пушкине все верно и очень хорошо сказано. А все сравнения пристрастны и натянуты. "Естественность" становится обожествленным естеством *часто*, но не на вершинах искусства. Пушкина надо бы сравнивать с вершинами, то есть с Шекспиром, а не с Клеманом Маро. С усредненным Западом сравнивайте Батюшкова: выйдет опять 1 : 1. И Гете, и Шекспир, и Софокл в естественных формах говорили о существе ("Все преходящее только подобие...") И всякая *великая* гармония есть равновесие антиномий. ("В твоём ничто я мыслю все найти..."). Олимпийская невозмутимость достигнутого — черта упадка гения, но не в этом его суть и суть гения *любой* культуры. Вообще, *часто* гении не бывают, гений редок, и сравнение гения одной страны с *частым* в другой — недопустимый ход, смешение уровней, невольная подтасовка фактов.

Вернемся, однако, к тому, что у Непомнящего верно сказано, — к внутренней антиномичности пушкинской гармонии: "это *неустойчивое* равновесие, в котором каждая чаша весов вечно готова перетянуть, но никогда не перетягивает..." (на этот раз подчеркнуто мною. — Г.П.). Действительно, неустойчивое и быстро нарушенное развитием русской культуры. Может быть, еще более неустойчивое, чем равновесие духа в иные эпохи, в других странах. *Эту* мысль мне хочется подхватить и развить, распространить ее на весь жизненный и творческий путь Пушкина и отчасти даже на понимание пути России, — как она в Пушкине отразилась.

Вал.Непомнящий пишет (и опять совершенно верно, по-моему, пишет) : "Последние годы показывают — а будущее покажет еще яснее, — насколько неверно рассматривать деятельность Пушкина лишь в контексте послепетровской истории, насколько глубоко, прочно (пусть на поверхностный взгляд, и неявно) связана она с исконным, глубоководным течением русского культурного процесса и как проясняется эта связь, эта "любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам", в ходе творческой и духовной эволюции Пушкина" (стр. 131—132).

Да, Пушкин соединил петровский, поверхностно и отвлеченно европейский слой культуры с традицией и народностью. Это верно, но верно и то, что совершил он свой духовный подвиг, опираясь на некоторые зигзаги европейского развития, к которому Петр приобщил Россию. Как раз незадолго до Пушкина немецкие романтики открыли ценность средневековой традиции, христианства и фольклора. Пушкин здесь скорее несколько запаздывал (около 1821 года ни один крупный европейский поэт не подражал Вольтеру и Парни). Но раз обратившись к традиции и народности, он нашел традицию решительно не западную и народность, еще не знавшую испытания свободой. Своеобразие Пушкина неотделимо от своеобразия

России, от особенностей русского развития. И наоборот: Пушкин впервые дал петербургскому периоду русской истории его лицо, нашел неповторимо русскую форму европейской культуры. Весь XIX век пошел по его стопам.

Тут важны обе стороны дела. Непомнящий подчеркивает огромную роль Арины Родионовны, русских песен, русских летописей в становлении Пушкина. Это все верно. Но верно и то, что Пушкин никогда не переставал чувствовать себя европейцем, — и свою музу, Татьяну, — европейкой, не уступившей парижским и лондонским образам *comme il faut*. Пушкин никогда не отрекался от Европы, не чернил ее (как это иногда делает Непомнящий, проводя прямую линию от рококо к нынешнему обществу масс, минуя гениальные зигзаги). И когда Лобанов стал чернить Францию, Пушкин ответил ему (в "Современнике", № 3): "Можно ли на целый народ изрекать такую анафему? Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье...". Это прямо по адресу будущих славянофилов.

В Пушкине все переплеталось и все уживалось: Арина Родионовна и западное *comme il faut*, классицизм XVIII века и романтизм XIX-го. Вал.Непомнящий просто отбрасывает взгляд на Пушкина как завершение XVIII века, — эта линия ему не нужна. Но ведь факты (даже ненужные) остаются фактами. Пушкин остается *на пороге* романтизма. И не только сохраняет вкус к рациональной ясности слога, к одическим интонациям (это и у Тютчева было, и у Баратынского). Он прямо провозглашает в программном стихотворении: "Да здравствуют музы! Да здравствует разум!" Какой романтик мог бы это сказать? Пушкинская критика романтизма переключается с гетевской (есть работы, где это текстуально показано).

Можно найти в пушкинском равновесии на краю бездны аналогию и с Ренессансом, когда религиозный дух Средних веков впервые столкнулся с рациональным личностным началом Нового времени. В одном стихотворении Пушкин прямо ссылается на Рафаэля (ангел Рафаэля так созерцает божество). И все его любимые женские образы — рафаэлевские: "чистой прелести чистейший образец". Божественное выступает как совершенная женская красота и красота — как облик божества: "Все в ней гармония, все диво, все выше мира и страстей. Она покоится стыдливо в красе торжественной своей...". Небесное венчает земное: "И сердце бьется в упоенье, И для него воскресли вновь И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слезы, и любовь". И вопреки всей западной и восточной аскезе, бессмертные стихи лепят образ близости мужчины и женщины: "О, как милее ты, смиренница моя...". Образ преображенной, а не отсеченной чувственности.

А великие мужи, воспетые Пушкиным? Не проступают ли в них, сквозь романтический образ сильной личности, фигуры с плафонов Сикстинской капеллы? Слова Пушкина о Петре (в "Полтаве") звучали как перевод термина "terribilita", созданного восторженными поклонниками Микельанджело; это какое-то единство ужаса, красоты и восторга.

Вал.Непомнящий цитирует одно из поздних стихотворений Пушкина, проникнутых пуританским духом, и восклицает: "Нет, никак не могу согласиться с идеей о ренессансности Пушкина!" (стр.325).

Соглашаться или не соглашаться — дело доброй воли. Достоевский позволял себе иногда не соглашаться и с тем, что дважды два — четыре. "Дважды два — пять, — говорит один из его героев, — тоже премиленькая иногда вещичка". Однако в любом случае ссылка на стихотворение 1836 года ничего не доказывает. Никто никогда не утверждал, что *все* стихи Пушкина переключаются с поэзией Возрождения — или что эта переключка продолжалась до последнего дня жизни. У позднего Пушкина возникает новая переключка: с XVII веком.

Речь идет об очень простых вещах. Пушкин (и в Пушкине вся русская культура, хлебнувшая свободы в царствование Александра Первого) пережил упоение свободой, кризис свободы и поиски духовной иерархии, без которой свобода становится преступным своеволием. В истории Европы это было впервые и с неслыханной прежде силой пережито в XV-XVI веках. Дальнейшие зигзаги так сильно уже не переживались. Поэтому первое русское опьянение свободой, пушкинское опьянение, до некоторой степени аналогично Ренессансу.

Аналогия эта продолжалась в творчестве Лермонтова и Гоголя (современников позднего, "пуританского" Пушкина). Все трое участвуют как бы в двойном ходе времени: общеевропейского времени XIX века и собственно русского, в котором Лермонтов и Гоголь синхронны скорее европейскому XVII-му. С этой точки зрения становится понятным, почему Просвещение пришло *после* Пушкина и Гоголя (по внутренней логике развития, Просвещение предшествует XIX веку). Я пришел к своей концепции, разбираясь в странностях развития Достоевского, и впоследствии нашел некоторые аналогии в истории культуры вестернизованных стран Азии и Африки. Любой крупный незападный писатель XIX-XX веков живет по двум часам: местным и западным (ставшим мировыми).

Однако Пушкин Непомнящего ни в какой истории не участвует. Он только раскрывает глубинную суть русского духа, который, в свою очередь, инвариантен и уходит корнями прямо в онтологию (то есть в Бога). Практически это означает акцент на фольклоре. Все главное в Пушкине, даже интонации в его лирике, выводится из фольклора (ибо фольклор меняется медленно и может рассматриваться как незыблемая субстанция народного духа).

В этом есть своя правда. Фольклорная ниточка вплетается в пушкинский ковер. Однако вплетается она вместе с другими. И когда находишь одну ниточку, это не значит, что другие (все прочие) теряют значение. Пушкин народный и "онтологический" не перечеркивает Пушкина исторического и европейского. Даже в сказках Пушкина народное — только один из источников вдохновения. А тем более в романе или в трагедии.

Вероятно, без непосредственной, кровной, интимной связи со стихией народного слова и народной совести (через Арину Родионовну) Пушкин остался бы чистым лириком (как Баратынский и Тютчев). Лирик может быть совершенно не народен. Таков, например, Р.-М.Рильке; таков же (несмотря на свое славянофильство) Тютчев. Философская лирика его уходит в бездну, где никаких народов не остается, есть только ядро личности и Бог. Другое дело — эпос и трагедия. Без связи с народом, без чувства

звена в его истории нельзя было бы написать ни "Бориса Годунова", ни "Капитанской дочки", ни даже "Онегина". Но опять-таки: с одной только народностью ни романа (в прозе или в стихах, все равно), ни трагедии написать было нельзя. И роман, и трагедия — органические формы западной культуры, примерно как икона органична для византийского православия. Формы европейской литературы живут и дышат под пером Пушкина так же естественно, как византийский канон — под кистью Рублева. Это невозможно без общности духа. А удерживать в единстве европейскую культуру и русскую народность, русскую традицию — до Пушкина никто не умел. И с такой неповторимой легкостью! Гений парит поверх противоречий, разорвавших время. В какой мере это можно объяснить? Думаю, в очень небольшой. Крылья гения недоступны анализу. Всякие теории заходят здесь в тупик, как Сальери — перед явлением Моцарта. Мы можем вывести Пушкина из истории и из онтологии, из XVIII века и из древности, из западных влияний и песен Арины Родионовны. Но стоит увлечься любой из этих точек — и живой, цельный Пушкин исчез.

Достоевский признавал всемирную отзывчивость коренной русской чертой. Это несколько преувеличено. Россия временами круто переходит от периодов отзывчивости к периодам закрытости и опоры на внутренние корни. Сейчас сильнее второе. А Пушкин был и народен, и отзывчив; и трудно сказать, чего в нем было больше. Во всяком случае, он был народен без усилий, без почти судорог Достоевского и Толстого. Забота о народности не тяготила его, и после "Годунова" он не написал ни одной трагедии на русские темы. Видимо, западные характеры были ему сподручнее для трагедии, как французский язык — для писем.

После Пушкина народность сразу стала проблемой, общество раскололось на западников и славянофилов, и все попытки синтеза опять сбивались в западничество или славянофильство. Это относится и к Пушкинской речи Достоевского, и к попытке Непомнящего заново интерпретировать эту речь: "В пушкинской гармонии он (Достоевский. — Г.П.) услышал правду о мире, о том, что мир в замысле своем гармоничен и хорош, и все зависит от человека, который должен знать и учитывать, что не вне его правда, не за морями, а в нем самом. Он услышал в пушкинской антиномичности и гармонии жажду единения — не сплошного слияния, а именно нераздельно-неслиянного, братского единения индивидуального, человеческого, национального, вообще раздельного и различного, — в целокупности этого прекрасного мира" (стр. 136-137). Да, такая тенденция в русской литературе есть. За что Томас Манн и называл ее святой. Но ведь было и другое. Было даже совсем противоположное. И у того же Пушкина — "Бородинская годовщина": "славянские ручьи сольются ль в русском море?" (за счет уничтожения Польши). И у того же Достоевского, наряду с призывами к братской любви, — шовинизм. И всемирная отзывчивость мыслится иногда как мандат на Третий Рим, на окончательное устройство мира под русской властью.

То, что пишет Вал.Непомнящий, прекрасно. Но это его собственный идеал. Исторический Пушкин был скорее "певец империи и свободы" (как выразился о нем Г.П.Федотов).

Однако продолжу цитату: "Эта жажда, породившая, в частности, общинные утопии и соборные идеалы, берет свое начало в том источнике народного сознания, из которого исходили младшие современники Пушкина, ранние славянофилы, разрабатывавшие учение о "ядре" человеческой личности (и соответственно — о самобытности нации, о духе народа) — ядре нерасщепляемом, неуловимом, не поддающемся определениям, неповторимо-уникальном, но в то же время своими последними недрами раскрытом ко всеобщему" (стр.137).

Ранние славянофилы заслуживают доброго слова. Ядро личности, раскрытое своими недрами ко всеобщему, непременно надо открыть самому, отвлеченное знание здесь остается на уровне слов. Но образованность заставляет признать, что впервые ядро личности, раскрытое всеобщему, было осознано в Индии (и названо атманом) за несколько веков до Р.Х. (и за тысячи лет до самых ранних славянофилов). А славянофилы следовали не столько "источнику народного сознания" (то есть Евангелию?), не непосредственно Евангелию, а немецкой романтической философии, повторяя ее ошибку и увлекаясь сравнением народной души с душой или личностью отдельного человека. Новый Завет этой ошибки не делает. Он утверждает бессмертие личности, а не народа. "Несть во Христе ни еллина, ни иудея". Это решительно противоречит романтической философии, по которой душа народа бытийственно глубже души отдельного человека. Последовательное развитие превосходства народной души ведет к язычеству (и пришло, в той же Германии).

Александр Пушкин или И.В.Гете были личностями в прямом и точном смысле слова. Другое дело — личность Германии или России; это скорее иносказание, метафора, попытка дать образ тому, что прямо никак не опишешь (многое непонятно, а то, что удается понять, плохо укладывается в слова).

3. Несокрушимо общие анекдоты

Я решительно отказываюсь принять постулат ("доподлинно ясно") о "несокрушимо общем национальном типе." Народный характер бесконечно сложен и наши подходы к нему очень несовершенны. Один из таких подступов — народный идеал. Характер в нем как-то отразился. Но если идеал и есть народный характер, то, по-видимому, у всех народов. Тогда, к примеру, истинный немец — Генрих Белль, а Генрих Гиммлер — "поражающе резкое отклонение". Истинные евреи — Корчак или Бубер, а известный стукач Эльсберг или Азеф — "поражающие отклонения". С метаисторической точки зрения (как я уже признавал) так оно и есть. И в далеком прошлом (с которого очень многое началось) истинный еврей — Иисус из Назарета, а его гонители "уклонились" (первые христиане, вплоть до Павла, так и полагали).

Однако участие немцев или евреев в истории явно не сводится к деятельности праведников и святых. Более того, люди глубокой и чуткой совести обыкновенно менее активны, чем мерзавцы и нахалы, а при взгляде со

стороны, на рынке, в очереди, наблюдая исторические катаклизмы, мы сталкиваемся не столько с Алешей, сколько со Смердяковым, не столько с Иисусом, сколько с Иудой и т.п. Поэтому человек не книжный, знающий грузин не по Бараташвили или Табидзе, а по Черемушкинскому рынку, склонен "несокрушимо общий тип" чужака строить по уклонениям; так, как чужаков рисуют Гоголь и Достоевский. Свой же "несокрушимо общий национальный тип" прихватывает все доброе, что повсюду бывает в людях, например, кичливый лях или верный росс? Или особенную привязанность к христианству и т.п.

Достоевский, сильно грешивший такими конструкциями, временами совершенно терял веру в них. В черновиках к "Бесам" он пишет все то, что мог бы написать я: что привязанность России к христианству ничуть не крепче, чем на Западе, и так же будет расшатана просвещением... Словом, "несокрушимо общий национальный тип" сбивается либо в идеал, лежащий в основе целого *культурного круга* (а вовсе не одной нации), либо в перечень самых пошлых, бросающихся в глаза черт (например, кичливость шляхтича). С одной стороны — икона, с другой — анекдот. Так, разумеется, и в жизни. Но в жизни у каждой нации свои иконы и свои анекдоты. А в идеологии иконы наши, анекдоты ваши. И мы, во имя наших икон, вправе топтать вас, анекдотчиков.

В книге Вал.Непомнящего такой дискриминации нет; не сомневаюсь, что она бы его прямо возмутила, но в жизни всякое бывает (например, в сравнительно недавней дискуссии "классика и мы"). С портретом Гете ходили на первомайскую демонстрацию (в гитлеровской Германии). Можно пойти и с портретом Пушкина. И пока это еще не делается, хочется загодя разобраться в идеологической системе икона — анекдот.

Оговорюсь, что собственно против анекдота у меня никаких возражений нет. Я люблю хорошие анекдоты. Я только против попыток понять жизнь, не подымаясь выше анекдотических заметок о своих соседях.

Вот, например, анекдот, который мне нравится: в раю французы — повара, немцы — инженеры, англичане — полицейские, итальянки — любовницы, а швейцарцы — прислуга. А в аду? В аду полицейские — немцы, повара — англичане, любовницы — швейцарки, прислуга — итальянцы... Или такой, совсем свежий: чукча — это диагноз, грузин — профессия, еврей — социальное положение, а русский — это судьба. Я слышал десятки подобных анекдотов. Они бесконечно разнообразны в деталях, но строго инвариантны в одном: национальный характер или характер страны сводится к одной черте. Вспоминаю, впрочем, единственное исключение, услышанное примерно в 1931 или 1932 году: один англичанин — сплин, два англичанина — бокс, три англичанина — парламент, много англичан — цивилизация. Что такое один француз, я, к сожалению, забыл. Два француз — дуэль, три француз — адюльтер, много француз — революция. Один еврей — молитва, два еврея — спор, три еврея — базар, много евреев — наркомат (тогда еще были наркоматы, и в наркоматах еще были евреи). Анекдот явно сочинен интеллигентами, понимающими разницу между внутренним миром национальной культуры и ее внешним обнаружением. Так что глубокий внутренний мир (молитва) может сочетаться с пошлым функционирова-

нием (базар), а смутный внутренний мир (сплин) — с блестящим историческим поприщем (парламент, цивилизация). Любопытно также скрытое противопоставление цивилизации и революции...

К сожалению, масса так не мыслит. И если рассматривать сам анекдот как индикатор массового сознания, то однозначность анекдотических характеристик — черта скорее грустная, чем смешная. И даже страшная черта. Решительно на том же анекдотическом уровне массы и вожаки масс мыслят всерьез, строя (и подхватывая) мнимо научные теории и идеологии (поэтому именно идея "несокрушимого общего национального типа" меня тревожит). Я хорошо помню, как "несокруσιμο общий национальный тип немца противопоставлялся "несокруσιμο общим национальным типам" низших рас. Например, русских: "белокур, ленив, хитер, любит пить и петь". Это — подпись под картинкой в гитлеровском учебнике этнографии. И достаточно близко к тому, что думал сам фюрер. Иначе он не начал бы войны против России — или, по крайней мере, вел бы ее иначе, попытался бы найти в русском народе своего союзника...

Что здесь фактически ложно, в этой гитлеровской характеристике русского? Как будто ничего. И вместе с тем — все. Потому что русский солдат не только ленив и хитер и любит выпить. Он еще очень мало дорожит своей жизнью, способен к беззаботной удали, к неожиданной расторопности под огнем...

У себя дома немец усерден и аккуратен, русский действует довольно вяло (на это Гитлер и рассчитывал). Но когда под ногами разверзается бездна смерти, солдат меняется; и с каким восторгом артиллеристы били по немецким танкам! Я прошел через всю войну и совершенно убежден, что русский человек больше всего чувствует себя человеком именно у бездны на краю (а не в мирной, добропорядочной обстановке; не в доме, который построил Джек. Об этот эффект бездны Гитлер и расшибся...). А потом герои снова становились разгильдяями, пьяницами и ворами.

Жизнь не укладывается в модель несокруσιμο общего национального типа. Средний русский человек 1940, 1943 и 1946 года — это разные люди. Это я видел сам, и понимаю, что французы в 1783 и 1793, русские в 1913, 1918 и 1923 годах — разные люди. Но идея несокруσιμο общего типа очень крепка как предрассудок, как иллюзия. Масса и ее идеологи крепко держатся за свои предрассудки и готовы на величайшие страдания, даже на гибель, лишь бы не расставаться с привычным образом жизни и мысли. Один пример я уже привел. Другой — на Ближнем Востоке. Если бы в 1948 году арабам надо было делиться с турками, дело скорее всего не дошло бы до войны. Но с евреями, с тварью дрожащей! С евреями арабы не хотели сидеть за одним столом. И вот — война, поражение. А принять поражение от твари дрожащей еще более немыслимо. Все равно что мужика баба побилa. Позор! Сразу после перемирия начался сбор поводов для новой войны. Берегутся лагеря беженцев (в те же годы Индия и Пакистан расселили 16 миллионов — то есть в двадцать раз больше). В лагерях воспитывается поколение людей, живущих и дышащих только реваншем. А в основе всех фактов, созданных для пропаганды и раздуваемых пропагандой, — психологический стереотип: мы — потомки воинов-суперме-

Тут трудно остановиться. В Достоевском весь национальный характер разложен на антиномии. Но нельзя опираться на одного неповторимого писателя, и даже вся литература одного девятнадцатого века здесь недостаточна (Библия собиралась десять веков). И мысленно я учитываю и такую пару, как Игорь-мблodeц (из "Повести о горе-злосчастии"), и "киевский" и "московский" пласты в целом. Впрочем, ясно определить все пары, встающие в воображении, не берусь. Можно только наметить самое характерное, проходящее через творчество нескольких писателей, лично несхожих (скажем, Достоевский, А.К.Толстой, А.Н.Островский). Видимо, это и есть ведущее в национальном характере.

Впоследствии, познакомившись с этнографией, я сделал еще одно наблюдение: в племенных культурах антиномичность выражена слабо. Ряды антиномий складываются у народов со сложной исторической судьбой, и не у всех в равной степени. Есть народы, тяготеющие к золотой середине (чехи), и народы с резким разбросом между крайностями (русские). У одних совсем не сохранились архаические пласты, крестьянско-фольклорные, у других какие-то реликты фольклорности сохраняются. Но "несокрушимо общий тип" можно найти только у бушменов или у аборигенов Австралии.

Раскалывая племенное единство на множество типов, история делает это с непостижимым искусством, сохраняя некоторое единство, некоторую общую плоскость, на которой располагается ряд антиномий, некоторое направление, в котором ориентирован открытый, развивающийся во времени ряд. Все слова, которые приходят мне в голову, — метафоры, но бросается в глаза, что каждый ряд антиномий антиномичен по своему. Перекликаются друг с другом типы святости; их антиподы резко различны: *Иисус — Иуда; Мышкин — Рогожин*.

Русской святости чаще всего противостоит самодур, деспот, а еврейской — предатель. За этим стоит историческая судьба: избыток своей государственной власти — и отсутствие собственного государства, способного казнить. Другие пары вообще несопоставимы. И в результате выходят разные системы. Народный характер не сводится к одному типу и вместе с тем он как бы есть лицо сравнительно с другими народами. Примерно так Европа обладает известным единством, если сравнивать ее с Китаем или Индией, или с миром ислама; но при взгляде изнутри европейского нет, а есть английское, французское, немецкое и т.д.

В каждом историческом народе развитие подчеркивает разные крайности, уравнивающие друг друга. Одна крайность, возникая, тащит за собой противоположную. Например, в индийской культуре очень форсирована духовность, до мироотрицания. Значит, надо искать форсированную чувственность, и находишь ее (в тантризме). Если в Китае почитание родителей доведено до высшего религиозного долга, то ищи противоположную крайность и найдешь ее (в буддизме чань). Если в русском народе и в литературе бросается в глаза повышенная совестливость, то с чем она связана? Видимо, с повышенной способностью к преступлению, с нестойкостью нравственных образцов, с тяготением к безднам, которые тоже можно проследить и в жизни, и в литературе... Я даже думаю, что совестливость как-то

нов, сынов пустыни; они — тварь дрожащая. И вся жизнь должна быть приведена в соответствие с частушкой, которую один знакомый мальчишка принес мне в 1960 году: "Абрам и ахнуть не успел, Как на него Насер насел!"

Неважно, что Насер умер, не дождавшись победы. Не Насер, так Асад насел. Не Асад, так Каддафи. Да здравствует стереотип, хотя бы мир погиб! И, может быть, в самом деле погибнет — от спички, брошенной в палестинский пороховой погреб.

4. Несокрушимо общее в оксюморонах

Если анекдот тяготеет к однозначным определениям, то поэзия — к оксюморонам: "Ты и убогая, ты и обильная...", "Нам внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений..." Марина Цветаева, рисуя еврейский характер, выстраивает оксюмороны в ряд, то есть намечает возможность *системы антиномий*:

...за все гроши
вы кровью заплатите нам. Герои!
Предатели! Пророки! Торгаши!

Видимо, совершенно независимо от Цветаевой антиномический подход к тому же характеру был разработан Л.Б.Пинским в тридцатые годы, опираясь на Библию. Модель Леонида Ефимовича состояла из трех пар: *Иисус — Иуда; пророк — патриарх; Соломон — Самсон*.

В характеристике патриарха Пинский исходил из Иакова, отмечая, между прочим, его торгашескую хитрость; это близко к Цветаевой ("Пророки! Торгаши!"). Первая цветаевская антиномия с Пинским не совпадает; скорее всего Марина Ивановна исходила из опыта революции (Гершуни — Азеф), а Леонид Ефимович — из анализа древнего текста. Такие расхождения не опровергают друг друга.

Познакомившись со схемой Пинского, я тут же попытался приложить ее к Западу и к России. Но Запад я плохо знаю и смог нащупать только немного. Во Франции: Гамлен — Бротто; пара, выхваченная Франсом из истории: Кальвин — Рабле, Руссо — Вольтер, повторяющееся из века в век противостояние патетического и чувственно иронического (самоу Франсу можно противопоставить Роллана). В Англии (по Диккенсу) — мистер Домби и мистер Пиквик, делец и чужак. Зато в России выстраивались пара за парой:

1. Рогожин и Мышкин (варианты: Иван Васильевич и Федор Иоаннович, Гордей Торцов и Любим Торцов; в общих словах, отвлекаясь от личных особенностей — самодур и юродивый).

2. Пугачев и Савельич (вариант: Тихон Щербатый и Платон Каратаев).

3. Петр и Обломов (со средним термином в Тюлине из рассказа Короленко "Река играет" или в Илье Муромце: до 30 лет сиднем сидел... Непобедимая вялость и всепобеждающий взрыв энергии).

прямо связана с деловой недобросовестностью. Иногда даже у одного и того же человека.

Помнится, Леонтьев писал, что в России легче встретить святого, чем попросту честного человека. В этой шутке есть доля культурологии. Существует деление на культуры вины и культуры греха, культуры стыда (перед людьми) и культуры совести (перед Богом). Уровень нравственности в культурах стыда может быть довольно высоким. Например, у китайцев. Хотя совесть в китайской культуре не то что отсутствует, но не акцентирована. Фингарет, исследовав наиболее достоверные тексты Конфуция, не нашел ни одного иероглифа, который можно перевести как "совесть". Делались попытки признать совестью центральное понятие конфуцианской нравственности "жень" (буквально: человечность). Но "жень" означает скорее "долг любви", "человеческие отношения между людьми". Когда Конфуция спрашивали, что такое жень, он отвечал очень конкретно: столько-то раз в неделю подать родителям теплую воду для умывания и т.п. Этика сливается с этикетом, и решающий стимул — не совесть, а стыд. Когда традиционный китаец "терял лицо", срамился, он кончал с собой. Замечателен также факт, о котором я прочитал у Пришвина: если китаец сплутовал в игре, то его не бьют, не таскают за вихры, а убивают на месте. Культура стыда обращена не к Богу, который долго терпит, а к людям; и люди беспощадны к нарушителям закона. В итоге — очень высокий уровень честности, в том числе профессиональной, исключительная добросовестность в труде. А святых маловато, и те, что есть, не конфуцианцы, стоят в стороне от фарватера китайской культуры.

В Индии святых несравненно больше (оттуда и в Китай пришел буддизм), а уровень честности и профессиональной добросовестности ниже. Новое время резко понизило уровень святости в Европе — и повысило уровень честности; на севере, где совершенно прекратилось прославление святых, плодовые деревья растут вдоль дорог — яблок никто не ворует. Леонтьев, человек парадоксального и острого ума, натолкнулся на закон, приложимый только к России. Но, конечно, и Россия — не исключение. Акцент на совести всюду связан с недостатком стыда, акцент на стыде — с недостатком совести.

Мне скажут: вы противоречите себе! Отрицали общий национальный тип и сами о нем заговорили... Так ведь я не отрицал, что противоречия национального характера в иных случаях интегрируются. Я только настаиваю, что единство это соткано из противоречий и при ближайшем рассмотрении рассыпается на противоположные характеры. С одной стороны (хотя бы у Достоевского) — совестливые мошенники, которые каются, а потом снова делают пакости (Лебедев, Келлер), а с другой — нравственные порывы, способные любого грешника, даже убийцу поднять почти до святости (повороты в душе Раскольникова, Мити Карамазова). И т.д. и т.п. ●

Окончание в следующем номере

Цивилизация выживает — или возрождается — не в силу какой-то своей особой природы: она влечет нас либо тем, что приоткрывает некую сторону человека, либо тем, что мы находим в ней нужные нам ценности. Разумеется, мы берем эти ценности перевоплощенными; и очевидность перевоплощения тем нагляднее, что если каждая из цивилизаций прошлого видит в своем представлении о человеке нечто всеобъемлющее, исчерпывающее, то по окончании любой эпохи обнаруживается, какие именно стороны в человеке культивировала ее цивилизация.

Культура, в той мере, в какой она — наследие, включает в себя одновременно и сумму знаний, где искусствам принадлежит лишь малая доля, и легендарное прошлое. В любой культуре есть Плутархово начало, в том смысле, что каждая развитая культура передает нам целостный идеал человека. На эпитафию павшим под Фермопилами: "Путник, поди возвести нашим гражданам в Лакедемоне...", на китайскую надгробную надпись в честь героя-врага: "В вашей следующей жизни окажите нам честь возродиться среди нас!" — откликаются образы, свободные от ненасытного упоения кровью... Цель любой культуры — сохранить, обогатить или преобразовать, не нанеся ему ущерба, идеальный образ человека, унаследованный теми, кто его в свою очередь творит. У нас на глазах народы, одержимые будущим, — Россия, Американский континент — все внимательнее вглядываются в прошлое именно потому, что культура — это определенное качество мира, полученное в наследство.

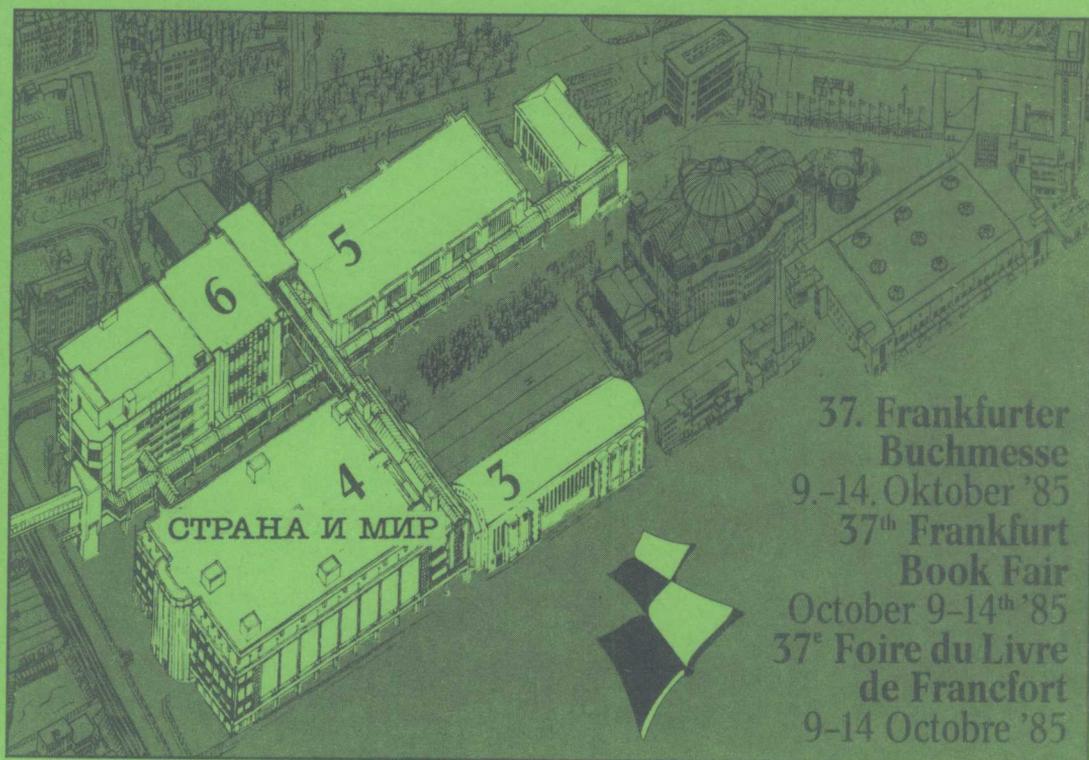
Но пути к этому качеству не всегда единообразны... Культуры исчезнувших цивилизаций предстают нам не столько в их различиях, сколько как ответвления единого древа. Их смена не выстраивается в некую теософию культуры, потому что человечество развивается по канонам перевоплощения, а не по законам сложения или даже взросления: Афины — не детство Рима, того менее Шумер. Мы можем синтезировать знание отцов церкви и великих мыслителей Индии, но не христианский опыт первых и индуистский опыт вторых; мы можем объединить все, кроме основ.

Наша культура складывается, таким образом, не из примиренных культур прошлого, не из непримиримых его частей. Мы знаем: она не инвентарный список, наследие — это перевоплощение, прошлое надо отвоевать; мы знаем: это в нас, через нас оживает диалог теней, столь излюбленный риторикой. Чем, кроме взаимных оскорблений, могут обменяться на берегах Стикса Аристотель и израильские пророки? Для того чтобы завязался диалог между Христом и Платоном, нужно было родиться Монтеню. Но гуманизм, ради которого мы воскрешаем умершие культуры, вовсе не предопределен заранее, это воскрешение, как и у Монтеня, взывает к гуманизму, которому еще предстоит определиться...

Голос художника черпает свою силу в том, что рожденный одиночеством, он скликает к себе всю вселенную, чтобы навязать ей человеческие интонации; великие искусства прошлого доносят до нас непобедимый внутренний голос исчезнувших цивилизаций, поправший смерть. Священная песнь, которую возносит этот голос — выживший, а не бессмертный, — подымается над звуками неумолчного оркестра смерти. Мы осознали судьбу так же глубоко, как осознал ее Восток, но для нас она куда более многолика и соотносится с роком древности, как наш музей с коллекцией памятников античности. У нашей судьбы иные масштабы, чем у мраморных теней, она — Призрак XX века, и именно в противоборстве с нею пробует утвердить себя нарождающийся вселенский гуманизм.

**"СТРАНА И МИР"
НА ФРАНКФУРТСКОЙ КНИЖНОЙ ЯРМАРКЕ**

Зал 4.1, стенд М 933

**37. Frankfurter
Buchmesse
9.-14. Oktober '85
37th Frankfurt
Book Fair
October 9-14th '85
37^e Foire du Livre
de Francfort
9-14 Octobre '85**